

ВЕСТНИК РФФИ

Гуманитарные и общественные науки

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

ISSN 1562-0484 eISSN 2411-7234

№ 2 (87) апрель – июнь 2017 года

Основан в 1995 году

Зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций, свидетельство ПИ № 77-12977 от 25.12.2002

Учредитель

**Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Российский фонд фундаментальных исследований»**

Главный редактор В.Я. Панченко,
заместители главного редактора В.Н. Фридлянов, В.В. Квардаков

Редакционная коллегия:

И.Ю. Алексеева, Л.А. Беляева, И.А. Виноградов, Ю.Л. Воротников,
П.Г. Гайдуков, А.А. Демидов, М.В. Иванова, Г.Б. Клейнер, Н.И. Пикуров, Н.Л. Селиванова,
Д.В. Трубочкин, Д.В. Ушаков, В.В. Шелохаев

Редакция:

Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская

Адрес редакции:

123557, г. Москва, ул. Пресненский вал, д. 17

Тел.: +7 (499) 702-85-76

E-mail: rovir@rfh.ru

Russian Foundation for Basic Research Journal

Humanities and social sciences

ISSN 1562-0484 eISSN 2411-7234

No 2 (87) April – June 2017

Founded in 1995

Registered by the Ministry of the Russian Federation for printed media, television and radio broadcasting and mass media, certificate III No. 77-12977 dated December 25, 2002

The Founder

Federal State Institution

“Russian Foundation for Basic Research”

Chief editor V.Ya. Panchenko,

Deputy chief editors V.N. Fridlyanov, V.V. Kvardakov

Editorial board:

I.Yu. Alekseeva, L.A. Belyaeva, I.A. Vinogradov, Yu.L. Vorotnikov,
P.G. Gaidukov, A.A. Demidov, M.V. Ivanova, G.B. Kleyner, N.I. Pikurov, N.L. Selivanova,
D.V. Trubochkin, D.V. Ushakov, V.V. Shelokhaev

Editorial staff:

R.A. Kazakova, I.L. Rovinskaya

Editorial office address:

17 Presnensky Val St., 123557 Moscow

Tel.: +7 (499) 702-85-76

E-mail: rovir@rfh.ru

ЭФФЖ – 25 лет

Панченко В.Я. Быть первопроходцем	9
--	----------

К 100-ЛЕТИЮ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Петров Ю.А. Российская революция 1917 года: власть, общество, культура	13
Юрчёнков В.А., Куршева Г.А., Чернов А.В. Крестьянство России в годы революции 1917 года и Гражданской войны: особенности современной историографической ситуации	25

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ**ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Артёмов Е.Т., Мельникова Н.В. Атомный проект СССР: стратегия и практика реализации	38
Писарькова Л.Ф. Коррупция в государственном управлении России XVII–XIX веков: условия, эволюция, противодействие	49
Васеха М.В. «Новая советская женщина»: конструирование образа в 1920-е годы (по материалам юга Западной Сибири)	57

ЭКОНОМИКА

Потравный И.М., Гассий В.В. Методология проектного управления ликвидацией накопленного экологического ущерба	68
Шубин В.Г., Архангельская А.А. ЮАР: трудное время для стратегического партнёра России	77

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

Дмитриев И.С. Институализация европейской науки раннего Нового времени: бэконский ракурс	89
Тощенко Ж.Т. Новое в социальной структуре общества: прекариат	100
Зеленев И.А., Прохода В.А. Доверие и уровень образования жителей европейских стран и России	109

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Круглов В.М. «Ведомости» эпохи Петра I как источник по истории русского литературного языка	118
Грачёва С.М. Основные тенденции современного академического изобразительного искусства Санкт-Петербурга	129

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА**Сапогова Е.Е.**

Экзистенциальный опыт личности: возможности эмпирического анализа 143

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**Гаджиев М.С.**

Дербентское поселение: некоторые итоги раскопок (2012–2016 годов)..... 155

Кадиева А.А., Демиденко С.В.Раскопки комплекса археологических памятников близ селения Заюково
(Кабардино-Балкарская республика) 164**КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ****Мельникова Е.А.**Восточная Европа в древности и средневековье: XXIX Чтения памяти
члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто (Москва, 19–21 апреля 2017 г.) 172**Кобзев А.И.**47 (ежегодная) Научная конференция «Общество и государство в Китае
(Москва, 27–29 марта 2017 г.) 176**МИР КНИГИ РФФИ****Шилов Д.Н.**Российское дворянство в революции 1905 года.
«Беседы» губернских предводителей / Изд. подгот. И.В. Лукоянов.
СПб.: Нестор-История, 2016. — 512 с. 180**Туманова А.С.**Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания / Сост., автор предисл. и коммент.
К.А. Соловьёв. М.: Политическая энциклопедия, 2016. — 1037 с. 184**Лисеев И.К.**Овчинников Н.Ф. Поиски понимания: избранные труды по истории
и философии науки. М.: Новый хронограф, 2016. — 650 с. 187**Фан И.Б.**Массовая политика: институциональные основания / Под ред. С.В. Патрушева.
М.: Политическая энциклопедия, 2016. — 286 с.: ил. — (Политология России). 190**Абрамов В.П.**Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А.
Системный взгляд как основа филологической мысли. М.: Издательский Дом ЯСК,
2016. — 440 с. — (Язык. Семиотика. Культура) 194**Ильина Т.В., Станюкович-Денисова Е.Ю.**Императорская Академия художеств в культуре Нового времени. Достижения.
Образование. Личности: К 260-летию основания Академии художеств.
К 70-летию Научно-исследовательского института теории и истории изобразительных
искусств Российской академии художеств / Отв. ред. Е.А. Тюхменёва. М.: БуксМАрт,
2016. — 432 с.: ил. 198**Лиманская Л.Ю.**Соколов Б.М. Василий Кандинский. Эпоха Великой Духовности.
Живопись. Поэзия. Театр. Личность. М.: БуксМАрт, 2016. — 536 с.: ил. 202**Коршиков А.С.**Кокарев А.И., Салыков А.Ю. Русские и советские музыканты в медальерном искусстве.
М.: Композитор, 2016. — 512 с.: ил. 205

CONTENTS

RFBR celebrates its 25th anniversary

<i>Panchenko V.Ya. Being a pioneer</i>	9
--	---

FOR THE 100TH ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN REVOLUTION

Petrov Yu.A. The Russian Revolution of 1917: power, society, culture	13
Yurchenkov V.A., Kursheva G.A., Chernov A.V. The Peasantry in Russia during the 1917 Revolution and the Civil War: Peculiarities of Modern Historiographic Situation.....	25

WHAT THE WINNERS OF RFBR COMPETITIONS ARE WORKING ON

HISTORICAL SCIENCES

Artemov E. T., Melnikova N. V. The USSR's atomic project: strategy and practice of realization	38
Pisarkova L. F. Corruption in the State Administration of Russia in the 17 th –19 th centuries: conditions, evolution, opposition	49
Vasekha M. V. “New Soviet Woman”: the construction of the image in the 1920s (based on the materials of the southern part of Western Siberia).....	57

ECONOMICS

Potravny I. M., Gassiy V. V. Project management methodology for the accumulated environmental damage liquidation	68
Shubin V. G., Arkhangelskaya A. A. South Africa: a difficult time for Russia's strategic partner	77

PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. POLITICAL SCIENCE. JURISPRUDENCE

Dmitriev I. S. Institutionalization of Science in Early Modern Europe: A Baconian Perspective	89
Toshchenko Zh. T. New in the social structure of society: precariat	100
Zelenev I. A., Prokhoda V. A. Trust and Level of Education among the Europeans and Russians	109

PHILOLOGY. ART CRITICISM

Kruglov V. M. “Vedomosti” Newspaper from the Era of Peter I as a Source of the History of the Russian Standard Language	118
Gracheva S. M. Key Trends of the Modern Academic Art of Saint-Petersburg	129

COMPLEX HUMAN STUDY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY

Sapogova E. E. Personal Existential Experience: Empirical Analysis Attempt	143
--	-----

FIELD RESEARCH

- Gadzhiyev M.S.**
Derbent settlement: some findings of excavations (2012–2016) 155
- Kadiyeva A.A., Demidenko S.V.**
Excavations of a complex of archaeological sites near Zayukovo village
(Kabardino-Balkaria republic) 164

CONFERENCES. CONVENTIONS. SYMPOSIA

- Melnikova E.A.**
Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages: the 29th Readings dedicated
to the Associate Member of the USSR's Academy of Sciences V.T. Pashuto
(Moscow, April 19–21, 2017) 172
- Kobzev A.I.**
The 47th (annual) Scientific Conference "Society and State in China"
(Moscow, March 27–29, 2017) 176

THE RFBR BOOK WORLD

- Shilov D.N.**
The Russian nobility in the revolution of 1905. "Conversations" of provincial leaders /
Edition prepared by I.V. Lukoyanov. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2016. – 512 p. 180
- Tumanova A.S.**
Kulomzin A.N. Experiences. Memories / Compiler, author of the foreword and comments
Solovyov K.A. Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya, 2016. – 1,037 p. 184
- Liseyev I.K.**
Ovchinnikov N.F. The search for understanding: selected works on the history
and philosophy of science. Moscow: Novyy Khronograf, 2016. – 650 p. 187
- Fan I.B.**
Mass politics: institutional foundations / Edited by S.V. Patrushev. Moscow:
Politicheskaya Entsiklopediya, 2016. – 286 p.: pictures. – (Political Science of Russia).... 190
- Abramov V.P.**
Valentinova O.I., Denisenko V.N., Preobrazhenskiy S.Yu., Rybakov M.A. Systemic view
as the basis of philological thought. Moscow: YASK Publishing House, 2016. – 440 p. –
(Language, Semiotics, Culture)..... 194
- Ilyina T.V., Stanyukovich-Denisova E.Yu.**
The Imperial Academy of Arts in the culture of modern times. Achievements.
Education. Personalities: For the 260th anniversary of the Academy of Arts.
For the 70th anniversary of the Research Institute of Theory and History of Arts
of the Russian Academy of Arts / Editor-in-Chief E.A. Tyukhmenyova. Moscow:
BuksMArt, 2016. – 432 p.: pictures..... 198
- Limanskaya L.Yu.**
Sokolov B.M. Vasiliy Kandinskiy. The Age of Great Spirituality.
Painting. Poetry. Theater. Personality. Moscow: BuksMArt, 2016. – 536 p.: pictures..... 202
- Korshikov A.S.**
Kokarev A.I., Salykov A.Yu. Russian and Soviet musicians in the medal art. Moscow:
Kompozitor, 2016. – 512 p.: pictures..... 205

*В.Я. Панченко,
академик,
председатель Совета
Российского фонда
фундаментальных
исследований*

Быть первопроходцем

27 апреля нынешнего года исполнилось 25 лет Российскому фонду фундаментальных исследований — самому массовому и демократичному институту конкурсной поддержки отечественной фундаментальной науки.

Быть первым — всегда почётно и ответственно. Быть первопроходцем в одной из крупнейших стран мира — в высшей степени почётно и ответственно. Российский фонд фундаментальных исследований стал первым в нашей стране государственным научным фондом, и отрадно, что наш опыт теперь используют более молодые научные фонды.

РФФИ с самого начала своей деятельности оказывал поддержку научным исследованиям по всем направлениям фундаментальной науки на конкурсной основе без каких-либо ведомственных ограничений.

За 25 лет пройден солидный путь, оставивший яркий след в истории не только отечественной, но и мировой науки и отмеченный выдающимися научными достижениями. За четверть века Фонд поддержал более 130 тысяч научных проектов. Почти каждая третья публикация российских учёных в ведущих отечественных и зарубежных журналах имеет благодарственную запись о том, что работа была поддержана грантом РФФИ.

Важно, что Фонд не стоит на месте, непрерывно развивается как живой организм: постоянно появляются новые виды конкурсов и направления деятельности.

Если в первые годы своего существования Фонд решал задачи сохранения научно-технического потенциала страны в условиях драматических преобразований в общественных и экономических отношениях, то в последние годы он стал важным фактором развития отечественной фундаментальной науки, центром поддержки новых научных идей, средством ориентации фундаментальной науки на решение проблем регионов, стартовой основой для научной карьеры молодых учёных, равноправным партнёром в области международного научного сотрудничества.

В 2016 г. в структуру РФФИ вернулся Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ). Эта интеграция открыла новые перспективы для реализации междисциплинарных проектов на стыке естественных и гуманитарных наук.

РФФИ сегодня — это:

более 20 тысяч грантов ежегодно

свыше 300 тысяч грантополучателей

научное сотрудничество с 32 странами мира

более 3500 отечественных и зарубежных экспертов

крупнейшая в России программа научного книгоиздания

В настоящее время Фонд начинает новый этап своей деятельности, основные задачи которого определены в «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», утверждённой Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г. Этот важнейший документ уже стал основополагающим для РФФИ.

Для примера назову лишь несколько поддержанных Фондом междисциплинарных тем, реализующих современные научные приоритеты: «Фундаментальные задачи акустической томографии и мониторинга, ориентированные на современные проблемы освоения Арктики», «Использование информационно-аналитических методов при разработке биомедицинских клеточных технологий и технологий регенеративной медицины», «Фундаментальные проблемы группового взаимодействия роботов», «Современные методы кристаллографии и фотоники для исследования и создания перспективных материалов и оптических элементов», «Фундаментальные проблемы в исследованиях психического здоровья человека и общества», «Безопасность и противодействие терроризму».

Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации придаёт особое значение проблеме выявления талантливой молодёжи и построения её успешных карьерных траекторий в науке, технологиях и инновациях с целью развития интеллектуального потенциала страны.

Понимая государственную значимость задачи подготовки новых поколений учёных, РФФИ разработал Программу поддержки молодых учёных. На протяжении ряда лет мы успешно реализуем модель адресной поддержки талантливой молодёжи, основанную на «сквозных конкурсах» по цепочке «студент — аспирант — научный сотрудник». В рамках реализации этой модели РФФИ сегодня предлагает семь видов конкурсов по поддержке молодых учёных, находящихся на разных ступенях профессионального и карьерного развития. Отрадно, что эти конкурсы пользуются большой популярностью: ежегодно в них принимает участие более 15 000 человек.

В спектре молодёжных конкурсов особое место занимает конкурс «Мой первый грант». Его основными задачами являются широкое привлечение к реальной научно-исследовательской работе студентов и аспирантов, создание талантливым молодым учёным условий для проведения самостоятельных исследований и активного участия

в фундаментальных исследованиях, а также для выработки навыков руководства научными коллективами.

Популярность этого конкурса год от года растёт: если в 2012 г. для участия в нём были поданы 5 283 заявки, в 2014 г. — 5 975, то на конкурс 2016 г. поступили 6 263 заявки.

Проанализировав распределение заявок на конкурс «Мой первый грант» за последние несколько лет, мы выявили тенденцию возрастания интереса молодёжи к таким направлениям, как инфокоммуникационные технологии и вычислительные системы, естественно-научные методы в гуманитарных науках и др.

Но самым важным результатом реализации этого конкурса стало то, что сотни молодых учёных, получивших опыт участия в конкурсе «Мой первый грант», стали успешно конкурировать со своими старшими коллегами в традиционных конкурсах РФФИ.

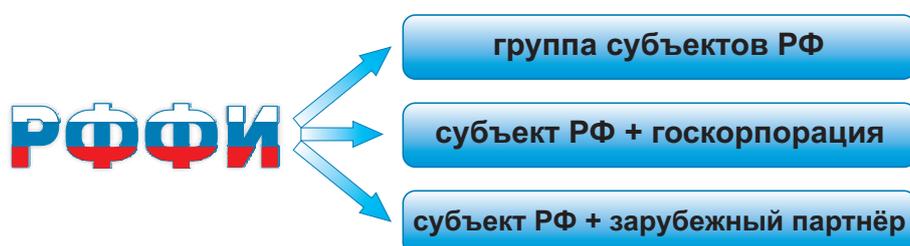
Исключительно полезным и перспективным представляется проведение конкурса проектов организации у нас в стране российских и международных молодёжных научных мероприятий. Главные задачи этого конкурса — выявление и систематизация актуальных научных проблем и тенденций, создание условий для обмена результатами исследований между молодыми учёными России и зарубежных стран. На сегодняшний день в поддержанных Фондом мероприятиях — конференциях, съездах, научных школах, семинарах — приняли участие более 40 000 представителей молодой научной смены.

Признанием на государственном уровне эффективности реализуемой Фондом Программы поддержки талантливой молодёжи стал тот факт, что почти все лауреаты Государственных премий России в области науки и техники среди молодых учёных являлись ранее руководителями или исполнителями проектов РФФИ.

Фонд активно расширяет географию конкурсной деятельности и на паритетной основе реализует программы совместных научных исследований с субъектами Российской Федерации. Основными задачами региональных конкурсов являются поддержка фундаментальных научных исследований, результаты которых могут быть положены в основу решения практических задач, стоящих перед тем или иным субъектом РФ; создание условий для обмена результатами исследований по научным проектам, поддержанным Фондом и субъектом РФ; развитие научного сотрудничества; поддержка научных коллективов и отдельных учёных, которые проводят фундаментальные исследования на территории субъекта РФ.

В 2016 г. на региональные конкурсы поступило свыше 2200 заявок от учёных, работающих в 47 субъектах РФ. Результаты, полученные в ходе выполнения исследований по грантам, находят непосредственное применение в практической деятельности регионов, обеспечивают их руководство научно обоснованными рекомендациями. Хотелось бы подчеркнуть, что участниками конкурсов являются научные коллективы и учёные всей страны, а не только конкретного субъекта РФ, в интересах которого проводятся исследования, что способствует расширению научных связей региона.

Забываясь о перспективах развития региональных программ на условиях паритетного финансирования, Фонд разрабатывает новые варианты конкурсного взаимодействия с субъектами РФ, основанные на многостороннем сотрудничестве:

Практически с первых дней своей деятельности Фонд активно включился в международное научное сотрудничество, начал устанавливать связи с зарубежными фондами, министерствами, центрами. И это закономерно, поскольку международное сотрудничество является универсальным средством обмена знаниями и интеграции научных коллективов для решения общих глобальных проблем современности.

Сегодня РФФИ проводит более 30 международных конкурсов, в том числе пять — на многосторонней основе. Активно развивается сотрудничество с Немецким научно-исследовательским сообществом, Ассоциацией Гельмгольца (Германия), Национальным центром научных исследований (Франция), Национальными институтами здоровья (США), Государственным фондом естественных наук (КНР), Швейцарским и Австрийским научными фондами, Национальным исследовательским фондом (Республика Корея).

РФФИ выступил одним из учредителей Евразийской Ассоциации поддержки научных исследований (ЕАПИ). В эту ассоциацию вошли Армения, Белоруссия, Вьетнам, Киргизия и Монголия. Меморандум об учреждении ассоциации был подписан в Москве в июле прошлого года, а первый многосторонний конкурс по междисциплинарной тематике запланирован на нынешний год.

И ещё об одном важном направлении деятельности Фонда хотелось бы упомянуть. Речь идёт об электронных информационных ресурсах зарубежных издательств, доступ к которым обеспечивает РФФИ. В 2016 г. это были издательства «Springer» (2400 журналов и 4 базы данных), «Elsevier» (2300 журналов) и «The Cambridge Crystallographic Data Center» (базы данных). Доступ к этим информационным ресурсам получили более 700 российских организаций-подписчиков.

Российский фонд фундаментальных исследований, объединившись с Российским гуманитарным научным фондом, начинает новый этап своей истории, связанный с научными приоритетами, определёнными Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации, и уверенно смотрит в будущее.

Иначе нельзя, ведь мы — первопроходцы!

К 100-ЛЕТИЮ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

УДК 930
ГРНТИ 03.23.55**Ю.А. ПЕТРОВ***

Российская революция 1917 года: власть, общество, культура

В статье рассмотрена проблема воздействия Великой российской революции как единого процесса, включавшего несколько фаз развития (в том числе Февральскую и Октябрьскую революции), на ключевые стороны жизни страны. Какие факторы обусловили революцию и какие изменения она принесла России с февраля 1917 г. до лета 1918 г., когда завершилось оформление новой Советской власти (Конституция РСФСР 1918 г.)? Каковы перспективы формирования научно обоснованной исторической памяти об этих событиях спустя столетие? Поиску ответов на эти и другие актуальные вопросы посвящено проведённое исследование.

Ключевые слова: Россия, Великая российская революция, экономика, положение в мире, властные структуры, политические партии, общество, культура

С толетие российской революции закономерно вызвало повышенный интерес профессионального сообщества историков к общественно-политическим, социально-экономическим и гуманитарным проблемам, которые породили социальный взрыв 1917 г. в нашей стране. Великая российская революция 1917 г. и начавшийся в её результате «советский эксперимент» по силе воздействия на общемировые процессы признаны одними из важнейших событий XX в., как в своё время Великая французская революция предо-

пределила развитие западной цивилизации в XIX в.

Признавать российскую революцию лишь результатом действий внешних злокозненных сил, как это имеет место в части историографии постсоветского периода, значит не понимать или сознательно игнорировать логику общественного прогресса, реализуемого в различных формах и комбинациях в зависимости от конкретной исторической ситуации. На современном этапе развития историографии российские и зарубежные учёные приходят к выводу о трактовке

* **Петров Юрий Александрович** — доктор исторических наук, директор Института российской истории, руководитель проекта «Российская революция 1917 г.: власть, общество, культура» (15-31-12025а(ц)).
E-mail: director_iriran@mail.ru

событий 1917–1921 гг. как единой Великой российской революции, прошедшей в своём развитии несколько этапов, включая Февральскую, Октябрьскую революции и Гражданскую войну. Данный подход позволяет преодолеть сохраняющуюся в историографии и современном общественном сознании дихотомию восхваляющего мифотворчества («революция — локомотив истории»), а также и идеологически, и политически ангажированного негативизма («революция — абсолютное зло»). При этом революционные события в современной исторической науке рассматриваются в качестве определяющего фактора влияния на все стороны политической, социальной, экономической и культурной жизни страны [1, с. 3–16].

В профессиональном сообществе утвердилось понимание того, что революция — это процесс, а не событие. Следует отметить характерное для современных исследователей стремление раздвинуть хронологию революционных событий в России, анализировать их в более широком историческом контексте. Становится нормой рассматривать проблему в продолжительных хронологических рамках «эпохи великих потрясений» 1914–1921 гг. В последние годы особое внимание уделяется роли Первой мировой войны в нарастании революционных процессов в стране [2, с. 640–955; 5, с. 3–139]. Если в советское время отечественная и зарубежная историографии в целом противостояли друг другу, то в постсоветскую эпоху наметилось формирование диалогового, единого историографического пространства [3, с. 92–112].

За последние годы в изучении Великой российской революции произошли серьёзные изменения в теоретико-методологической базе исторических исследований, значительно расширилась археографическая база. В работах последнего времени всё чаще высказывается мнение, согласно которому глубинные причины русских революций следует искать не в провалах правительственной экономической поли-

тики, а в успехах российской модернизации с сопутствующими им трудностями перехода от традиционного общества к индустриальному. Основной акцент при этом делается на анализе того, насколько правящая элита справлялась с вызовами времени и понимала необходимость реформ. Согласно такому подходу революция в России произошла из-за неготовности государства адекватно отвечать на вызовы времени, что привело его к столкновению с демократизирующимся обществом. В связи с этим большое внимание стало уделяться изучению состояния политической жизни накануне революции 1917 г., развитию гражданского общества. В предлагаемой вниманию читателя статье рассмотрен ряд ключевых проблем истории Великой российской революции и её воздействия на основные стороны жизни страны и положение в мире.

Международное положение России в революционную эпоху

Касаясь проблемы международного положения России в революционную эпоху, необходимо подчеркнуть, что внешнеполитический курс Временного правительства, оставаясь по своим приоритетам и базовым установкам почти идентичным царскому, отличался от него стремлением укрепить позиции России в славянском мире — в первую очередь, путём создания независимых чешского и польского государств — и урегулировать отношения с Финляндией, восстановив её урезанные царизмом автономные права [4, с. 344–345]. О выходе из войны на относительно почётных условиях, который, вероятно, только и мог предотвратить последующие революционные катаклизмы, в Петрограде задумались лишь после провала корниловского путча, когда момент был уже упущен. К осени 1917 г. российская армия окончательно утратила боеспособность, в глазах как союзников, так и противников Россия перестала восприниматься в качестве самостоятельного политического

игрока, её великодержавный статус пошатнулся.

Победа большевиков привела к тому, что проблемы внешней и внутренней политики тесно переплелись; строго говоря, сами эти понятия утратили привычное содержание. Германия по-прежнему делала ставку на сохранение и поддержание революционной нестабильности в России, что предполагало сохранение власти большевиков. Вместе с тем ленинский «Декрет о мире», принятый II съездом Советов, сумел произвести впечатление на некоторых европейских «левых» [5, с. 145–230]. «Похабный» Брестский мир, с одной стороны, позволил укрепить большевистскую власть, с другой — усилил дезинтеграционные процессы, обернувшиеся отделением от России значительных окраинных территорий. Россия вышла из войны, как и было обещано большевиками, но это не принесло спокойствия стране [6, с. 140–302, 555–587].

Экономика России

Экономика России после Февраля 1917 г. находилась в перманентном упадке. Кризис промышленности нарастал в течение всего года (во многих отраслях переломными стали летние месяцы), что ещё более усугубило внутренние экономические, социальные и политические противоречия в стране. Противостояние «труда и капитала» стало решающим фактором экономической катастрофы. Пытаясь найти выход, Временное правительство постепенно отходило от позиции надклассового арбитра, пытаясь переложить всю ответственность за развал промышленности на рабочих и подавить «беспорядки и анархию» на производстве путём репрессий, вплоть до использования военной силы. Организация сил и промышленников, и рабочих фактически велась с целью защиты исключительно классовых интересов, приобретающих антагонистический характер. Причём обе стороны показали неумение, нежелание и неспособность использовать обществен-

ные, созданные на паритетном принципе арбитражные институты [7, ч. 1, с. 216–218, 400–405]. Социальная революция разрасталась, приобретая характер неизбежного нового политического переворота.

Лидеры большевиков имели очень приблизительные представления о путях формирования нового государства и новой системе управления. Поэтому организационные шаги новой власти в первые послеоктябрьские месяцы носили характер своеобразных поисков методом проб и ошибок. При этом в качестве возможных вариантов рассматривалась и экономика, основанная на «рабочем контроле», и национализация с передачей предприятий в директивное управление высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), и даже партнёрство с частным капиталом в форме государственно-капиталистических концернов.

Неудачные попытки организовать эффективное хозяйствование в рамках «рабочего контроля» и реалии разгоравшейся Гражданской войны в конце концов вынудили советских руководителей сделать ставку именно на широкомасштабную национализацию и формирование системы «главкизма». С весны 1918 г. экономика начала перестраиваться в соответствии с принципами «военного коммунизма». Ценовая политика в аграрном секторе, расширение практики государственных заготовок, переросшие в хлебную монополию Временного, а затем хлебную диктатуру Советского правительства, явились, по сути, последовательными шагами в этом направлении.

Самым слабым звеном народного хозяйства к 1917 г. оказалась транспортная система России. Несмотря на огромный объём работ по повышению пропускной способности железных дорог в военные годы, устранить копившиеся десятилетиями проблемы оказалось невозможно. В течение 1917 г. материально-техническая база железнодорожного транспорта продолжала ухудшаться. После Октября 1917 г. вся ответственность за состояние

транспорта легла на Совет народных комиссаров во главе с В.И. Лениным, а реальная власть на железных дорогах оказалась в руках железнодорожных профсоюзов (Викжеля). Обуздание «сверхреволюционности» рабочих масс на транспорте стало главной задачей Советского правительства.

В финансовой области Временное правительство, признав обязательства прежней власти, в целом продолжило политику финансирования войны путём бумажноденежной эмиссии и внутренних займов, однако масштабы этих операций в громадной степени возросли в связи с увеличивавшейся дезорганизацией экономической жизни. Отдельные попытки осуществить принципиально

иные действия в этой сфере («Заём Свободы» — ил. 1) остались незаконченными или провалились. Восемь послефевральских месяцев 1917 г. оказались периодом нарастания жесточайшего финансово-экономического кризиса, усугубляемого растущей общественно-политической нестабильностью [8, с. 463–510].

Политика большевиков в области финансов отличалась скорее импровизацией и реагированием на складывающуюся в данный момент ситуацию, чем следовала заранее продуманному плану. Необходимо учитывать большое влияние на неё Брест-Литовского мирного договора (ил. 2) и российско-германского дополнительного соглашения 27 августа 1918 г. Ради мирной передышки, необходимо

большевикам для сохранения власти, наша страна была вынуждена пойти на огромные финансовые жертвы (контрибуция в размере 6 млрд золотых марок). Германия, воодушевлённая перспективой сепаратного мира с Россией, признала мероприятия советского государства в экономической области, прежде всего национализацию промышленности, в том числе принадлежавшей германским владельцам. Для большевиков сепаратный мир, помимо выхода России из мирового конфликта, означал затягивание войны на Западе, что содействовало углублению революционного кризиса в Германии и наступлению мировой революции, на чём основывался их главный стратегический расчёт.

Политическое развитие

Политическое развитие страны после Февраля 1917 г. было отмечено стремительной трансформацией властных институтов, складыванием новой политической системы, в результате распада которой установилась Советская

Ил. 1. Кустодиев Б. Заём свободы

Ил. 2. Празднование мира. 3 марта 1918 г.

власть [9, с. 20–36]. Революции неумолимо нарушают привычный порядок жизни, отменяют устоявшиеся правила даже тогда, когда новые ещё только виднеются на горизонте. Временное правительство заняло позицию «непредрешенчества»: новый политический порядок должен быть установлен лишь Учредительным собранием. Однако на практике вся власть была сконцентрирована в руках правительства, которое являлось и законодательным, и распорядительным, и даже судебным учреждением. Это была диктатура, которая стеснялась своих диктаторских полномочий. В то же самое время это была революционная власть, вынужденная признать свою недостаточную революционность. Не способное проводить собственный политический курс, Временное правительство оказалось во власти стихии, с которой не могло справиться.

К осени 1917 г. официально существовавшие государственные институты перестали быть доминантами в системе властных отношений. В политическую жизнь ворвались общественные струк-

туры, которые явочным порядком захватывали власть. В научной литературе Советы часто представляются органом власти, существовавшим параллельно с Временным правительством и до поры до времени делившим с ним полномочия. Проблема в их взаимоотношениях усматривается в дублировании функций, что приводило к неразрешимым конфликтам (отсюда и «двоевластие»). Эта историографическая конструкция сильно упрощает ситуацию, сложившуюся после февраля 1917 г. Весной–летом 1917 г. Советы в большинстве случаев на власть не претендовали, от неё дистанцировались, однако, как это ни парадоксально, чаще всего на практике располагали ею. Они осуществляли власть, принимая фактически законодательные решения (хрестоматийный случай — Приказ № 1), и при этом полагали, что лишь осуществляют контроль над правительством.

Сложившееся как следствие авторитарной политической культуры представление о двоевластии в итоге не соответствует действительности. На местах так называе-

мые комитеты общественных организаций порой способствовали возникновению Советов рабочих и солдатских депутатов. Вместе с тем вся страна покрылась целой сетью всевозможных организаций, часто называвших себя «Советами»: Советы офицерских депутатов, Советы трудовой интеллигенции и т.п. Помимо этого возникло множество профессиональных и «национальных» организаций, кооперативов, землячеств. Всё это отражало процесс общественной консолидации не по политическому, а по более архаичному — сословному и этническому — принципам. Особенно заметно это проявлялось на окраинах бывшей империи. Процесс стихийной самоорганизации препятствовал политической консолидации общества.

Советы как институт динамично эволюционировали в течение 1917 – первой половины 1918 г. Постепенно менялось и отношение к ним. Идея «советской власти» далеко не сразу получила «права гражданства» и среди большевиков. Безусловное же влияние Советов на политическую жизнь бывшей империи свидетельствовало не столько о «двоевластии», сколько о разрушении властной вертикали и утрате управляемости страной.

Большевистские представления о власти точно так же менялись под влиянием конъюнктуры. Их изначальные концепции не выдержали испытания временем и были отброшены новым правительством. В 1918 г. уже не стоял вопрос о полновластии Советов, уничтожении административного аппарата, выборности чиновников, подконтрольности их трудящимся и т.д. На практике самые широкие полномочия концентрировались в руках Совета народных комиссаров. Кроме того, уже на раннем этапе существования советской политической системы наметилась тенденция к установлению однопартийной диктатуры. К июлю 1918 г., т.е. к моменту принятия первой советской Конституции, процесс формирования новой политической системы отнюдь не завершился.

Более того, Конституция РСФСР 1918 г. в значительной степени противоречила программным документам партии большевиков. Даже сложившиеся реалии она отражала частично, имела больше агитационное, чем юридическое значение. Это было лишнее свидетельство того, что государство в привычном понимании отмирало, чтобы воскреснуть уже на новых основаниях. Тем не менее, уже к этому времени большевистское правительство доказало свою идеологическую и организационную «пластичность», способность принарабливаться к вызовам времени. Структурирующим элементом только складывавшейся политической системы становился иррациональный миф, который временно заменил силу государственной власти тотальным и неконтролируемым насилием.

Российская партийная конфигурация

Под влиянием революционного процесса 1917 г. произошли качественные изменения российской партийной конфигурации [10, с. 32–41]. Крушение монархии привело к уходу с политической сцены консервативных партий, продемонстрировав тем самым их кровную связь со старыми властными институтами. Стремительность и массовая поддержка Февральской революции ошеломили правых, повергнув их в шоковое состояние. В февральско-мартовские дни 1917 г., в отличие от 1905–1906 гг., не произошло ни одного массового выступления правых в защиту самодержавных устоев и монарха — важнейшей цели их существования и деятельности. А сами правые партии превратились в аморфные объединения, которые без боя сдали позиции, отстаиваемые в течение 10–12 лет. Лишь меньшинство продолжало сохранять надежду на возрождение монархической государственности в будущем. Характерно, что сами лидеры консервативных партий, уже не представлявшие своей жизни вне политической борьбы, вынуждены были принять революцию и оказать поддержку Временному правительству, рассчитывая на то, что

оно остановит развитие революционного процесса и не допустит сползания страны к национальной катастрофе [11, с. 42–59].

Существенные изменения претерпел спектр либеральных партий. Правый их фланг и «центр» (октябристы и прогрессисты), организационно распавшиеся ещё в годы Первой мировой войны, предприняли попытку создания новых партийных структур. При этом лидеры этих партий, явно подстраиваясь под революционную реальность, вместо прежних умеренных программ предложили обществу более радикальные требования. Однако лишь кадетам удалось не только сохранить единство своих рядов, но и пополнить их за счёт наплыва определённого числа бывших членов консервативных, праволиберальных партий и даже умеренных социалистов. Феномен «мартовских кадетов» — яркое свидетельство того, что к ведущей правящей партии, как правило, готовы примкнуть те элементы, которые ранее не разделяли её мировоззренческую позицию, программу и тактику. Все это вместе взятое наложило свой негативный отпечаток на политический курс конституционно-демократической партии.

Значительные структурные изменения претерпел и социалистический спектр политических партий. С одной стороны, Февральская революция спровоцировала стремительный рост их рядов за счёт представителей различных демократических страт, а с другой — проложила разделительные грани между умеренными и радикальными элементами внутри социалистического партийного блока. Первые, разделяя концепцию поэтапного развития революционного процесса в России, считали возможным действовать совместно с либеральными партиями, прежде всего с кадетами. Умеренные социалисты оказали поддержку первому составу Временного правительства, а затем приняли активное участие в трёх его коалиционных составах. Выступая за единовластие Временного правительства, умеренные социалисты рассматривали Советы лишь в качестве рычагов воздействия на правительственный курс.

Иной позиции придерживались представители радикального крыла социалистических партий (левые эсеры-интернационалисты, меньшевики-интернационалисты, левые направления в анархизме),

Ил. 3. Открытка. Свобода России

которые ратовали за дальнейшее «подталкивание» революционного процесса влево, за переход политической революции в качественно новую социальную фазу. Представители радикального крыла социалистических партий видели в Советах властные органы, которые не только должны постоянно «давить» на Временное правительство, но и сами планировать и осуществлять действия, направленные на радикальное преобразование страны. После июльских событий 1917 г. эта позиция радикального крыла социалистических партий стала определяющей, способствовала их консолидации вокруг большевистских лозунгов. Октябрьский переворот 1917 г. был результатом совместных действий радикально настроенных социалистических сил, а не одних большевиков.

Таким образом, революционный процесс 1917 г. стал экзаменом для политических партий, определившим степень влияния каждой из них на массовое движение и общественное сознание. Революция 1917 г. со всей очевидностью показала, что ни консерватизм, ни либерализм (как идеология и политическая практика) так и не смогли «укорениться» на россий-

ской почве. В ментальности большинства народа превалировали традиционные лозунги «Земля и воля», к которым во время Первой мировой был добавлен новый лозунг «Мир без аннексий и контрибуций» (ил. 3). Те партии, которые безоговорочно поддерживали эти лозунги, получили массовую поддержку и в конечном счёте одержали победу.

Российское общество после февраля 1917 г.

Российскому обществу в обстановке охватившей страну мартовской эйфории 1917 г. победа Февральской революции показалась «бескровной», несмотря на более чем 300 жертв в разных местах России (ил. 4). Вместе с тем скоро в обществе стали возникать тревожные настроения, связанные со страхами контрреволюции и угрозой голода [13, с. 17–32]. Усиление взаимной подозрительности способствовало возникновению Апрельского кризиса, который, в свою очередь, привёл к возрастанию в низах авторитета В.И. Ленина и большевистской партии.

Кризис общественной морали обернулся разнузданным поношением Нико-

Ил. 4. Всенародные похороны жертв павших за свободу 23 марта 1917. Петроград

лая II и его супруги, якобы вместе с Распутиным действовавшими против России по указке Германии. В значительной степени это было связано с падением авторитета церкви. Дело доходило до того, что священников обвиняли в том, что во время революции они вели стрельбу по демонстрантам из пулемётов, расположенных на колокольнях. Одновременно с этим в церковной среде произошёл своеобразный раскол между священниками и дьяконами, белым и чёрным духовенством, пастырями и паствой.

Постепенно в обществе нарастали негативные представления о политиках и демократии. Люди требовали немедленного решения всех насущных вопросов. Сохранялось представление, что «власть всё может», а потому «своя» власть обязана решить все насущные вопросы — прежде всего вопросы о мире и земле. Такие представления неуклонно дестабилизировали политическую ситуацию. Последующее развитие массовых движений происходило не под знаком демократии, а по принципам корпоративного самовывживания в условиях нарастающего хаоса. На рост социальной агрессивности в городах значительное влияние оказывали солдаты и многочисленные мигранты (беженцы, эвакуированные, военнопленные и т.п.).

События в деревне развивались под знаком аграрной революции. В Центральной России крестьяне консолидировались на принципах общинного самоуправления. Так называемые крестьянские комитеты упорно противостояли волостному земству, навязывавшемуся городскими политиками. Вместе с тем община активно противилась частному землевладению в лице не только помещиков, но и хуторян и отрубников.

В армии происходили сходные самоорганизационные процессы. Характерно, что первоначально в солдатские комитеты избиралось немало представителей офицерства и армейской интеллигенции. Постепенно комитеты становились соб-

ственно солдатскими, которые неуклонно «левели». Разложение армии шло под знаком нежелания участвовать в наступательных операциях [6, с. 140–302].

После Февраля 1917 г. наметились нарастание конфликтогенности на национальной и конфессиональной почве, расширение программных требований национальных политических элит, начавших активно выступать за политическую самостоятельность окраин [12, с. 3–1090]. По сути, революция 1917 г. стала главным фактором распада Российской империи. В значительной степени тон в национально-сепаратистском движении задавала украинская Центральная рада.

При этом в деятельности национальных организаций так называемых малых народов преобладали вопросы культурного строительства (особенно у мусульман) и местной автономии. Мусульмане ожидали Учредительное собрание, возлагали надежды на новое государственное устройство. В результате его роспуска стало ясно, что Советская власть, вопреки своим официальным заявлениям и лозунгам, нарушила свободу самоопределения народов. Несмотря на все усилия разных политических сил радикализировать российских мусульман в 1917 г., большинство их, испытывая сильное влияние религиозных установок, придерживалось позиций социального непротивления. При этом мусульмане пытались организоваться, чтобы не погибнуть в Гражданской войне, в которую в той или иной мере в зависимости от региона их втянули противоборствующие силы.

Постепенно в массовых движениях нарастали бунтарские и охлократические тенденции. В этих условиях в октябре 1917 г. большевики, получив преобладание в столичном и московском Советах, смогли перехватить власть у умеренных социалистов с помощью радикально настроенных солдат, не желавших участвовать в войне. Опираясь на них, большевики осуществили разгон Учредительного собрания. Церковь, включая деятелей

продолжавшего работу Поместного собора, не могла помешать самоуправству толп. Приход большевиков к власти вызвал рост социальной агрессивности. По всей России прокатилась череда продовольственных и пьяных погромов. Резко возросло число самосудных акций в городе и деревне.

Важно подчеркнуть, что традиционное представление о «триумфальном шествии Советской власти» не подтверждается научными исследованиями последних лет. Власть на местах переходила не столько к большевизированным Советам, сколько к вооружённым солдатским массам. В сущности, вся первая половина 1918 г. была временем торжества военизированной охлократии. Фактически приход большевиков к власти стал началом Гражданской войны в России.

Революция и культура

1917-й год принёс революцию в культуру, поставив вопрос о культурном своеобразии эпохи как пространстве взаимодействия *логоса* культуры и *стихии* революции [14, с. 78–92]. Речь шла о главной ценностной коллизии — взаимной ответственности культуры перед обществом и общества перед культурой в условиях краха прежних политических, нравственных, идейных, эстетических ориентиров и ускоренного формирования новых.

При этом вскрылся целый ряд порождённых революцией трудностей в деле осмысления и вербального отражения культурной действительности, в числе которых временная отмена всех иерархических отношений, привилегий, норм и запретов; стремительное появление и развитие особого языка символов и метафор; новое прочтение старых культурных смыслов; плотный контакт массовой культуры с народной и элитарной как модель выживания в условиях кризиса; идейный разлом внутри прежде единых профессиональных и культурных корпораций; ускоренная символизация революционных событий в сугубо утилитар-

ных целях; ширящаяся риторика новой конспирологии — «заговора тёмных сил», «внешних и внутренних врагов» и др.

В рамках «новой культурной истории», делающей акцент на анализе столкновения высокой культуры и социокультурных практик низов, обнаружилось, что Февральская революция стала настоящим эмоциональным взрывом, особенно захватившим культурные верхи. Октябрьская революция, напротив, произошла в обстановке эмоциональной фрустрации верхов и агрессивной мобилизации низов, стремившихся к разрушению «барской» культуры.

Многообразие идеологических комплексов российской интеллигенции — абстрактное народолюбие, отчуждение от эстетики богатства, романтическое неприятие диалога со властью и т.д. — проявлялись как отличительные свойства культурного «лица» значительной части творческой элиты и «образованного общества» в целом. Даже признавая новые реалии модернизирующейся страны, русский интеллигент продолжал подменять рациональную рефлексию морализирующими поучениями, впадая в отмеченные современниками опасные прострацию и бездействие.

Непомерно высокая цена, которую заплатила Россия в XX в. за революционный эксперимент, во многом стала следствием того, что прежняя культурная — в том числе и государственная, и политическая — элита страны не справилась с исторической задачей актуализации ценностей, с переводом смыслов традиционной аксиологии патриархального общества на язык цивилизации модерна. Жёсткие, болезненные, травмирующие действия новой власти были не только этически неприемлемыми, но и исторически неизбежными ответами на реальные, остро назревшие вопросы российской действительности. Эти узловые проблемы отечественной истории неизменно актуализируются и по-своему прочитываются на каждом новом этапе научного осмысления революции 1917 г. [3, с. 92–112].

ЛИТЕРАТУРА

1. Петров Ю.А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Российская история. 2017. № 2. С. 3–16.
2. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, экономический кризис / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2014.
3. Тихонов В.В. Революции 1917 г. в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи // Российская история. 2017. № 2. С. 92–112.
4. Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. Сб. документов / Под ред. С.В. Лаврова. Тула, 2014.
5. Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М., 2015.
6. Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. Изд. 2, доп. М., 2010.
7. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Март–октябрь 1917 г. Ч. 1, 2. М.; Л., 1957.
8. История Банка России. 1860–2010: В 2 т. / Отв. ред. Ю.А. Петров, С.В. Татаринев. Т. 1: 1860–1917. М., 2010. С. 463–510.
9. Соловьёв К.А. Временное правительство в политической системе России 1917 г. // Российская история. 2016. № 5. С. 20–36.
10. Шелохаев В.В. Переформатирование партийного пространства в России в 1917 г. (историографические итоги и исследовательские задачи) // Там же. 2017. № 2. С. 32–41.
11. Иванов А.А. «Чёрная сотня сгинула в подполье»: русские правые и революция 1917 г. // Там же. С. 42–59.
12. Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 3–1090.
13. Аксёнов В.Б. Революция и насилие в воображении современников: слухи и эмоции «медового месяца» 1917 г. // Российская история. 2017. № 2. С. 17–32.
14. Филиппова Т.А. Братание идеи со штыком. Политико-культурные смыслы Великой российской революции // Российская история. 2017. № 2. С. 78–92.

ENGLISH

The Russian Revolution of 1917: power, society, culture

Petrov Yuri Aleksandrovich is DSc in History, director of the Russian History Institute, head of the project “The Russian Revolution of 1917: power, society, culture” (15-31-12025a(и)).
E-mail: director_iriran@mail.ru

The article explores the impact of the Great Russian revolution as one process embracing several development phases (including February and October revolutions) upon the key aspects of the Russian life. Which factors determined the revolution and what kind of changes it brought to Russia in the period from February 1917 until summer 1918 when the legalization of the new Soviet power was completed (the Constitution of the Russian Soviet Federative Socialist Republic 1918)? What are the perspectives of the evidence-based historical memory of these events after one hundred years? This research aims to provide answers to these and other relevant questions.

Keywords: Russia, Great Russian revolution, economy, world situation, power structures, political parties, society, culture

REFERENCES

1. Petrov Yu.A. Rossiya nakanune Velikoj revolyutsii 1917 g.: sovremennye istoriograficheskie tendentsii // Rossijskaya istoriya. 2017. № 2. S. 3–16 (in Russian).
2. Rossiya v gody Pervoj mirovoj vojny: ekonomicheskoe polozhenie, social'nye protsessy, ekonomicheskij krizis / Otv. red. Yu.A. Petrov. M., 2014 (in Russian).
3. Tikhonov V.V. Revolyutsii 1917 g. v kommemorativnykh praktikakh i istoricheskoy politike sovetskoj epokhi // Rossijskaya istoriya. 2017. № 2. S. 92–112 (in Russian).
4. Ministerstvo inostrannykh del Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny. Sb. dokumentov / Pod red. S.V. Lavrova. Tula, 2014 (in Russian).
5. Buldakov V.P., Leont'eva T.G. Vojna, porodivshaya revolyutsiyu. M., 2015 (in Russian).
6. Buldakov V.P. Krasnaya smuta: priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya. Izd. 2, dop. M., 2010 (in Russian).
7. Ekonomicheskoe polozhenie Rossii nakanune Velikoj Oktyabr'skoj sotsialisticheskoy revolyutsii. Dokumenty i materialy. Mart-oktyabr' 1917 g. Ch. 1, 2. M.; L., 1957 (in Russian).
8. Istoriya Banka Rossii. 1860–2010: V 2 t. / Otv. red. Yu.A. Petrov, S.V. Tatarinov. T. 1: 1860–1917. M., 2010. S. 463–510 (in Russian).
9. Solov'yov K.A. Vremennoe pravitel'stvo v politicheskoy sisteme Rossii 1917 g. // Rossijskaya istoriya. 2016. № 5. S. 20–36 (in Russian).
10. Shelokhaev V.V. Pereformatirovanie partijnogo prostranstva v Rossii v 1917 g. (istoriograficheskie itogi i issledovatel'skie zadachi) // Tam zhe. 2017. № 2. S. 32–41 (in Russian).
11. Ivanov A.A. «Chyornaya sotnya sginula v podpol'e»: russkie pravye i revolyutsiya 1917 g. // Tam zhe. S. 42–59 (in Russian).
12. Buldakov V.P. Khaos i etnos. Etnicheskie konflikty v Rossii, 1917–1918 gg. Usloviya vozniknoveniya, khronika, kommentarij, analiz. M., 2010. S. 3–1090 (in Russian).
13. Aksyonov V.B. Revolyutsiya i nasilie v voobrazhenii sovremennikov: slukhi i emotsii «medovogo mesyatsa» 1917 g. // Rossijskaya istoriya. 2017. № 2. S. 17–32 (in Russian).
14. Filippova T.A. Bratanie idei so shtykom. Politiko-kul'turnye smysly Velikoj rossijskoj revolyutsii // Rossijskaya istoriya. 2017. № 2. S. 78–92 (in Russian).

УДК 930:342.542.5 «19»
ГРНТИ 03.23.07**В.А. ЮРЧѐНКОВ,
Г.А. КУРШЕВА,
А.В. ЧЕРНОВ***

Крестьянство России в годы революции 1917 года и Гражданской войны: особенности современной историографической ситуации

В статье анализируется современная историография роли и места крестьянства в революции 1917 г. и Гражданской войне. Пристальное внимание уделено выявлению и анализу исследователями региональных особенностей участия крестьянства в «красной смуте». Освещаются проблемы, связанные с изменениями концептуальных подходов, тематики исследований, источниковой базы.

Ключевые слова: Гражданская война, крестьянство, крестьянское сопротивление, региональная историография, историографическая ситуация, революция 1917 г.

Осмысление роли крестьянства в истории революции 1917 г. и Гражданской войны является одной из важнейших проблем. Это не представляется случайным, поскольку одним из самых злободневных вопросов российской действительности начала XX в. был аграрный. Основная масса крестьянства и казачества ост-

ро чувствовала нехватку земли, тиски общины, концентрацию земли в руках незначительной группы крупных землевладельцев. Всё это было помножено на общую крайнюю отсталость аграрной сферы экономики страны.

Рассмотрение в современной историографии вопросов социальных конфликтов, а именно Гражданской войны,

* **Юрчѐнков Валерий Анатольевич** — доктор исторических наук, директор Научно-исследовательского института гуманитарных наук (НИИ ГН) при Правительстве Республики Мордовия, руководитель проекта «Крестьянство и казачество в России в годы революции 1917 года и Гражданской войны: регионально-национальный аспект» (15-31-12034а(ц)).
E-mail: valera.historian@yandex.ru

Куршева Галина Александровна — доктор исторических наук, заместитель директора НИИ ГН при Правительстве Республики Мордовия, исполнитель того же проекта.
E-mail: kursheva_galina@mail.ru

Чернов Алексей Викторович — кандидат филологических наук, учёный секретарь НИИ ГН при Правительстве Республики Мордовия, исполнитель того же проекта.
E-mail: chernovaleks@mail.ru

стало предметом специального исследования, в ряде случаев достаточно детального [1–5]. Появились серьёзные работы с анализом региональной историографии революции 1917 г. и Гражданской войны [6–9]. Предприняты первые попытки анализа процессов, идущих в современной зарубежной историографии по тематике революции и Гражданской войны в России [10–12]. Причём наряду с проблемной историографией стали появляться и творческие портреты региональных исследователей, занимающихся осмыслением роли и места крестьянства в революции и Гражданской войне [13–16].

Исключение в какой-то мере составили исследования по истории российского крестьянства, в центре которых оказалась концепция крестьянской революции, разработанная Т. Шаниным и В.П. Даниловым. В настоящее время её эвристический потенциал признаётся подавляющим большинством исследователей истории революции 1917 г. и Гражданской войны.

Концепция крестьянской революции оказала плодотворное воздействие на формирование современной историографиче-

ской ситуации. В концентрированном виде её можно выразить словами В.П. Данилова: «Советское общество было создано великой социальной революцией в России начала XX в., в основе своей являвшейся крестьянской революцией, которая слилась с пролетарской социалистической революцией и подчинилась её организованности и целеустремлённости» [18, с. 13]. В рамках концепции была предложена хронологическая схема, увязывающая практически все важнейшие события российской истории первой четверти XX в. По мнению В.П. Данилова, крестьянская революция началась стихийным взрывом крестьянского недовольства в 1902 г., её этапами стали мощные народные революции 1905–1907 гг. и 1917–1918 гг., которые были «взрывами народного отчаяния эпохи первоначального накопления» [19, с. 30] (фото 1).

Сама крестьянская революция трактовалась как протест крестьянской страны против насаждаемого властью «дикого капитализма». С весны 1918 г. стихийная революционность крестьянства и революционно-преобразующие устремления

Фото 1. Рост митинговой стихии. 19 мая 1917 г. Пенза.

Фотоматериалы из фондов Пензенского государственного краеведческого музея

Фото 2. Пункт продразвёрстки

большевиков резко разошлись, что было обусловлено созданием системы принудительного изъятия продовольствия в деревне на основе развёрстки. Однако крестьянская (антипомещичья и антицаристская) революция продолжалась, став одним из главных факторов победы над белыми и их союзниками.

Параллельно шла трансформация революции в крестьянскую войну против большевистского режима, который крестьяне всё больше отождествляли с продразвёрсткой и системой повседневного и всеохватывающего насилия. Большевики жестоко подавили крестьянские восстания в регионах страны, но были вынуждены отказаться от немедленного «введения» социализма и удовлетворить основные требования деревни. Произошёл отказ от продовольственной развёрстки, был введён НЭП, признаны особые права и интересы деревни, что закрепил Земельный кодекс РСФСР 1922 г. Утверждается, что фактически кодекс зафиксировал итоги осуществлённой крестьянами аграрной революции. Однако её победа «оказалась равносильной поражению, ибо крестьянство не могло создать отвечающую его интересам государственную власть, институционально закрепить результаты своей революции» [18, с. 13] (фото 2).

Развивая идеи концепции крестьянской революции, А. Грациози высказывал мысль о «великой крестьянской войне» в истории России, охватывающей период с 1917 по 1933 г. Причём, по его мнению, она являлась частью более чем сорокалетней войны 1912–1956 гг. [20]. Стоит воспроизвести его характеристику ситуации 1917 г.: «Когда государство вступило в последнюю стадию своего распада, крестьяне тут же взяли инициативу в свои руки. Программа их была проста: минимальный гнѐт

со стороны государства и минимальное его присутствие в деревне, мир и земля, о чёрном переделе которой грезили поколения крестьян... Они почти совершенно перестали платить налоги и сдавать поставки государственным уполномоченным. Всё больше молодых людей не являлось на призывные пункты, многие солдаты стали дезертировать. Сверх того, за несколько месяцев крестьяне разрушили ещё оставшиеся помещичьи имения, уничтожили владения буржуазии, а также большинство ферм, созданных в ходе столыпинских реформ» [20, с. 14] (фото 3, 4).

При анализе концепции крестьянской революции привлекают внимание, прежде всего, хронологические рамки крестьянского движения. Они охватывают и увязывают все важнейшие события

Фото 3. Изъятие излишков спрятанного хлеба у кулака. Рис. А. Лаптева

Фото 4. Крестьяне под судом. Сызрань, 1919 г.

российской истории первой трети XX в., на что было указано выше. Делается это с целью более глубокого понимания истоков крестьянской революции, её сути и содержания. Однако авторы оперируют той же хронологией, что и советские исследователи, фактически находясь в той же методологической конструкции. Казанский историк Д.И. Люкшин писал по этому поводу: «Очевидно, что, оставаясь в старой методологической сетке, невозможно получить ответы на новые вопросы. Невозможно даже поставить эти вопросы» [21, с. 39] (фото 5).

В современной историографии популярность получила характеристика крестьянской революции как «общинной революции», в которой в полной мере воплотились общинные представления о равенстве и справедливости. «Общинная революция», как отмечал один из её исследователей, «действие кошмарно величественное своим размахом, фактически подведшее черту под историей Российской империи, но обыденно-повседневное при ближайшем рассмотрении» [21, с. 105]. Крестьянская революция под традиционно общинным постулатом «земля Божья, земля ничья», который трансформировался в революционную эпоху в лозунги

«Земля — крестьянам», «Земля — тем, кто её обрабатывает своим трудом», воплотилась в борьбу против всех видов землевладения, что убедительно показал Д.И. Люкшин на примере Казанской губернии. Он подчёркивал направленность «общинной революции» против всех видов владельческих земель: «После того как прошёл хмельной угар первых погромов, а конные стражники так и не появились, мужички, сочтя свои действия справедливыми (нет наказания, значит —

не было и вины) порешили продолжать в том же духе и всем миром навалились на хуторян и отрубников» [21, с. 105] (фото 6).

Крестьянство в годы Гражданской войны — тема, закономерно вытекающая из исследований проблемы «крестьянство и революция». Историков волнует сам процесс втягивания крестьянства в Гражданскую войну, рассматриваемый через осмысление противоречий, способствующих нарастанию конфликтов. При этом обращается внимание на региональные особенности, специфику аграрно-крестьянского вопроса. Это характерно в той или иной мере для исследова-

Фото 5. Митинг красногвардейцев перед отправкой к Казани, 1918 г.

Фото 6. Крестьяне в годы Гражданской войны

ний В.М. Андреева, С.В. Ярова, Т.В. Осиповой, И.И. Климина, В.А. Саблина, В.Л. Телицына, П.Ф. Алёшкина и Ю.А. Васильева, В.А. Юрчѐнкова.

Исследователи отмечают изначальные противоречия между крестьянством и большевистским правительством. Крестьяне были заинтересованы в земле и свободе торговли, возможности продавать произведѐнный ими хлеб по максимально высоким ценам и независимости от кого бы то ни было. Наметилось противостояние пролетарской и крестьянской революций, что, по мнению многих авторов, носило классовый характер.

Проблемами, рассматриваемыми в последние годы в историографии, стали региональный сепаратизм и крестьянство, причѐм в ряде случаев параллельно поднимается вопрос межнациональных и межконфессиональных отношений. Исследователи отмечают острую борьбу между центробежными и центростремительными тенденциями в развитии регионов, стремление крестьянства к обособлению и самовывживанию (исследования

М.В. Ходякова, В.И. Голдина, П.С. Журавлёва, Ф.Х. Соколовой). При этом предпринимаются попытки осмыслить особенности регионов в эпоху социальных конфликтов и выявить черты, определяющие их позицию. Весьма показательны в этом отношении размышления В.А. Юрчѐнкова, который рассматривал положение Мордовии в то время и связывал его с рядом факторов. По мнению исследователя, с одной стороны, Мордовия в силу своей относительной близости к Москве находилась в системе функционирования крупного мегаполиса, ощущая во многих сферах жизни его влияние. Иными словами, здесь действовали закономерности центра. С другой — Мордовия исторически тяготела к многонациональному Среднему Поволжью, которое было внутренней периферией России, и здесь действовали закономерности провинции. Наложение одного на другое порождало своеобразную буферную зону, в которой шло противоборство тенденций, обусловившее поведение власти и реакцию общества, в частности крестьянства [22, с. 7–8] (фото 7).

Фото 7. Трибуна на сборном пункте г. Саранск. 1918 г.

В условиях Гражданской войны население Мордовии было вынуждено выбирать между центром, где полностью преобладали большевики, и периферией, где чаще всего господствовали белые. Выбор был сделан в пользу центра, что выразилось в ускоренной национализации промышленности и чрезвычайно высокой степени её интенсивности, жёсткости, порой жестокости в подавлении антисоветских крестьянских движений, мобилизациях в Красную армию и т.п. Однако, по мнению исследователя, выбор в большинстве своём осуществлялся стихийно. Местные партийные и советские органы не столько двигали массами, сколько сами шли за ними, постепенно придавая им организованную структуру [22, с. 8]. Особо он отмечает национальную политику большевиков, направленную на создание союзников в лице национальностей региона, прежде всего мордвы: «Провозглашение России “тюрьмой народов” и обещание национальной государственности, определённой самостоятельности привели к активной поддержке или, по крайней мере, доброжелательному нейтралитету

в национальной среде» [22, с. 336–337]. В результате крестьяне Мордовии в массе своей поддержали советскую власть (фото 8).

Стоит отметить, что при характеристике позиции национального крестьянства и представителей конфессий исследователи высказывают порой весьма интересные суждения. Так, традиционно в историографии существует мнение о том, что движения в национальных регионах России способствовали разрушению империи и победе революции. В противовес этому мнению С.М. Исхаков пришёл к выводу о стремлении населения мусульманских районов страны спастись в хаосе 1917–1920 гг.: «...Увидев расползание хаоса в государстве, они (т.е. мусульмане. — *Авт.*) пытались сорганизоваться собственными силами, чтобы не погибнуть в огне Гражданской войны» [23, с. 230]. И это была, по его словам, тенденция не к разрушению государства, а, напротив, к его сохранению.

Одной из центральных тем современной историографии является феномен антибольшевистских крестьянских вы-

ступлений. Причѐм исследование этой проблематики идёт в сложнейших историографических условиях, когда активно пропагандировалась и пропагандируется мысль о том, что революционные события начала XX в. являлись стихийным бунтом опьянённых безнаказанностью и безвластием мужиков. Подобные суждения стали постепенно превращаться в клише, по сути дела, идёт процесс возникновения идеологической мифологемы, сопряжённой с основными постулатами либеральной историографии (фото 9).

Серьѐзные исследователи изначально высказывали сомнения в истинности подобных утверждений, однако дело ограничивалось публикацией небольших статей и репликами в ходе круглых столов, одновременно проводились архивные изыскания. В конечном счѐте стали выходить работы, которые убедительно опровергали тезисы о мужицком бунте. Среди них заметно выделялись исследования В.В. Кондрашина, основанные на историческом опыте Поволжья — одного из крупнейших аграрных и многона-

циональных регионов России. На их примере, а он достаточно показателен, можно проанализировать становление и развитие тематики крестьянских выступлений в годы Гражданской войны.

В 2001 г. в издательстве «Янус-К» В.В. Кондрашин издал монографию о крестьянском движении в Поволжье в условиях Гражданской войны [24]. Он обращается к одному из сложнейших этапов развития страны и региона, однако в ряде случаев выходит за обозначенные им хронологические рамки, выделяя особенности ситуации в начале XX в. Фактически им даѐтся сущностная характеристика крестьянского движения в регионе в пореформенный период и до его завершения в 1922 г.

Логика исследования привела к определённой трансформации концептуальных построений В.В. Кондрашина, которые отразились в монографии о крестьянстве России в Гражданской войне, вышедшей в 2009 г. в серии «История сталинизма» [25]. Он ставит принципиально важный вопрос: почему в крестья-

Фото 8. Празднование первой годовщины Октябрьской революции. Саранск. 1918 г.
Фото из фотоальбома «Праздники эпохи Гражданской войны» из фондов Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея им. И.Д. Воронина

Фото 9. Гражданская война в Симбирске

янской стране победил режим, проводивший явную антикрестьянскую политику «военного коммунизма», и проиграли его политические противники, выступавшие под лозунгами защитников народа от большевистского произвола? Его закономерным продолжением является проблема зарождения сталинизма, который определяется исследователем как государственная диктатура.

В.В. Кондрашин приходит к выводу о том, что «ключ к пониманию механизма российского исторического процесса в XX столетии, в том числе феномена сталинизма, следует искать в аграрно-крестьянском вопросе или, по крайней мере, в неразрывной связи с ним» [25, с. 6]. Обращаясь к анализу крестьянского поведения в годы Гражданской войны, он распространяет на всю страну выводы, к которым пришёл ещё в 2001 г. на примере Поволжья. Не случайно он пишет о том, что проблему стоит рассматривать в контексте общероссийского крестьянского движения и основных событий Гражданской войны.

Пример исследований В.В. Кондрашина рассмотрен нами как типичный для со-

временной историографии. Однако стоит отметить наличие аналогичных наработок не только по Поволжью, но и на материалах Центрального Черноземья (Н.В. Фатуева, С.В. Фёфелов, П.В. Акульшин, В.А. Палькин, С.А. Есиков, Л.Г. Протасов, В.В. Каницев), Урала (Д.А. Сафонов, В.Л. Телицын), Европейского Севера России (В.А. Саблин), Черноморья и Кубани (А.А. Черкасов) и др.

В ходе рассмотрения крестьянских выступлений встал проблема крестьянской самоорганизации, всесторонне проанализированная в работе А.В. Посадского [26]. По его мнению, российское крестьянство в период своего наиболее массового появления на политической арене чётко продемонстрировало способность создавать самостоятельные крестьянские организации и отстаивать свои интересы. При этом инструментом их формирования выступил привычный общинный механизм. Именно крестьянская самоорганизация позволила исследователю увидеть взаимосвязь крестьянских восстаний, которые в историографии принято считать самостоятельными, и указать на необходимость их рассмотрения как единого движения.

Интересна его трактовка крестьянского партизанского движения, которое имело несколько ипостасей. Во-первых, как отстаивание домов, региональной самобытности перед лицом вторжения власти. Во-вторых, как мощная антигосударственная («анархическая») и антигородская сила. В-третьих, как массовый, но слабоструктурированный и неотрефлексируемый протест против всей новой системы мероприятий и чужаков, с которыми эти мероприятия ассоциировались, с лёгким срывом в деструкцию.

Современная историография накопила серьёзные наработки по вопросам менталитета российского крестьянства. В этом плане заметно выделяется исследование О.А. Суховой, посвящённое социальным представлениям и поведению крестьян в начале XX в. [27]. По её мнению, выступления крестьян Среднего Поволжья носили охранительный характер по отношению к общинному строю, были направлены на защиту крестьянских завоеваний хозяйственной автономии против активного вмешательства государства во внутреннюю жизнь общин. С крестьянским менталитетом в значительной степени связаны гендерная проблематика (П.П. Щербинин) [28], исследования образовательного уровня крестьянства (Г.А. Куршева) [29, 30], языковой политики государства и реакции на неё в национальных регионах (А.В. Чернов) [31] и др.

Отличительной чертой современной историографической ситуации является включённость крестьяноведческих проблем в процессы «архивной революции». Одним из первых шагов в этом направлении стал сборник документов и материалов о крестьянском восстании на Тамбовщине, работа над которым велась под руководством В.П. Данилова и Т. Шанина [32].

Существенное воздействие на современную историографическую ситуацию оказывают круглые столы, научные конференции, семинары историков, посвящённые узкой проблематике Гражданской войны или крестьяноведения. Широко известны семинары по крестьяноведению под руководством Т. Шанина и его воздействие на исследователей не только центра, но и регионов. Известны прошедшие в 2007 и 2008 гг. в Архангельске международные научные конференции в рамках проекта «1917–1922 годы в судьбах России и мира». Заслуженным авторитетом пользуются конференции историков-аграрников Среднего Поволжья, которые поочередно проходят в Казани, Самаре, Саранске, Чебоксарах, Йошкар-Оле. Получает популярность стартовавший в 2009 г. проект «Народ и власть: История России и её фальсификации». Правда, стоит отметить, что в адрес последнего раздали и критические замечания. Г. Бордюгов отметил концептуальную рыхлость и фактическое отсутствие драматургии, возникновение у исследовательского комплекса свойства отчёта, где «никто не забыт, ничто не забыто» [33].

Подводя итоги, стоит отметить, что современная историография революции и Гражданской войны в своей крестьяноведческой составляющей достаточно динамично развивается. Она осваивает новую проблематику, связанную преимущественно с антисоветскими выступлениями, предлагает новую интерпретацию уже известных и разработанных в советской историографии тем, пытается совместить существующие в багаже отечественных историков подходы с наработками западных коллег. Она стремится «переварить» огромный фактологический материал, введённый впервые в научный оборот в ходе «архивной революции» в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск: Боргес, 2000.
2. Голдин В.И. Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы. Мурманск: МГГУ, 2012.
3. Михайлов И.В. Гражданская война в современной историографии: виден ли свет в конце тоннеля? // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. Памяти Ю.И. Кораблёва. М.: Раритет, 2002.
4. Ушаков А.И. Современная российская историография антибольшевистского движения в годы гражданской войны в России. М.: АИРО–XX, 2004.
5. Посадский А. Гражданская война: новый взгляд // Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя. М., 2011. С. 212–224.
6. Кондрашин В.В. Плюсы и минусы современного исторического краеведения в России // Отечественная культура и развитие краеведения. Пенза, 2000. С. 83–91.
7. Голдин В.И. Через региональный ракурс к новому осмыслению // Гражданская война в России: региональные проблемы. Мурманск, 2004. С. 6–18.
8. Юрчёнков В.А. Проблемы истории Гражданской войны в Среднем Поволжье в современной региональной историографии: поиски и решения // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований: Материалы I Всероссийской (IX межрегиональной) научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья, 12–13 мая 2006 г. Самара: Самарский университет, 2007. С. 17–20.
9. Гришаков В.Г. Отечественная историография крестьянского движения в Поволжье в годы гражданской войны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2011.
10. Фитцпатрик Ш. Гражданская война в советской истории: западная историография и интерпретации // Гражданская война в России: перекресток мнений. М.: Наука, 1994. С. 344–363.
11. Новикова Л.Г. Гражданская война в России в современной западной историографии // Отечественная история. 2005. № 6. С. 142–158.
12. Кренер Э. Западные взгляды на Гражданскую войну в России: обзор историографии последних двадцати лет // Падение империи, революция и гражданская война в России / Сост. С.М. Исхаков. М.: Социально-политическая мысль, 2010. С. 176–182.
13. Балашов Г.В., Дубман Э.Л., Кабытов П.С. Ефрем Игнатъевич Медведев – человек, учёный, педагог. Самара: Самарский ун-т, 2006.
14. Юрчёнков В.А. Нет безразличных!.. Профессору В.В. Кондрашину – 50 лет // Центр и периферия. 2011. № 3. С. 36–39.
15. Кондрашин В.В. Люди во времени: записки историка. Пенза; Саранск, 2012.
16. Куршева Г.А. История мордовского края XX в. в трудах профессора В.А. Юрчёнкова: от конкретики к концептуальному осмыслению // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 3. С. 126–145.
17. Рынков В.М. Мутное зеркало истории: современные историографические исследования Гражданской войны на востоке России // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Сборник материалов региональной молодёжной конференции. Новосибирск: Параллель, 2007. С. 35–44.
18. Данилов В.П. Падение советского общества: коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот? // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. М.: Логос, 1999. С. 11–28.
19. Данилов В.П. О новом во взглядах на прошлое и будущее России // Куда идёт Россия?.. Общее и особенное в современном развитии. М.: Логос, 1997. С. 26–31.

20. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М.: РОССПЭН, 2001.
21. Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М.: АИРО–XXI, 2006.
22. Юрчѐнков В.А. Власть и общество: российская провинция в период социальных катаклизмов 1918–1920 гг. Саранск, 2010. С. 7–8.
23. Исхаков С.М. Первые шаги Совнаркома и российские мусульмане // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению / Отв. ред. С.В. Тютюкин. М.: ИРИ РАН, 1998. С. 224–230.
24. Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1920 гг. М.: Янус-К, 2001.
25. Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. (сер. История сталинизма).
26. Посадский А.В. Военно-политическая самоорганизация российского крестьянства в 1905–1945 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2004.
27. Сухова О.А. «Общинная революция» в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века (по материалам Среднего Поволжья). Пенза: ПГПУ, 2007.
28. Щербинин П.П. Пропедевтика революционного сознания аграрного социума периода Первой мировой войны 1914–1918 гг. сквозь призму гендерного анализа // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 3. С. 33–45.
29. Куршева Г.А. Образование и власть в Мордовии. 1917–1941 гг. / НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2007.
30. Куршева Г.А. Формирование советской модели системы народного образования и крестьянство: региональный аспект // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 3. С. 87–102.
31. Чернов А.В. Языковые конференции и национальное языковое строительство в мордовском крае в XX веке // Национальное языковое строительство в мордовском крае в XX веке: В 3 т. / НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2015. Т. 1. С. 7–27.
32. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. «Антоновщина»: Доклады и материалы / Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. Тамбов, 1994.
33. Бордюгов Г.А. Вне поля аграрной истории, за пределами крестьяноведения // Российская история. 2015. № 4. С. 188–192.

ENGLISH

The Peasantry in Russia during the 1917 Revolution and the Civil War: Peculiarities of Modern Historiographic Situation

Yurchenkov Valery Anatolyevich is DSc in History, director of the Research Institute for the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, head of the project “The Peasants and the Cossacks in Russia during the 1917 Revolution and the Civil War: the Regional and National Aspects” (15-31-12034a(ц)).

E-mail: valera.historian@yandex.ru

Kursheva Galina Aleksandrovna is DSc in History, deputy director of the Research Institute for the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, researcher in the same project.

E-mail: kursheva_galina@mail.ru

Chernov Aleksey Viktorovich is PhD (equivalent to Candidate of Sciences) in Philology, academic secretary of the Research Institute for the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, researcher in the same project.

E-mail: chernovaleks@mail.ru

The article deals with the modern historiography of the role and place of the peasantry in the revolution of 1917 and the Civil War. Special attention is paid to the identification and analysis of regional peculiarities of peasant participation in the “Red Trouble”. The article explores the issues related to the changing conceptual approaches, research topics, sources.

Keywords: the Civil War, the peasantry, peasant resistance, regional historiography, historiographic situation, revolution of 1917

REFERENCES

1. Goldin V.I. Rossiya v grazhdanskoj vojne. Ocherki novejshej istoriografii (vtoraya polovina 1980-kh – 90-e gody). Arkhangel'sk: Borges, 2000 (in Russian).
2. Goldin V.I. Grazhdanskaya vojna v Rossii skvoz' prizmu let: istoriograficheskie protsessy. Murmansk: MGGU, 2012 (in Russian).
3. Mikhajlov I.V. Grazhdanskaya vojna v sovremennoj istoriografii: viden li svet v kontse tonnelya? // Grazhdanskaya vojna v Rossii: sobytiya, mneniya, otsenki. Pamyati Yu.I. Korablyova. M.: Raritet, 2002 (in Russian).
4. Ushakov A.I. Sovremennaya rossijskaya istoriografiya antibol'shevistskogo dvizheniya v gody grazhdanskoj vojny v Rossii. M.: AIRO–XX, 2004 (in Russian).
5. Posadskij A. Grazhdanskaya vojna: novyj vzglyad // Istoricheskie issledovaniya v Rossii – III. Pyatnadsat' let spustya. M., 2011. S. 212–224 (in Russian).
6. Kondrashin V.V. Plyusy i minusy sovremenno go istoricheskogo kraevedeniya v Rossii // Otechestvennaya kul'tura i razvitie kraevedeniya. Penza, 2000. S. 83–91 (in Russian).
7. Goldin V.I. Cherez regional'nyj rakurs k novomu osmysleniyu // Grazhdanskaya vojna v Rossii: regional'nye problemy. Murmansk, 2004. S. 6–18 (in Russian).
8. Yurchyonkov V.A. Problemy istorii Grazhdanskoj vojny v Srednem Povolzh'e v sovremennoj regional'noj istoriografii: poiski i resheniya // Mir krest'yanstva Srednego Povolzh'ya: itogi i strategiya issledovanij: Materialy I Vserossijskoj. (IX mezhregion.) nauchno-prakticheskoy konferentsii. istorikov-agrarnikov Srednego Povolzh'ya, 12–13 maya 2006 g. Samara: Samarskij universitet, 2007. S. 17–20 (in Russian).
9. Grishakov V.G. Otechestvennaya istoriografiya krest'yanskogo dvizheniya v Povolzh'e v gody grazhdanskoj vojny: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Voronezh, 2011 (in Russian).
10. Fittspatrik Sh. Grazhdanskaya vojna v sovetskoj istorii: zapadnaya istoriografiya i interpretatsii // Grazhdanskaya vojna v Rossii: perekryostok mnenij. M.: Nauka, 1994. S. 344–363 (in Russian).
11. Novikova L.G. Grazhdanskaya vojna v Rossii v sovremennoj zapadnoj istoriografii // Otechestvennaya istoriya. 2005. № 6. S. 142–158 (in Russian).
12. Krener E. Zapadnye vzglyady na Grazhdanskuyu vojnu v Rossii: obzor istoriografii poslednikh dvadtsati let // Padenie imperii, revolyutsiya i grazhdanskaya vojna v Rossii / Sost. S.M. Iskhakov. M.: Sotsial'no-politicheskaya mysl', 2010. S. 176–182 (in Russian).
13. Balashov G.V., Dubman E.L., Kabytov P.S. Efrem Ignat'evich Medvedev – chelovek, uchyonyj, pedagog. Samara: Samarskij un-t, 2006 (in Russian).
14. Yurchyonkov V.A. Net bezrazlichnykh!.. Professoru V.V. Kondrashinu 50 let. // Tsentr i periferiya. 2011. № 3. S. 36–39 (in Russian).
15. Kondrashin V.V. Lyudi vo vremeni: zapiski istorika. Penza; Saransk, 2012 (in Russian).
16. Kursheva G.A. Istoriya mordovskogo kraja XX v. v trudakh professora V.A. Yurchyonkova: ot konkretiki k kontseptual'nomu osmysleniyu // Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya. 2015. № 3. S. 126–145 (in Russian).

17. Rynkov V.M. Mutnoe zerkalo istorii: sovremennye istoriograficheskie issledovaniya Grazhdanskoj vojny na vostoке Rossii // Istoricheskie issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy: Sbornik materialov regional'noj molodyozhnoj konferentsii. Novosibirsk: Izdatel'stvo Parallel', 2007. S. 35–44 (in Russian).
18. Danilov V.P. Padenie sovetskogo obshchestva: kollaps, institutsional'nyj krizis ili termidorianskij perevorot? // Kuda idyot Rossiya?.. Krizis institutsional'nykh sistem: vek, desyatiletie, god. M.: Logos, 1999. S. 11–28 (in Russian).
19. Danilov V.P. O novom vo vzglyadakh na proshloe i budushchee Rossii // Kuda idet Rossiya?.. Obshchee i osobennoe v sovremennom razvitii. M.: Logos, 1997. S. 26–31 (in Russian).
20. Gratsiozi A. Velikaya krest'yanskaya vojna v SSSR. Bol'sheviki i krest'yane. 1917–1933. M.: ROSSPEN, 2001 (in Russian).
21. Lyukshin D.I. Vtoraya russkaya smuta: krest'yanskoe izmerenie. M.: AIRO–XXI, 2006 (in Russian).
22. Yurchyonkov V.A. Vlast' i obshchestvo: rossijskaya provintsiya v period sotsial'nykh kataklizmov 1918–1920 gg. Saransk, 2010. S. 7–8 (in Russian).
23. Iskhakov S.M. Pervye shagi Sovnarkoma i rossijskie musul'mane // 1917 god v sud'bakh Rossii i mira. Oktyabr'skaya revolyutsiya: ot novykh istochnikov k novomu osmysleniyu / Otv. red. S.V. Tyutyukin. M.: IRI RAN, 1998. S. 224–230 (in Russian).
24. Kondrashin V.V. Krest'yanskoe dvizhenie v Povolzh'e v 1918–1920 gg. M.: Yanus-K, 2001 (in Russian).
25. Kondrashin V.V. Krest'yanstvo Rossii v Grazhdanskoj vojne: k voprosu ob istokakh stalinizma: monogr. M.: ROSSPEN; Fond Pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'tsina, 2009. (ser. Istoriya stalinizma) (in Russian).
26. Posadskij A.V. Voенно-politicheskaya samoorganizatsiya rossijskogo krest'yanstva v 1905–1945 gg.: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. Saratov, 2004 (in Russian).
27. Sukhova O.A. «Obshchinnaya revolyutsiya» v Rossii: sotsial'naya psikhologiya i povedenie krest'yanstva v pervye desyatiletiya XX veka (po materialam Srednego Povolzh'ya). Penza: PGPU, 2007 (in Russian).
28. Shcherbinin P.P. Propedevtika revolyutsionnogo soznaniya agrarnogo sotsiuma perioda Pervoj mirovoj vojny 1914–1918 gg. Skvoz' prizmu gendernogo analiza // Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya. 2015. № 3. S. 33–45 (in Russian).
29. Kursheva G.A. Obrazovanie i vlast' v Mordovii. 1917–1941 gg. / NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya. Saransk, 2007 (in Russian).
30. Kursheva G.A. Formirovanie sovetskoj modeli sistemy narodnogo obrazovaniya i krest'yanstvo: regional'nyj aspekt // Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya. 2015. № 3. S. 87–102 (in Russian).
31. Chernov A.V. Yazykovye konferentsii i natsional'noe yazykovoe stroitel'stvo v mordovskom krae v XX veke // Natsional'noe yazykovoe stroitel'stvo v mordovskom krae v XX veke: V 3 t. / NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya. Saransk, 2015. T. 1. S. 7–27 (in Russian).
32. Krest'yanskoe vosstanie v Tambovskoj gubernii v 1919–1921 gg. «Antonovshchina»: doklady i materialy / pod red. V. Danilova, T. Shanina. Tambov, 1994 (in Russian).
33. Bordyugov G.A. Vne polya agrarnoj istorii, za predelami krest'yanovedeniya // Rossijskaya istoriya. 2015. № 4. S. 188–192 (in Russian).

The article deals with the modern historiography of the role and place of the peasantry in the revolution of 1917 and the Civil War. Special attention is paid to the identification and analysis of regional peculiarities of peasant participation in the “Red Trouble”. The article explores the issues related to the changing conceptual approaches, research topics, sources.

Keywords: the Civil War, the peasantry, peasant resistance, regional historiography, historiographic situation, revolution of 1917

REFERENCES

1. Goldin V.I. Rossiya v grazhdanskoj vojne. Ocherki novejshej istoriografii (vtoraya polovina 1980-kh – 90-e gody). Arkhangel'sk: Borges, 2000 (in Russian).
2. Goldin V.I. Grazhdanskaya vojna v Rossii skvoz' prizmu let: istoriograficheskie protsessy. Murmansk: MGGU, 2012 (in Russian).
3. Mikhajlov I.V. Grazhdanskaya vojna v sovremennoj istoriografii: viden li svet v kontse tonnelya? // Grazhdanskaya vojna v Rossii: sobytiya, mneniya, otsenki. Pamyati Yu.I. Korablyova. M.: Raritet, 2002 (in Russian).
4. Ushakov A.I. Sovremennaya rossijskaya istoriografiya antibol'shevistskogo dvizheniya v gody grazhdanskoj vojny v Rossii. M.: AIRO–XX, 2004 (in Russian).
5. Posadskij A. Grazhdanskaya vojna: novyj vzglyad // Istoricheskie issledovaniya v Rossii – III. Pyatnadsat' let spustya. M., 2011. S. 212–224 (in Russian).
6. Kondrashin V.V. Plyusy i minusy sovremenno go istoricheskogo kraevedeniya v Rossii // Otechestvennaya kul'tura i razvitie kraevedeniya. Penza, 2000. S. 83–91 (in Russian).
7. Goldin V.I. Cherez regional'nyj rakurs k novomu osmysleniyu // Grazhdanskaya vojna v Rossii: regional'nye problemy. Murmansk, 2004. S. 6–18 (in Russian).
8. Yurchyonkov V.A. Problemy istorii Grazhdanskoj vojny v Srednem Povolzh'e v sovremennoj regional'noj istoriografii: poiski i resheniya // Mir krest'yanstva Srednego Povolzh'ya: itogi i strategiya issledovaniy: Materialy I Vserossijskoj. (IX mezhregion.) nauchno-prakticheskoy konferentsii. istorikov-agrarnikov Srednego Povolzh'ya, 12–13 maya 2006 g. Samara: Samarskij universitet, 2007. S. 17–20 (in Russian).
9. Grishakov V.G. Otechestvennaya istoriografiya krest'yanskogo dvizheniya v Povolzh'e v gody grazhdanskoj vojny: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Voronezh, 2011 (in Russian).
10. Fittspatrik Sh. Grazhdanskaya vojna v sovetskoj istorii: zapadnaya istoriografiya i interpretatsii // Grazhdanskaya vojna v Rossii: perekryostok mnenij. M.: Nauka, 1994. S. 344–363 (in Russian).
11. Novikova L.G. Grazhdanskaya vojna v Rossii v sovremennoj zapadnoj istoriografii // Otechestvennaya istoriya. 2005. № 6. S. 142–158 (in Russian).
12. Krener E. Zapadnye vzglyady na Grazhdanskuyu vojnu v Rossii: obzor istoriografii poslednikh dvadtsati let // Padenie imperii, revolyutsiya i grazhdanskaya vojna v Rossii / Sost. S.M. Iskhakov. M.: Sotsial'no-politicheskaya mysl', 2010. S. 176–182 (in Russian).
13. Balashov G.V., Dubman E.L., Kabytov P.S. Efrem Ignat'evich Medvedev – chelovek, uchyonyj, pedagog. Samara: Samarskij un-t, 2006 (in Russian).
14. Yurchyonkov V.A. Net bezrazlichnykh!.. Professoru V.V. Kondrashinu 50 let. // Tsentr i periferiya. 2011. № 3. S. 36–39 (in Russian).
15. Kondrashin V.V. Lyudi vo vremeni: zapiski istorika. Penza; Saransk, 2012 (in Russian).
16. Kursheva G.A. Istoriya mordovskogo kraja XX v. v trudakh professora V.A. Yurchyonkova: ot konkretiki k kontseptual'nomu osmysleniyu // Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya. 2015. № 3. S. 126–145 (in Russian).

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 93/94
ГРНТИ 03.23.55

**Е.Т. АРТЁМОВ,
Н.В. МЕЛЬНИКОВА***

Атомный проект СССР: стратегия и практика реализации

В статье обобщены результаты коллективного исследовательского проекта, посвящённого анализу стратегии и практики реализации советского атомного проекта как феномена «командной экономики». Внимание авторов сосредоточено на определении путей и способов достижения целей проекта, на формировании и эволюции его управленческой структуры, на планировании и организации работ, кадровой политике и мотивации труда. Историческая реконструкция данных сюжетов тесно связана с проблемами развития научно-производственной базы и инфраструктуры всего ядерно-оружейного комплекса. Выбранный ракурс исследования позволяет показать последствия реализации атомного проекта для экономики страны, а также приблизиться к пониманию одной из узловых проблем истории России XX в. — об эффективности советской экономической системы. Авторы ищут ответы на вопросы: за счёт чего «социалистическая система хозяйствования» обеспечила выдающийся результат атомного проекта и почему наработанные в нём подходы к организации производства не получили распространения в других отраслях экономики.

Ключевые слова: атомный проект, ядерное оружие, оружейно-ядерный комплекс, командная экономика, Специальный комитет, Первое главное управление, Министерство среднего машиностроения

* **Артёмов Евгений Тимофеевич** — доктор исторических наук, директор Института истории и археологии Уральского отделения РАН, руководитель проекта «Атомный проект СССР: стратегии и практики реализации» (14-01-00053а).

E-mail: iia-history@mail.ru

Мельникова Наталья Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: melnatvik@mail.ru

Реализация атомного проекта является одной из захватывающих страниц советской истории. Не случайно связанные с ним события вызывают такое повышенное внимание. Их реконструкция имеет ключевое значение для прояснения многих особенностей отечественной истории второй половины XX в. В частности, речь идёт о её экономических аспектах. Сегодня много говорят об изначальной неэффективности и нежизнеспособности «социалистической системы хозяйствования» [1, с. 35–37; 2, с. 18–19; 3, с. 104–111]. Но здесь сразу возникает вопрос: за счёт чего тогда советской экономике удавалось осуществлять выдающиеся прорывы в развитии науки, техники, производства? Думается, что обращение к истории советского атомного проекта облегчает поиски ответа на него. Сказанное объясняет выбор темы настоящей статьи. В центре внимания — определение путей и способов достижения его целей, формирование и эволюция управленческой структуры, планирование и организация работы, кадровая политика и мотивация труда. Эти сюжеты рассматриваются в контексте развития научно-производственной базы и инфраструктуры ядерно-оружейного комплекса. Также делается попытка оценить последствия реализации атомного проекта для экономики страны.

Историография проблемы и источниковая база исследования

Вышедшие за последние два-три десятилетия публикации условно можно разделить на четыре группы. К первой относятся труды специалистов атомной отрасли. Их работы отличаются ожидаемым «технократическим уклоном». Но они незаменимы при реконструкции научно-производственных аспектов атомного проекта. Важную часть историографии составляют публикации профессиональных журналистов. Зачастую это вполне добросовестные «расследования». Правда иногда стремление к «сен-

сационности» приводит их авторов к сознательному или непреднамеренному искажению фактов. Особую группу составляют публикации ветеранов спецслужб, участвовавших в «добывании» за рубежом сведений, использованных при создании советского ядерного оружия. Однако содержащиеся в них информация и обобщения нуждаются в тщательной перепроверке. К четвёртой по счёту (но не по значимости) группе относятся труды профессиональных историков. Но они, как правило, основаны на вторичных источниках. Нередко это приводит к «легковесности» содержащихся в них суждений и обобщений.

Если же оценивать уровень проработки проблемы в целом, то можно сделать следующий вывод. К настоящему времени достаточно хорошо изучены многие аспекты истории атомного проекта: роль учёных и руководителей «высшего звена» в его реализации, вклад зарубежных достижений в решение научно-технических вопросов изготовления атомной бомбы, деятельность институтов, конструкторских бюро и предприятий, участвовавших в создании научных основ, разработке и производстве ядерного оружия, в обеспечении атомного проекта специальными материалами и оборудованием, и ряд других тем [4, 5]. При этом работы, посвящённые реализации атомного проекта в широком историческом контексте, составляют явное меньшинство. Отсутствует ясность, каким образом ядерно-оружейный комплекс «вписывался» в советскую экономическую систему, как была организована его работа, за счёт чего ему удавалось добиваться очевидных успехов.

Отчасти эти проблемы объясняет узость источниковой базы проведённых исследований, которая действительно весьма специфична. Основные архивные документальные комплексы недоступны исследователям. Однако в последние годы опубликован большой массив ранее секретных материалов, использование которых может многое прояснить в исто-

рии советского атомного проекта. Прежде всего речь идёт об «официальном» сборнике документов (3 тома в 12 книгах) «по истории создания ядерного оружия в СССР» [6]. В него включены постановления и распоряжения Правительства страны, протоколы заседаний руководящего органа атомного проекта – Специального комитета при Совете Министров СССР и его Технического и Инженерно-технического советов, деловая перепис-

ка, информационные, отчётные и статистические материалы исполнительных органов атомного проекта (Первого главного управления и Министерства среднего машиностроения СССР) и т.д. Стоит также отметить издание (8 томов в 11 книгах) рассекреченных архивных документов из фондов Российского федерального ядерного центра – ВНИИ экспериментальной физики (г. Саров) [7] и электронное издание, подготовленное в Российском феде-

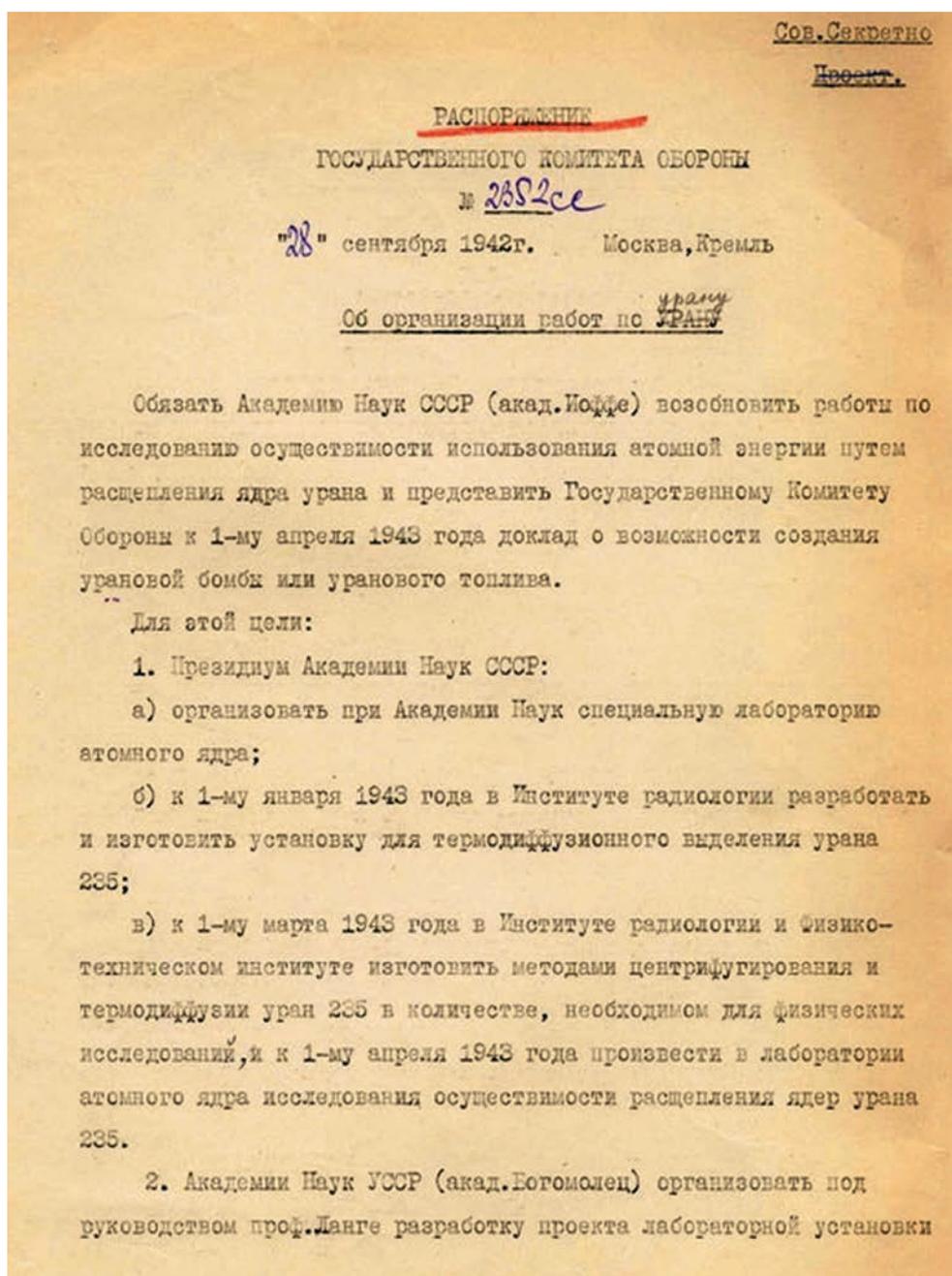

Фото 1. Первый лист подлинника распоряжения Государственного комитета обороны «Об организации работ по урану». 28 сентября 1942 г.

ральном ядерном центре — ВНИИ технической физики им. Е.И. Забабахина (г. Снежинск) [8].

Этапы реализации

Ключевая проблема историографии — это отсутствие общепринятой интерпретации самого понятия «атомный проект СССР». Авторы придерживаются мнения, что это была приоритетная государственная программа создания научно-производственной базы для расширенного воспроизводства ядерного оружия. В таком случае «запуск» атомного проекта следует отнести ко времени выхода в сентябре 1942 г. распоряжения Государственного комитета обороны «Об организации работ по урану» (фото 1), а завершение — ко второй половине 1950-х гг.

Разумеется, по ходу дела приоритеты атомного проекта менялись. Сначала все усилия были направлены на освоение ядерных технологий, на определение путей и способов организации работы. Важную роль здесь играла информация, поступавшая из-за рубежа. Её освоение признали необходимым условием для скорейшего создания атомной бомбы. Это рассматривалось как отправной шаг в совершенствовании «заимствованных» технологий. Таким образом рассчитывали перейти от «догоняющей», «имитационной» модели развития ядерно-оружейного комплекса к модели «инновационной» [9].

Решение принципиальных вопросов относительно того, что и как делать, позволило приступить к масштабным практическим действиям: к созданию сырьевой базы атомного проекта, налаживанию производства «ядерной взрывчатки» — плутония-239 и урана-235, конструированию атомной бомбы и её испытанию. Начало этого этапа можно отнести к выходу в августе 1945 г. постановления Государственного комитета обороны «О специальном комитете при ГОКО», а окончание — к подрыву на Семипалатинском полигоне в августе 1949 г. опытного ядерного боеприпаса (фото 2).

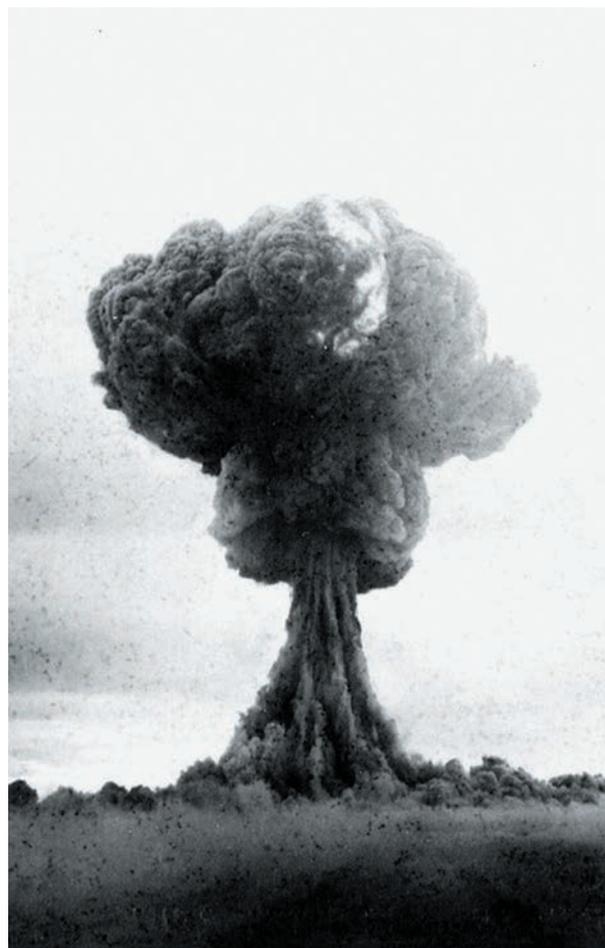

Фото 2. Испытание первой советской атомной бомбы. Семипалатинский полигон. 29 августа 1949 г.

Его успешное испытание открыло новый этап в реализации атомного проекта. Теперь основные усилия были сосредоточены на развёртывании серийного изготовления «изделий». Для этого потребовалось многократно увеличить добычу урансодержащего сырья и выпуск делящихся материалов — плутония-239 и урана-235. Одновременно перешли к разработке ядерного оружия, опираясь на собственные научные идеи и конструкторские решения. В результате удалось «запустить в серию» атомные бомбы, по своим характеристикам заметно превосходившие первые американские образцы и их советский аналог, начать проектирование «изделий», предназначенных для морских торпед, крылатых и баллистических ракет, ствольной артиллерии. Так советский ядерно-оружей-

ный комплекс к 1953 г. вышел на самостоятельную траекторию развития.

Ярким свидетельством его растущих возможностей стала разработка принципиально нового класса оружия — «сверхбомбы» с термоядерным зарядом. Это потребовало привлечения дополнительных научных сил и укрепления конструкторско-производственной базы атомного проекта, организации выпуска «термоядерной взрывчатки» (трития и дейтерид лития). Сложность задачи усугублялась перестройкой системы руководства атомным проектом после смерти И.В. Сталина. Тем не менее эти усилия увенчались успехом. В августе 1953 г. прошло испытание так называемой сахаровской слойки, в которой была инициирована термоядерная реакция, а в ноябре 1955 г. — первого «настоящего», двухстадийного термоядерного заряда. Чуть позже завершилось формирование военной составляющей ядерно-оружейного комплекса, отвечавшей за испытания и приёмку готовых «изделий», их хранение и подготовку к боевому применению.

Факторы успеха

Овладение ядерной энергией потребовало от разорённой войной страны напряжения всех её сил. По утверждению видного американского историка науки и техники Д. Холлоуэя, это стало настоящим подвигом [10, с. 192–193]. Стоит только добавить, что успех обеспечила целенаправленная политика и специальная «настройка» институтов «командной экономики». Конечно, форсированная реализация атомного проекта накладывала существенные ограничения на развитие «гражданских» отраслей производства, потребительского сектора. По сравнению с геополитическим выигрышем, который давало обладание ядерным оружием, это в глазах высшего руководства страны не имело значения. Не случайно в официальных документах атомный проект именовали «задачей номер один». Его задания подлежали безусловному испол-

нению «независимо от степени обеспечения... других нужд народного хозяйства» [6, т. 2, кн. 2, с. 207–208].

Такой порядок, однако, не означал, что результата стремились добиться любой ценой. Важный ограничитель запросов атомного проекта на ресурсы был встроен в саму структуру его управления (фото 3). Высший руководящий орган атомного проекта — Специальный комитет Совета Министров СССР — вынужден был учитывать нужды и возможности других отраслей экономики. И тому имелось множество примеров. Можно даже сказать, что стремление оптимизировать соотношение затрат и результатов являлось важной составляющей стратегии атомного проекта.

Спецкомитет обладал широкими полномочиями. Никакие партийно-государственные инстанции не имели права вмешиваться в его дела. В то же время в рамках своей компетенции он мог давать поручения любым министерствам, ведомствам и даже партийным органам. Неудивительно, что такой порядок породил недовольство «ущемлённых» руководящих структур и лиц. Но пока сохранялась жёсткая централизация власти, его удавалось блокировать волевым способом. Ситуация изменилась после смерти И.В. Сталина. Спецкомитет ликвидировали 26 июня 1953 г., в день ареста его председателя Л.П. Берии. С этого времени оперативное руководство атомным проектом стало осуществлять вновь организованное Министерство среднего машиностроения. Оно не могло «давать указания» другим министерствам и в случае возникновения межведомственных разногласий было вынуждено апеллировать к Президиуму ЦК КПСС и Совету Министров СССР.

В своей деятельности Спецкомитет опирался на «штабные» структуры — Технический (Научно-технический) совет, Секретариат Спецкомитета, Первое управление Госплана СССР (Управление по планированию и контролю специаль-

ных работ Спецкомитета), Учёный совет при Президенте АН СССР. Подготовленные ими решения утверждались Спецкомитетом и проводились в жизнь Первым главным управлением (ПГУ, а затем — и выделившимся из него Вторым главным управлением). По статусу его приравнивали к союзному министерству. Но это было не совсем обычное ведомство. Оно не только руководило «своими» предприятиями и организациями, но и координировало деятельность многочисленных министерств и ведомств, выполняя тем самым надведомственные функции [6, т. 2, кн. 1, с. 12]. А чтобы подчинённые ПГУ исполнители и соисполнители не проявляли «самодеятельности», за ними «наблюдали» так называемые уполномоченные Совета Министров СССР. Они комплектовались из числа генералов и офицеров спецслужб и подчинялись лично Л.П. Берии как заместителю И.В. Стали-

на по Совмину СССР. Это означало, что управленческие и контрольные функции в атомном проекте были сосредоточены в одних руках. Такого в практике руководства советской экономикой ни прежде, ни позже не наблюдалось.

В атомном проекте была использована ещё одна важная управленческая новация. Дабы расширить поле для маневра, фактически отказались от «плановости» в организации производства. В советской экономической системе планирование использовалось в качестве внешнего механизма контроля за деятельностью отраслевых ведомств и хозяйствующих субъектов. В атомном же проекте оно утратило эту функцию, превратившись во внутренние «декларации о намерениях». Плановые задания рассматривались только Спецкомитетом и доводились («в части их касающейся») «заинтересованным» министерствам и ведомствам как подлежа-

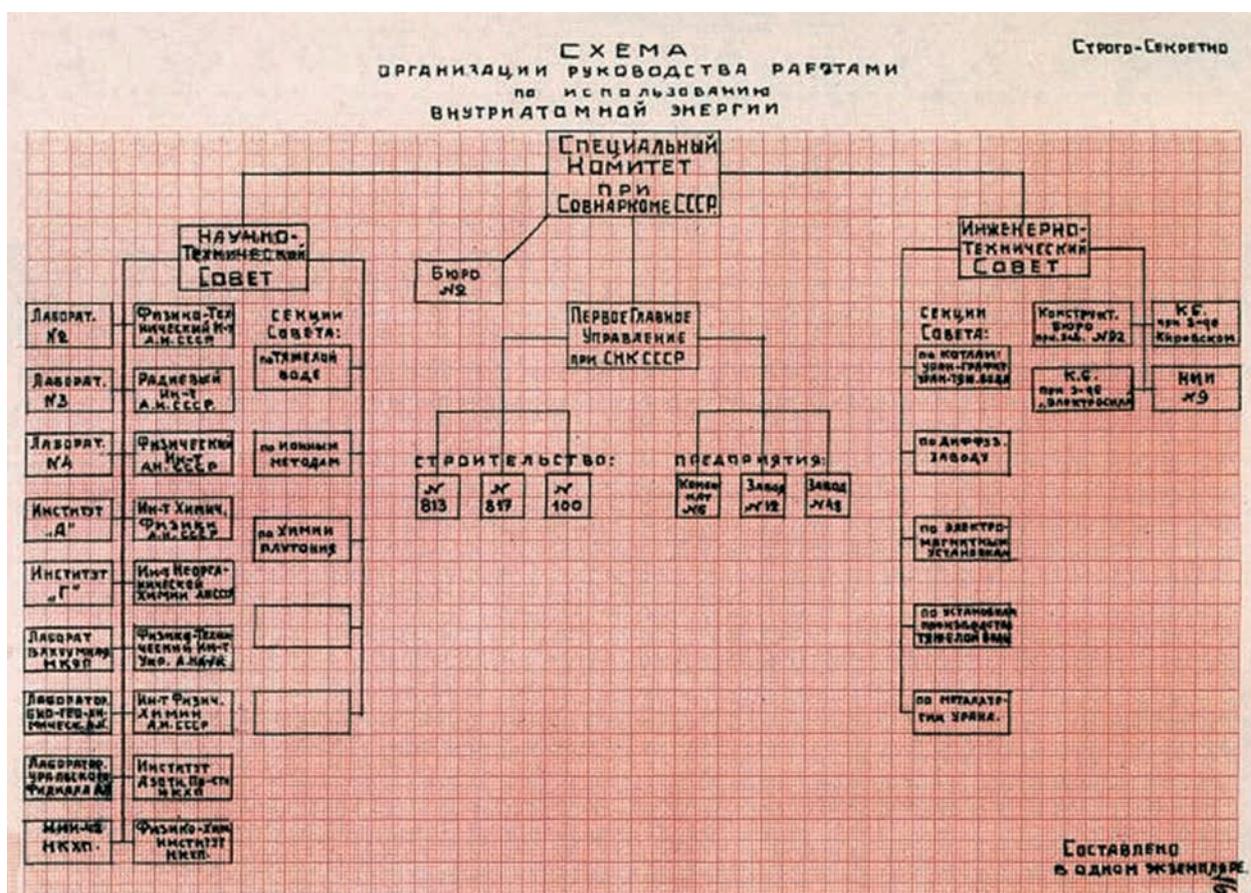

Фото 3. Схема организации руководства работами по использованию внутриатомной энергии. 1946 г.

щие «безусловному исполнению». Сам же Спецкомитет систематически «корректировал» утверждённые показатели. Иначе говоря, руководство атомным проектом осуществлялось не в плановом порядке, а в «ручном» режиме [11].

Такая практика управления позволяла широко задействовать фактор состоятельности исполнителей. Работа разворачивалась сразу по нескольким направлениям. Добившиеся успеха руководители и коллективы повышали свой формальный и неформальный статус, получали дополнительные преференции. А направления, не подтвердившие ожиданий, утрачивали преимущества в ресурсном обеспечении и финансировании. Да их и вообще могли «прикрыть». Такая угроза побуждала потенциальных «проигравших» предпринимать всё возможное, чтобы доказать свою состоятельность. Это была жёсткая конкуренция администраторов и организаций-исполнителей. Она позволяла «выбраковывать» не сумевших дать нужного результата несмотря ни на какие прошлые заслуги.

Однако управление «сверху», «в ручном режиме» не позволяло точно определить реальные потребности и «внутренние резервы» непосредственных исполнителей. У последних всегда оставался шанс облегчить себе жизнь за счёт снижения взаимных требований. Эту проблему не решал даже самый тщательный контроль за ними. Чтобы минимизировать подобные издержки, нужно было в полном объёме задействовать человеческий фактор – найти квалифицированных людей, способных ответственно относиться к делу, и побудить их работать с максимальной отдачей. Это были взаимосвязанные задачи. И решались они параллельно.

Кадры для формирующейся атомной отрасли в основном набирали путём мобилизации «лучших» работников во всех отраслях промышленности, Академии наук, системе высшего образования. Согласия у самих кандидатов не спрашивали. После тщательной проверки на благо-

надёжность их просто отправляли на новое место работы [7, т. 1, кн. 2, с. 8–37]. Исключение делали только для крупных учёных и отдельных руководителей высшего звена. По крайней мере, с ними проводили предварительные беседы, убеждая, что «партии видней», где их использовать, и обещая всяческие преимущества.

В мотивации труда задействованного в атомном проекте персонала применялось сочетание стандартных для сталинской эпохи методов: материального стимулирования и морального поощрения, воспитания и убеждения, принуждения и насилия. Но здесь имелась своя специфика. Она заключалась в снятии всех ограничений как в вознаграждении «отличившихся», так и при наказании «нердивых». Для «ответственных исполнителей» – ведущих учёных и конструкторов, крупных хозяйственников – особую роль играли открывающиеся возможности профессионального и карьерного роста, самореализации. Рядовые участники атомного проекта больше реагировали на материальные стимулы. И для них были созданы условия жизни, выгодно отличавшиеся от того, чем довольствовалась основная масса населения. Это побуждало их ценить свою работу и стимулировало трудовые усилия. К тому же участников атомного проекта двигала уверенность в значимости своего дела, убеждение, что, создавая ядерное оружие, ты тем самым «защищаешь Москву от возможной судьбы Хиросимы и Нагасаки» [12, с. 61].

Материальное стимулирование и моральное поощрение дополнялись административным принуждением. Особенно строго следили за выполнением заданий в установленные сроки и соблюдением технологических требований. За их нарушение могли отправить под суд. Даже «ключевые фигуры» атомного проекта не считали себя застрахованными от репрессий [13, с. 31]. Но всё же уголовное преследование применялось выборочно и не часто. В первую очередь от него ожидали демонстративного эффекта. Были даже

Фото 4. Заключение на строительстве Комбината № 817 (г. Озёрск)

случаи, когда «отсидевших положенное» возвращали на прежнее место работы [14, с. 23–24]. Жёсткий режим хорошо вписывался в атмосферу секретности, окутывавшую все аспекты производственной деятельности. Вместе с интенсивной пропагандой «советского патриотизма» и т.п. это формировало устойчивое чувство ответственности за порученное дело у всех задействованных в атомном проекте. Даже среди так называемого спецконтингента (заключённых, спецпоселенцев, репатриантов) встречались подобные настроения.

Эта категория работников составляла до половины занятых на возведении объектов атомной индустрии (фото 4). Их строительство велось за пределами крупных городов. Там не было ни производственных мощностей, ни рабочей силы, способной в сжатые сроки развернуть строительство. Использование «спецконтингента» позволяло решить эту проблему. Он легко «перемещался» в любое место и не требовал особых затрат на обустройство.

Однако вскоре выяснилось, что «спецконтингент» успешно справляется только с объёмными работами, хорошо поддающимися внешнему контролю. Но как только заключённых переводили на более сложные участки строительства, начинались сбои. Причина заключалась в их низкой квалификации и негативном отношении к труду, которое не мог переломить даже жёсткий административно-репрессивный режим принуждения. И в конце 1940-х гг. было принято решение о постепенной замене «спецконтингента» «проверенными вольнонаёмными и военно-обязанными строителями». После «бериевской» амнистии 1953 г. объекты атомной промышленности стали возводиться (за редким исключением) силами военных строителей и вольнонаёмных.

Баланс затрат и результатов

Результативность использованных в атомном проекте подходов к организации работы не вызывает сомнений. Его главным достижением стало радикальное наращивание военной мощи страны,

что обеспечило Советскому Союзу статус мировой «сверхдержавы». Это была главная цель атомного проекта. И её удалось достичь в сжатые сроки. Но здесь, конечно, сразу возникает вопрос о цене достигнутого результата. Было бы хорошо представить её в количественном измерении. Но это невозможно сделать в полном объёме из-за недоступности исходных данных. Но даже отдельные цифры впечатляют. Сегодня опубликованы сведения, согласно которым атомный проект поглощал от 3 до 4% капитальных вложений в народное хозяйство страны [15, с. 240–245; 16, с. 164]. Думается, что эти данные даже занижены, поскольку не учитывают значительную часть затрат «смежников». Но в любом случае атомный проект обернулся огромной нагрузкой на экономику и социальную сферу, оказал заметное влияние на реализацию принятых перспективных планов.

Вместе с тем не стоит игнорировать позитивный эффект от реализации атомного проекта. Несомненно, он дал мощный импульс развитию науки, техники, наукоёмких отраслей промышленности. В его рамках существовало как бы два «встречных потока». С одной стороны, к работам привлекались лучшие научно-технические силы страны, а с другой — наработанные в нём идеи стремились использовать в более широких целях, чем создание ядерного оружия. Этому способствовало руководство атомным проектом

в лице Спецкомитета. Наибольшее внимание он уделял наращиванию научно-технического и производственного потенциала атомной промышленности. Однако «смежники» тоже не остались «в накладе». Только в министерствах машиностроения и приборостроения, тяжёлого машиностроения, промышленности средств связи, химической промышленности было создано свыше 20 конструкторских бюро и НИИ. Ряд их ведущих предприятий подвергся коренной реконструкции. Существенно нарастили свой потенциал Академия наук, отдельные вузы.

Возможно, не все выделяемые средства тратились рационально. Но если сравнить затраты на американскую атомную программу в 1941–1950 гг. и на советский атомный проект в 1945–1953 гг., то они, при сопоставимых результатах, оказались равными [17, с. 327]. Следовательно, институты «командной экономики» при соответствующей «настройке» сработали не хуже рыночной системы. Но этот «манёвр» носил экстраординарный характер и локализовался в ограниченном, приоритетном сегменте производства. Их число нельзя было расширять до бесконечности. Не случайно наработанные в атомном проекте подходы не получили широкого распространения. Ну а его очевидные успехи, при всей их важности, ещё не обеспечивали вывод страны на траекторию устойчивого экономического роста в длительной перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину (Анатомия застоя). М.: Прогресс, 1991. С. 31–62.
2. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. 2-е изд., испр. и доп. М.: РОССПЭН, 2006.
3. Эрикссон Р. Командная экономика и её наследие // Экономика России. Оксфордский сборник. Кн. I. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. С. 101–165.
4. Мельникова Н.В., Беделёв А.Э. Атомный проект СССР: современная отечественная историография и источники // Экономическая история. Ежегодник. 2014/15. М.: Институт российской истории РАН, 2016. С. 492–513.

5. Мельникова Н.В., Джозефсон П. Американские и российские исследования истории атомного проекта СССР: сравнительный анализ // Вопросы истории естествознания и техники. 2016. Т. 37. № 1. С. 85–109.
6. Атомный проект СССР. Документы и материалы: В 3 т. / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. М., Саров, 1998–2010.
7. История создания ядерного оружия в СССР. 1946–1953 годы (в документах): В 8 т. / Пред. ред. совета Р.И. Илькаев. Саров (Арзамас-16), 1999–2001.
8. История создания, развития и деятельность ВНИИТФ // Грани истории в документах и фотографиях [Электронный ресурс] / Российский федеральный ядерный центр – ВНИИ технической физики им. акад. Е.И. Забабахина. Снежинск, 2009. 1 CD-ROM.
9. Артёмов Е.Т., Волошин Н.П. Роль зарубежного опыта в реализации советского атомного проекта // Экономическая история: Ежегодник, 2014/2015. М., 2016. С. 465–491.
10. Holloway D. Stalin and The Bomb: The Soviet Union and Atomic Energy. 1939–1956. New Haven: Yale University Press, 1994.
11. Артёмов Е.Т. Советский атомный проект в системе «командной экономики» // Cahiers du Monde Russe. 2014. 55/3-4. P. 267–294.
12. Цукерман В.А., Азарх З.А. Люди и взрывы. Арзамас-16: ВНИИЭФ, 1994.
13. Славский Е.П. Из рассказов старого атомщика // Творцы атомного века. Славский Е.П. М.: СловоДело, 2013. С. 11–62.
14. Гладышев М.В. Плутоний для атомной бомбы (директор плутониевого завода делится воспоминаниями). Б. м., 1992.
15. Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН, 1996.
16. Шестаков В.А. Социально-экономическая политика Советского государства в 50-е – середине 60-х годов. М.: Наука, 2006.
17. Котельников Р.Б., Тумбаков В.А. Атомный проект СССР – дерево целей, ресурсы, усилия, результаты (1940–1950 гг.) // Наука и общество: история советского атомного проекта (40-е – 50-е годы): В 3 т. Т. 2. М.: ИздАТ, 1999. С. 320–330.

ENGLISH

The USSR's atomic project: strategy and practice of realization

Artemov Evgeniy Timofeevich is DSc in History, Director of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, head of the project “The USSR's atomic project: strategies and practices of realization” (14-01-00053).

E-mail: iia-history@mail.ru

Melnikova Natalia Viktorovna is PhD (equivalent to Candidate of Sciences) in History, Senior researcher of the Institute of History and Archaeology, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, researcher of the same project.

E-mail: melnatvik@mail.ru

The article summarizes the findings of the team research project on the analysis of the strategy and practice of implementing the Soviet atomic project as a command economy phenomenon. The authors pursue to identify ways and methods of meeting project goals, on the formation and evolution of its management structure, on the work organization and planning, personnel policy and labor motivation. The historical reconstruction of these scenarios is closely connected with the development of the scientific and production base and the nuclear & weapons complex infrastructure. The chosen research perspective helps to show the effects of the atomic project on the country's economy, as well as to obtain insights into one of the key problems of the Russian

history in the 20th century – the Soviet economic system's effectiveness. The authors seek to provide answers to the questions: how did the “socialist economic system” manage to deliver such outstanding performance of the atomic project and why the production organization approaches developed in the project were not transferred to other industries.

Keywords: atomic project, nuclear weapons, nuclear and weapons complex, command economy, the Special Committee, the First Chief Directorate, the Ministry of Medium Machine Building

REFERENCES

1. Najshul' V. Vysshaya i poslednyaya stadiya sotsializma // Pogruzhenie v tryasinu (Anatomiya zastoya). M.: Progress, 1991. S. 31–62 (in Russian).
2. Gajdar E.T. Gibel' imperii. Uroki dlya sovremennoj Rossii. 2-e izd., ispr. i dop. M.: ROSSPEN, 2006 (in Russian).
3. Erikson R. Komandnaya ekonomika i yeyo nasledie // Ekonomika Rossii. Oksfordskij sbornik. Kn. I. M.: Izd-vo In-ta Gajdara, 2015. S. 101–165 (in Russian).
4. Mel'nikova N.V., Bedel' A.E. Atomnyj proekt SSSR: sovremennaya otechestvennaya istoriografiya i istochniki // Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik. 2014/15. M.: Institut rossijskoj istorii RAN, 2016. S. 492–513 (in Russian).
5. Mel'nikova N.V., Dzhozefson P. Amerikanskije i rossijskie issledovaniya istorii atomnogo proekta SSSR: sravnitelnyj analiz // Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki. 2016. T. 37. № 1. S. 85–109 (in Russian).
6. Atomnyj proekt SSSR. Dokumenty i materialy. V 3 t. / Pod obshch. red. L. D. Ryabeva. M., Sarov, 1998–2010 (in Russian).
7. Istoriya sozdaniya yadernogo oruzhiya v SSSR. 1946–1953 gody (v dokumentakh). V 8 t. / Pred. red. soveta R.I. Il'kaev. Sarov (Arzamas-16), 1999–2001 (in Russian).
8. Istoriya sozdaniya, razvitiya i deyatel'nost' VNIITF // Grani istorii v dokumentakh i fotografiyakh [Elektronnyj resurs] / Rossijskij federa'lnyj yadernyj tsentr – VNII tekhnicheskoy fiziki im. akad. E.I. Zababakhina. Snezhinsk, 2009. 1 CD-ROM (in Russian).
9. Artyomov E.T., Voloshin N.P. Rol' zarubezhnogo opyta v realizatsii sovetskogo atomnogo proekta // Ekonomicheskaya istoriya: Ezhegodnik, 2014/2015. M., 2016. S. 465–491 (in Russian).
10. Holloway D. Stalin and The Bomb: The Soviet Union and Atomic Energy. 1939–1956. New Haven: Yale University Press, 1994.
11. Artyomov E.T. Sovetskij atomnyj proekt v sisteme «komandnoj ekonomiki» // Cahiers du Monde Russe. 2014. 55/3-4. P. 267–294 (in Russian).
12. Tsukerman V.A., Azarh Z.A. Lyudi i vzryvi. Arzamas-16: VNIIEF, 1994 (in Russian).
13. Slavskij E.P. Iz rasskazov starogo atomshchika // Tvortsy atomnogo veka. Slavskij E.P. M.: SlovoDelo, 2013. S. 11–62 (in Russian).
14. Gladyshev M.V. Plutonij dlya atomnoj bomby (direktor plutonievogo zavoda delitsya vospominanijami). B. m., 1992 (in Russian) (in Russian).
15. Simonov N.S. Voенно-promyshlennyj kompleks SSSR v 1920–1950-e gody: tempy ekonomicheskogo rosta, struktura, organizatsiya proizvodstva i upravlenie. M.: ROSSPEN, 1996 (in Russian).
16. Shestakov V.A. Sotsial'no-ekonomicheskaya politika Sovetskogo gosudarstva v 50-e – seredine 60-kh godov. M.: Nauka, 2006 (in Russian).
17. Kotel'nikov R.B., Tumbakov V.A. Atomnyj proekt SSSR – derevo tselej, resursy, usiliya, rezul'taty (1940–1950 gg.) // Nauka i obshchestvo: istoriya sovetskogo atomnogo proekta (40-e – 50-e gody). V 3-kh t. T. 2. M.: Izdat, 1999. S. 320–330 (in Russian).

УДК 94 (470)
ГРНТИ 03.23.31**Л.Ф. ПИСАРЬКОВА***

Коррупция в государственном управлении России XVII–XIX веков: условия, эволюция, противодействие

Проблема коррупции рассмотрена под углом эффективности организации приказной, коллежской и министерской систем управления, действовавших в России в XVII–XIX вв., их способности противодействовать распространению казнокрадства и взяточничества. Проведённое исследование позволило заключить, что наиболее эффективной в противодействии коррупции оказалась приказная система. Этому способствовали как базовые принципы её организации, так и нетерпимое отношение к лихоимству и власти, и общества.

Ключевые слова: коррупция, приказная, коллежская, министерская системы управления, эволюция злоупотреблений, наказания, чиновники

С начала 1990-х гг. о коррупции опубликовано огромное количество работ. [1]. Интерес к этой теме, особенно к коррупции в современной России, не утрачен и в последнее десятилетие. Однако число исторических исследований невелико. Большинство из них, несмотря на многообещающие названия, носит иллюстративный и публицистический характер [2].

Реализация настоящего проекта позволила в широких хронологических рамках рассмотреть проблему коррупции с позиций эффективности системы государственного управления (приказной, коллежской, министерской), её способности противодействовать распро-

странению казнокрадства и взяточничества. Такой подход к разработке темы потребовал привлечения разновременных (XVII – первой половины XIX в.) и разнообразных по характеру источников (законодательных, делопроизводственных, мемуарных, эпистолярных). Значительный комплекс источников выявлен в Российском государственном архиве древних актов [3], Российском государственном историческом архиве [4], Рукописном отделе Российской национальной библиотеки [5] и Отделе письменных источников Государственного исторического музея [6]. Многие из архивных материалов введены в научный оборот впервые.

* **Писарькова Любовь Фёдоровна** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель проекта «Коррупция в государственном управлении России XVII–XIX вв.: условия, эволюция, противодействие» (14-01-00131a).
E-mail: pisarkoval@list.ru

Понятия, определявшие злоупотребления в XVII–XIX вв.

Слово «коррупция» в российском законодательстве исследуемого периода не употреблялось. В XVII в. «прибытки» должностных лиц делились на «законные» и «скверные». К первым относилось «почестье» — добровольные денежные и натуральные приношения должностным лицам до начала дела; ко вторым — «поминки» и «посулы», которые рассматривались как вымогательство. Почестье, особенно из монастырей, служило заметным источником доходов приказных людей. Не преследовалось и получение местной администрацией «кормов» с населения, сохранявшееся со времен наместнического управления. Несмотря на то что в отличие от наместников в XVII в. воеводы получали «государево жалованье», древняя традиция «кормления» сохранялась. Правительство вмешивалось в эти отношения администрации с населением только тогда, когда оно жаловалось на большие «корма», требуемые воеводой.

С начала XVIII в. вошло в употребление понятие «лихоимство», приближавшее-

Ил. 1.

ся по своему значению к современному понятию «коррупция». Лихоимством считались все должностные преступления, наносящие вред интересам как частных лиц, так и государства. Виновными в равной степени признавались обе стороны: и бравшие, и дававшие посул, так называемые лихоимцы и лиходатели. В российском законодательстве эти определения сохранялись на протяжении XVIII — первой половины XIX в.

При Петре I вошло в обиход и понятие «взятка», которое не заменяло традиционное понятие «посул», а употреблялось наряду с ним: «а взятки и посулов» не брать [указ 24 апреля 1713 г.]. Постепенно новое понятие распространилось на самые разные виды должностных преступлений и рассматривалось в качестве синонима понятия «лихоимство», «пагубное лихоимство или взятки» [указ 18 ноября 1802 г.].

Антикоррупционная составляющая приказной системы

В XVII в. мирское устройство обеспечивало населению право подавать всем миром жалобы царю на злоупотребления должностных лиц и просить об их замене. Многие челобитные заканчивались обещанием в случае неисполнения их просьбы «разбрестись рознь», что заставляло правительство считаться с пожеланием налогоплательщиков.

Жалобы населения служили информацией, посредством которой правительство могло контролировать деятельность администрации. Контролирующие функции были заложены в самой организации воеводской службы, прежде всего в её срочном характере. Воеводы назначались в города на срок от 1 до 3 лет (в Сибири). Частая смена местных правителей являлась надёжным способом контролировать их деятельность, так как новый воевода, принимая дела, выступал в качестве ревизора и обо всех замеченных недостатках сообщал в Москву. Кроме того, воеводы экономически не были связаны с управляемыми

уездами. Им запрещалось владеть там землёй и крестьянами, поэтому на эту должность не назначали местных землевладельцев. Правительство сурово наказывало за «посулы» и казнокрадство, не считаясь с сословным или должностным положением виновного. От наказания «на теле» освобождались только члены Боярской думы: за посулы их лишали думного чина.

Усиление центральной власти во второй половине XVII в., стабилизация ситуации в стране, издание Соборного уложения 1649 г. и неизбежность наказания за должностные преступления — всё это способствовало росту правосознания населения, ограничивало возможности администрации для злоупотребления должностным положением. В борьбе с коррупцией наибольшие результаты приносили совместные усилия населения и правительства.

Последствия разрушения приказной системы

К концу XVII в. стали заметны признаки упадка приказного управления. В результате переворота 1689 г. и смены правящей элиты заметно снизился морально-нравственный уровень администрации, что привело к невиданному распространению злоупотреблений, поразивших даже высшие структуры власти. Начало Северной войны, создание в 1708 г. обширных губерний во главе с бесконтрольными губернаторами и постоянные «отлучки» Петра I, занятого решением военных задач, способствовали дальнейшему развитию этих процессов. Децентрализация управления в ходе реформы 1708 г., отмена срочной службы местных правителей и запрет на подачу челобитных непосредственно царю разрушили механизм контроля над деятельностью местной администрации, действовавший в условиях приказной системы.

Для надзора за государственным аппаратом и борьбы с должностными преступлениями был учреждён Сенат и создан разветвлённый институт фискалов.

Однако в условиях повсеместной коррупции служащие новых учреждений вскоре сами оказывались замешанными в злоупотреблениях, что привело к ужесточению законодательства о должностных преступлениях, созданию многочисленных розыскных и следственных комиссий, привлечению военных лиц к делам гражданского управления.

Противодействие коррупции в условиях коллежской системы

Окончание войны и сбои в управлении выдвинули на первый план задачу государственного переустройства. По образцу шведского коллежского управления к 1720 г. в России были учреждены 9 коллегий, к концу царствования их число возросло до 12. Преимущества новых учреждений заключались в их коллегиальности, систематическом распределении дел между ведомствами и стройном порядке делопроизводства.

Однако в условиях России сильные стороны нового управления проявились далеко не в полной мере. Не был налажен чёткий бюрократический порядок в организации управления, обеспечивавший в Швеции слаженную работу государственной машины. Для его организации требовались огромные средства и знающие, хорошо оплачиваемые чиновники. Ни того, ни другого в России тогда не было. При огромных расстояниях, плохих дорогах и постоянном недостатке служащих канцелярий сложная система делопроизводства и бесконечная служебная переписка были причинами волокиты и низкой эффективности управления, способствовали распространению злоупотреблений.

Пётр I ужесточил наказания за должностные преступления. Казнокрадство относилось к преступлениям, подлежавшим самому суровому наказанию, и по европейскому образцу каралось смертной казнью с конфискацией имущества. Царь часто прибегал к столь суровому наказанию, не считаясь с положением и должностью виновного. Последние годы

правления Петра I были эпохой террора, беспощадного преследования нарушителей закона. Но в условиях постоянного реформирования управления, изменений в законодательстве, невыплаты жалования чиновникам низшего управленческого звена победить коррупцию едва ли было возможно.

Для налаживания расстроенного механизма административной машины приемникам Петра I пришлось в организации местного управления вернуться к началам приказной системы: восстановить воевод и срочный характер их службы, запретить покупать поместья в управляемых уездах. В связи с отсутствием денег в казне выплата жалования чиновникам была прекращена, источником их существования стали «акциденции», т.е. поборы с населения.

Упорядочение управления при отсутствии жалования не могло решить проблему коррупции. Взятки брали не только деньгами, но и крепостными крестьянами. От подарков не отказывались и высокопоставленные чиновники, такие как барон П.П. Шафиров, граф Г.И. Головкин и др. При императрице Анне Иоановне за злоупотребления сурово наказывали, вплоть до смертной казни; при Елизавете Петровне наказания за должностные преступления были смягчены, что привело к росту числа злоупотреблений.

В результате реформ последней четверти XVIII в. была создана разветвленная сеть губернских и уездных учреждений, что потребовало значительного увеличения числа служащих низшего звена, происходивших из самых разных слоёв населения. Необеспеченность большинства чиновников другими источниками существования, кроме жалования, заметно сократившегося в связи с падением курса ассигнаций, служила оправданием для злоупотреблений и взяточничества. Распространению этих пороков в немалой степени способствовала и новая организация управления, не создавшая эффективной системы надзора за местной админи-

страцией. Разделение страны на наместничества и передача полномочий большинства центральных учреждений на губернский уровень привели к децентрализации управления. В таких условиях многочисленные прокуроры местных учреждений находились в фактическом подчинении территориальных правителей. Следствием этих процессов стало широкое распространение злоупотреблений, которые получили характер коллективных должностных преступлений чиновников, связанных круговой порукой.

Конец XVIII в. отмечен активизацией деятельности Сената по борьбе с должностными преступлениями и злоупотреблениями губернских чиновников. В 1795 г. началась ревизия Вятской губернии сенатором С.И. Мавриным, завершённая при Павле I. В 1799 г. проведена масштабная ревизия, в ходе которой сенаторы обнаружили огромное число беспорядков и злоупотреблений во многих губерниях. Особенно многочисленные нарушения открылись в Тамбовской и Вятской губерниях, где они охватывали практически все учреждения. Правление Павла I отмечено активной правительственной деятельностью, направленной на повышение качественного уровня бюрократии и борьбу с должностными преступлениями.

Очевидно, что, несмотря на многочисленные преобразования, законодателям XVIII в. не удалось разработать эффективный механизм противодействия коррупции; эту задачу должны были решать их преемники в XIX в.

Противодействие коррупции в условиях министерской системы

С начала царствования Александра I на повестку дня была поставлена задача кардинального переустройства всей системы управления. Введение министерств признавалось единственным средством для прекращения «лихоимства», составлявшего, по оценке членов Негласного комитета, «язву русского государства» [7]. В ходе министерской реформы 1810–

1811 г., подготовленной М.М. Сперанским и кн. В.П. Кочубеем, центральное управление России было выстроено по французскому образцу, на принципах единоначалия и последовательной подчинённости младших чиновников старшим, образовав чётко выстроенную вертикаль власти во главе с министром. Однако российская министерская система изначально имела серьёзные отличия от французского аналога. В Европе бюрократическая вертикаль власти подразумевала чёткое *исполнение* закона на каждом её уровне, тогда как в России, где не было развито уважение к закону, основу бюрократизации составило не *исполнение* закона, а *согласование* решений нижестоящих и вышестоящих учреждений.

В результате недостатки управления (медлительность в решении дел, злоупотребления, сложное и обильное на бумаге делопроизводство) не исчезли, как рассчитывали создатели министерской системы, а, напротив, умножились. Не менее важный недостаток нового управления заключался в несоответствии организации центральных и местных учреждений, формально сохранявших остатки коллегиального начала, введённого в 1775 г. Единство управления в губерниях было нарушено, так как губернаторы подчинялись министру внутренних дел, губернские правления — Сенату, остальные учреждения — соответствующим министрам по ведомственной принадлежности. В губерниях не оказалось должностных лиц и учреждений, ответственных за всё управление в целом. Центр тяжести административного управления переместился в столицу. Структура реформированных министерств разрослась и усложнилась, что привело к усилению роли канцелярий. Бумаги заменили реальную деятельность. Для населения усложнение управления обернулось увеличением числа инстанций, что не способствовало скорому решению дел.

Сложное делопроизводство и многоступенчатая система прохождения бумаг

порождали условия для злоупотреблений чиновников разного уровня. При Николае I видимость порядка и казённого благополучия создавали чёткие схемы прохождения бумаг внутри каждого учреждения. Входящая бумага, с момента получения и до её отправки по назначению, в земском суде проходила 26 инстанций, в министерском департаменте — 34, а в губернском правлении — 54 [8]. И каждая из этих ступеней могла стать источником несправедных доходов.

Такие условия способствовали появлению централизованной формы получения взяток, при которой все поступления принимали чиновники одного из отделений (наименее подозрительного в этом отношении), затем несправедные доходы делились между всеми служащими учреждения. Источником дополнительных доходов губернского начальства служило обложение ежегодной «данью» подведомственных им учреждений. Важным источником дополнительных поступлений должностным лицам оставались винные откупа и операции с солью, в том числе затопление соляных барок после того, как с них была свезена соль.

Широкое распространение получили коллективные злоупотребления, когда откупщики и заводчики регулярными выплатами подкупали весь состав служащих губернских или уездных учреждений, обеспечивая таким способом принятие необходимых им решений. По свидетельству современников, «кормление» администрации откупщиками было обычным явлением. Так, в конце 1830-х гг. в Симбирской губернии откупщик ежегодно платил губернатору 10 тыс. руб. ассигнациями, вице-губернатору — 20 тыс., прокурору «как человеку слабому и безгласному» — только 3 тыс. руб., каждому советнику — по 2 тыс. руб. Кроме того, «всем им отпускатось даром из питейной конторы мёд, пиво, вино и ерофеич (водка на травах)» [9]. На содержании откупщика находилась и администрация Нижегородской губернии. Как отмечал сенатор М.П. Ве-

селовский, в 1840-е гг. «откупщик вернее, чем табель о рангах или штатные положения, определял удельный вес каждого должностного лица. Тот, кому откупщик платил много, высоко стоял в служебной иерархии, кому он платил мало — стоял низко; кому он вовсе не платил представлялся не более как мелкой сошкой» [10].

С начала XIX в. основным способом борьбы с должностными преступлениями местной администрации стали сенаторские ревизии. За 90 лет (1801–1892) проведены 108 ревизий, из них 87 пришлись на первую половину XIX в., в том числе 51 ревизия — на царствование Александра I [11]. Многие губернаторы и чиновники губернских учреждений оказались под судом и лишлись чинов, а кто-то и дворянства. От заслуженного наказания лихоимцев спасали только личные или родственные связи с представителями высшей бюрократии. Сенаторские ревизии как основной вид контроля над местной администрацией не могли исправить недостатки управления, заложенные в самой организации министерской системы.

В военные годы (1812–1814) число злоупотреблений заметно возросло. Под судом оказались не только многие губернаторы, но и чиновники Военного министерства, включая министра кн. А.И. Горчакова, и чиновники канцелярии Комитета министров, замешанные в крупных злоупотреблениях на поставках в армию.

В 1816–1825 гг. обязанности ревизоров губернской администрации, наряду с сена-

торами, выполняли чиновники, назначенные на должность генерал-губернаторов (А.Д. Балашов, А.Ф. Клокачев, М.М. Сперанский, В.Ю. Соймонов, А.Н. Бахметев). В роли своеобразного инспектора губернских учреждений выступал и сам император, совершавший многочисленные поездки по стране. Но смена должностных лиц губерний не приносила желаемых результатов: в большинстве случаев новые губернаторы приспособлялись к утвердившимся в губернии порядкам, и злоупотребления продолжались.

С начала нового царствования борьба с лихоимством стала одной из первоочередных задач, стоявших перед Николаем I. Уже 28 мая 1826 г. из числа сенаторов был создан «Комитет для соображения законов о лихоимстве и мерах к истреблению сего преступления». Члены Комитета пришли к выводу, что преобразования Александра I в области управления способствовали распространению злоупотреблений. Главными причинами этого явления были признаны отсутствие ясных законов, зависимое положение судебной власти, неограниченность власти начальников, низкие оклады чиновников, необразованность должностных лиц всех состояний.

В годы царствования Николая I было многое сделано для упорядочения законодательства и повышения образовательного уровня гражданских служащих, несколько улучшилось их материальное положение. Однако эти изменения оказались недостаточными. В условиях чрезмерной централизации и бюрократизации управления, характерных для второй четверти XIX в., пороки бюрократии продолжали существовать и более того — прогрессировать. Правительство признавало взятки злом, но, не имея возможности обеспечить чиновников необходимым содержанием, достаточно терпимо относилось к должностным преступлениям.

Ил. 2.

К концу 1850-х гг., когда стало очевидно, что страна стоит на пороге серьёзных преобразований во всех сферах жизни, появилась возможность для осуществления действенных мер по пресечению злоупотреблений. В ходе ревизий губернских учреждений открылись столь многочисленные нарушения законности, что при отстранении от службы только наиболее виноватых и вредных должностных лиц большинство мест оставалось вакантными. В 1859 г. была проведена ревизия управления государственных имуществ Пермской губернии, после которой произошла замена почти всего состава служащих по доказанной неисправности, негодности и взяточничеству. Ещё печальней для чиновников закончились ревизии палат государственных имуществ, которые проводил М.Н. Муравьёв, назначенный в 1857 г. министром государственных имуществ. «...Были такие палаты, в которых министр весь состав присутствия изгонял вон и, заперев двери присутствия и положивши ключ в карман, объявлял, что палата закрыта до сформирования нового для неё состава» [12].

Проведение кардинальных реформ во всех сферах жизни, прежде всего судебной, вселяло надежды, что взятки и злоупотребления, характерные для администрации первой половины XIX в., остались в прошлом. Но это прошлое вскоре напомнило о себе громкими скандалами и судебными процессами, связанными с финансовыми аферами, казнокрадством и крупными злоупотреблениями при железнодорожном строительстве, нити которых тянулись в кабинеты столичных чиновников.

* * *

Проведённое исследование позволило заключить, что наиболее эффективной в противодействии коррупции оказалась приказная система. Этому способствовали как базовые принципы её организации, так и нетерпимое отношение к лихоимству и власти, и общества. В отличие от законодателей XVII в. их преемникам XVIII – первой половины XIX в. не удалось разработать эффективный механизм противодействия коррупции; эта задача должна была решаться в ходе реформ второй половины XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коррупция и взяточничество: Аннотированная библиография российских изданий. 1869–2002 / Сост. А.С. Быстрова и М.В. Сильвестров. СПб., 2004.
2. Манько А.В. Коррупция в России. Особенности национальной болезни. М., 2012; Кузовков Ю.В. История коррупции в России. М., 2013.
3. РГАДА. Ф. 248 и 1261.
4. РГИА. Ф. 1260.
5. РО РНБ. Ф. Ф. IV.
6. ОПИ ГИМ. Ф. 3, 14, 170, 247, 395.
7. Чарторыйский А.А. Русский двор в конце XVIII – начале XIX столетия // Из записок князя Адама Чарторыйского. 1795–1806. М., 2007. С. 161.
8. Руководство к наглядному изучению административного порядка течения бумаг в России. М., 1858. С. 3–9.
9. Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 377.
10. РО РНБ. Ф. Ф. IV. Д. 861. Л. 287 об.
11. История Правительствующего Сената за 200 лет. 1711–1911. Т. 4. СПб., 1911. С. 503–508.
12. Глориантов В.И. Потомственные дворяне канцелярского происхождения // Русский архив. 1905. Кн. 1. № 4. С. 671.

ENGLISH

Corruption in the State Administration of Russia in the 17th–19th centuries: conditions, evolution, opposition

Pisarkova Lyubov Fedorovna is DSc in History, chief researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, head of the project “Corruption in the State Administration of Russia in the 17th–19th centuries: conditions, evolution, opposition” (14-01-00131a).

E-mail: pisarkoval@list.ru

The corruption is reviewed through the lens of the performance of the mandated, collegiate and ministerial management systems that operated in Russia in the 17th–19th centuries, their ability to counter the spread of embezzlement and bribery. The conducted research helped to conclude that the most effective system in terms of countering corruption had been the mandated one. This was promoted both by the basic principles of its organization, as well as by the intolerant attitude towards larceny and power, and society.

Keywords: corruption, mandated, collegiate, ministerial system of management, evolution of abuse, punishment, officials

REFERENCIS

1. Korruptsiya i vzyatochnichestvo: Annotirovannaya bibliografiya rossijskikh izdaniy. 1869–2002 / Sost. A.S. Bystrova i M.V. Sil'vestrov. SPb., 2004 (in Russian).
2. Man'ko A.V. Korruptsiya v Rossii. Osobennosti natsional'noj bolezni. M., 2012; Kuzovkov Yu.V. Istoriya korruptsii v Rossii. M., 2013 (in Russian).
3. RGADA. F. 248 i 1261 (in Russian).
4. RGIA. F. 1260 (in Russian).
5. RO RNB. F. F. IV (in Russian).
6. OPI GIM. F. 3, 14, 170, 247, 395 (in Russian).
7. Chartoryjskij A.A. Russkij dvor v kontse XVIII – nachale XIX stoletiya // Iz zapisok knyazya Adama Chartoryjskogo. 1795–1806. M., 2007. S. 161 (in Russian).
8. Rukovodstvo k naglyadnomu izucheniyu administrativnogo poryadka techeniya bumag v Rossii. M., 1858. S. 3–9 (in Russian).
9. Dmitriev M.A. Glavy iz vospominanij moej zhizni. M., 1998. S. 377 (in Russian).
10. RO RNB. F. F. IV. D. 861. L. 287 ob (in Russian).
11. Istoriya Pravitel'stvuyushchego Senata za 200 let. 1711–1911. T. 4. SPb., 1911. S. 503–508 (in Russian).
12. Gloriantov V.I. Potomstvennye dvoryane kantselyarskogo proiskhozhdeniya // Russkij arkhiv. 1905. Kn. 1. № 4. S. 671 (in Russian).

УДК 396.11
ГРНТИ 03.23.55

М.В. ВАСЕХА*

«Новая советская женщина»: конструирование образа в 1920-е годы (по материалам юга Западной Сибири)

В статье изложены результаты исследования механизмов конструирования и внедрения образа «новой советской женщины» в повседневную жизнь крестьян юга Западной Сибири в 1920-е гг. [1]. Проблема рассматривается комплексно: в законодательной плоскости, в аксиологической сфере (новые паттерны поведения), в общественно-политическом поле, в политике ликвидации неграмотности и охраны материнства и младенчества, в рамках антирелигиозной кампании и внедрения новых советских ценностей через «красные» обычаи и обряды.

Конструирование образа «новой советской женщины» шло в рамках политики построения «нового быта». Советские идеологи работали сразу в нескольких направлениях, при этом основным объектом, на котором фокусировалось внимание, была женщина. Планируемая «революция в умах» женщин — в особенности, как считалось, у «наиболее отсталых» крестьянок — стала той «высотой», после взятия которой можно было бы говорить о начале изменения культурного кода всего российского общества.

В качестве источников привлечены публикации идеологов «женского вопроса», архивные документы, материалы периодической печати, а также интервью с современниками изучаемых событий — женщинами и мужчинами, чья молодость пришлась на 1920-е гг. В работе делается вывод о том, что образ русской сибирской крестьянки в 1920-е гг. ещё во многом соответствовал традиционным представлениям о роли, функциях и месте женщины в жизненном цикле семьи (рода), несмотря на то, что именно в этот период в обществе были запущены многие механизмы конструирования образа «новой женщины», принесшие свои результаты несколько позднее.

Ключевые слова: гендерные исследования, фамилистика, 1920-е годы, социальное конструирование, советская женщина

На протяжении XX в. у поколений российских женщин существенным образом изменилось отношение к браку, деторождению, религии, образованию, построению карье-

ры и в целом к формированию своих жизненных стратегий. Перемены происходили в основном в русле общемировых модернизационных изменений, от «традиционных» моделей к «модерни-

* **Васеха Мария Владимировна** — кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора этногендерных исследований Института этнологии и антропологии РАН, руководитель проекта «Механизмы процессов трансформации русской крестьянской семьи в 1920-е годы (на материалах юга Западной Сибири)» (15-51-00008а).

E-mail: maria.vasekha@gmail.com

зированной», однако спецификой российского перехода являлось государственное педалирование этого процесса. Новая власть взяла курс на ускорение модернизационных преобразований, ядром которых стала индустриализация российского аграрного общества. В фокус особого внимания со стороны государственной власти попала женщина как одна из главных героинь в ходе осуществления советской экономической, демографической, культурной и политической модернизации общества. Возникло целое направление советской политики, получившее обобщающее название «вопросы женщин», которое включало вовлечение россиянок в общественную и политическую жизнь страны, охрану материнства и младенчества, образование женщин и антирелигиозную работу среди них, борьбу с традиционными формами гендерного поведения и конструирование новых женских паттернов.

Рассматриваемое десятилетие разбивается на две части: время до 1926 г. — обозначено историками как «период экспериментов» (также называемый в советской историографии «восстановительным» периодом); со второй половины десятилетия и до конца 1920-х гг. уже наметился «консервативный» поворот государства к семейным ценностям.

Несмотря на столь непродолжительный в масштабах истории временной отрезок, именно в 1920-е гг. был заложен фундамент модели советского социально-гендерного устройства. Одной из задач послереволюционной России стало преобразование общества на новых социальных началах, предусматривавших и пересмотр существующего гендерного порядка. После революции 1917 г., сменившей власть в стране, Советы начали проводить в жизнь ещё одну революцию — «культурную», которая должна была свершиться в умах советских граждан для создания «нового человека», что подразумевало и «новую женщину».

Политика советского государства в отношении женщин и семьи

В первой половине изучаемого периода идеи ранних советских идеологов по «женскому вопросу» И.Ф. Арманд и А.М. Коллонтай были частично воплощены в жизнь, что нашло отражение в советском семейном законодательстве, согласно которому вводился институт гражданского брака, упрощалась процедура развода и предполагалась определённая правовая защита для женщин. Кодекс законов о труде 1922 г. должен был защитить работающую женщину-мать. Принятый в 1926 г. «Кодекс законов о браке, семье и опеке» признавал только брак, заключённый в органах загса, который закреплял правовые отношения между супругами. Церковный брак более не порождал правовых отношений. В связи с формированием советского семейного законодательства постепенно усиливалась формальная сторона брачно-семейных отношений. Тем не менее, полевые и архивные материалы показали, что в 1920-е гг. для сибирского крестьянства была характерна опора на обычно-правовое регулирование.

Именно в рассматриваемые годы был заложен фундамент нового гендерного контракта советского общества, когда женщина, получив «двойную занятость», должна была выполнять функцию «работающей матери», т.е. нести обязанности матери — хранительницы семейного очага и работницы-общественницы. В 1920-х гг. этот тип «этакратического» [5, с. 236–263] гендерного контракта в Западной Сибири затронул главным образом городских женщин, а не крестьянок, которые до начала коллективизации оставались в рамках своих индивидуальных хозяйств.

Механизмы вовлечения сибирских крестьянок в общественно-политическую деятельность

Молодая советская власть активно разрабатывала механизмы включения женщин в общественно-политическую жизнь:

Ил. 1.

побуждение к вступлению в комсомол, привлечение к работе женотделов и волонтерской деятельности, участие в делегатских съездах и т.д. Местные органы власти Западной Сибири также пытались активизировать процесс вовлечения женщин в кооперирование (ил. 1). В качестве первоочередных задач они рассматривали мероприятия по поднятию активности крестьянок, их вхождению в состав сельских правлений и ревизионных комиссий. С этой целью организовывались женские собрания, выявлялись и привлекались к постоянной работе наиболее активные крестьянки, которые впоследствии работали на выборных должностях.

Сибирские крестьянки в 1920-е гг. втягивались в общественно-политическую

жизнь неактивно, это касалось и женской кооперации. Несмотря на «неуклонный рост» числа женщин в органах управления, в отчётах о работе сельхозкооперации процент участия женщин оставался мизерным: например, в 1927 г. их участие в потребкооперации колебалось от 1 до 3,7% [4, с. 104]. Большой проблемой в Сибирском крае была «текучесть» женских кадров, вызванная «переброской» опытных специалистов из женотделов «на более серьёзные» направления деятельности. Привлечение в комсомол также не имело особых успехов, во-первых, из-за нежелания самих девушек, а во-вторых, из-за позиции комсомольцев, сомневавшихся в профпригодности женщин. Даже мужчины-партийцы не понимали важности «женского направления» и красноречиво называли женотделы «крайбабами» и «бабками».

Вовлечение сибирячек в общественно-политическую жизнь в Западной Сибири наталкивалось на трудности с финансированием, подготовкой профессиональных кадров, неграмотностью населения и общим сопротивлением сибирского крестьянства советским преобразованиям.

Международный женский коммунистический праздник 8 Марта как один из инструментов создания образа новой советской женщины

Впервые праздник 8 Марта был официально введён в советский календарь в 1923 г. В рассматриваемые годы праздник распространялся в основном на принимавших участие в общественной жизни женщин и подкреплял, таким образом, внедряемый образ женщины-управленца. Праздник был призван привлечь внимание к «женскому вопросу» и мероприятиям по его решению. Как показало вре-

мя, «8 Марта» переживало постоянные трансформации на протяжении XX в. в плане как идей, вкладываемых государством в этот праздник, так и форм его проведения. В наши дни он стал одним из немногих «новых» праздников, внедрённых советской властью и сохранивших народное признание.

Конструирование новых женских поведенческих паттернов на страницах женской всесоюзной и сибирской прессы

Создаваемые женские образы на страницах популярных изданий — также один из инструментов работы советских идеологов с глубинными пластами сознания населения на уровне формирования новых ценностных установок, поведенче-

ских и жизненных стратегий и ориентиров. В качестве инструментария здесь привлекались художественные средства воздействия на массовое сознание сибирячек: литературные произведения, рассказы, «зарисовки из жизни», сценарии для сельских театров, публикуемые как в федеральных СМИ, так и в местном журнале «Красная сибирячка», адаптированном к сибирской аудитории (ил. 2).

«Новые» девушки и женщины в этих произведениях ориентировались на знания, а не на религию и обычаи, проявляли самостоятельность в принятии решений, в том числе о вступлении/невступлении в брак, были «идеологически грамотны». В 1920-е гг. женские журналы предлагали следующие модели поведения: учиться, «вырываться» из «тёмного» мира «отцов и дедов», уходить в город для продолжения учёбы и работы, чаще — по «женской линии».

Художественные произведения обосновывали право детей на бунт против отцов и матерей — представителей «старого» мира; однако полевые материалы автора свидетельствуют о сохранявшемся подчинении младшего поколения сибиряков старшему в 1920-е гг. Ещё одним важным изменением, над которым работали советские идеологи, была смена ориентиров девушки при выборе брачного партнёра. В качестве будущего супруга им рекомендовали комсомольцев и бедняков в противовес зажиточным «кулакам». Полевые материалы указывают на то, что в исследуемый период предпочитали родниться семьи примерно одного уровня достатка, хотя увеличение в этот период браков «убёгом» (зачастую у неравных в экономическом положении жениха и невесты) свидетельствовало о новых романтических тенденциях в сибирской деревне.

Ил. 2.

Советская пропагандистская машина представляла мир женщин крайне полярным. На одном полюсе рисовался «мир баб», «тёмного прошлого» с предрассудками и тяжёлой «долей». На другом — «новая советская женщина», общественница, активистка, борец и товарищ, руководитель наравне с мужчинами. В рассказах, ориентированных на женскую читательскую аудиторию, «ломались» поведенческие стереотипы женщин в крестьянской патриархальной семье. В периодике тех лет развенчивалось представление о «женской доле» (судьбе, предуготовленном будущем, женском фатализме). Моделировались более эффективные жизненные сценарии: женщинам предлагалось занимать деятельную позицию, принимать нестандартные для тех лет решения для изменения своей нелёгкой судьбы. Важно отметить, что предлагаемые стереотипы поведения не отличались особым разнообразием, по сути, агитируя освобождаться от «гнёта отцов, братьев и мужа»; а все предлагаемые сценарии опять же сводились к мысли о служении, но уже общественным интересам.

Развитие народного образования в деревне и женская грамотность

Одним из главных препятствий в деле вовлечения крестьянок в общественные отношения считалась их неграмотность, в связи с чем была развернута государственная кампания по ликвидации неграмотности, в том числе и среди крестьянок. Ликвидация неграмотности в Сибири 1920-х гг. сталкивалась с рядом трудностей: нехваткой средств и кадров, слабым распространением книг и газет в деревне и т.д. Женщинам, уже вовлечённым в общественную жизнь, например ставшим делегатками и хорошо зарекомендовавшим себя на делегатских собраниях, пред-

Ил. 3.

лагалось получить дальнейшее образование (на профтехнических, кооперативных, сельскохозяйственных, юридических курсах, курсах советского строительства, охраны материнства и младенчества или рабфаках) (ил. 3). Тем не менее, в 1927 г. даже среди делегаток в Томском округе более 30% были «совсем неграмотными», при этом необходимо учитывать, что данные подобной статистики обычно завышались. Ликвидация неграмотности зачастую сводилась к получению «первичной грамотности» — умению расписаться, чтению по слогам. Работу по обучению женщин затрудняли и их загруженность домашними делами, нежелание учиться, консерватизм мужчин, не позволявших жёнам и дочерям ходить на пункты ликвидации безграмотности и собрания.

Несмотря на политику всеобщей ликвидации неграмотности, воспитание

сельских девочек продолжалось в патриархальном духе. В докладах о состоянии школьного дела в Сибири отмечено низкое посещение школы девочками: на 10 мальчиков приходилась 1 девочка [2]. В сознании сибирского крестьянства продолжало жить убеждение о том, что женские рабочие навыки намного важнее, чем грамотность. Полевые материалы свидетельствуют, что именно родители часто выступали против желания дочерей обучаться в школе.

При высокой декларативности проблемы всеобщей ликвидации безграмотности в 1920-е гг. можно констатировать, что в Сибири не удалось добиться заметных результатов в этом вопросе среди как взрослых крестьянок, так и сельских девочек школьного возраста. Причина неудач в образовании женщин была комплексной: от нехватки средств и профессиональных кадров до «патриархальных» установок семьи и нежелания самих женщин учиться, часто связанного с домашней загруженностью. Новыми возможностями пользовались лишь единицы крестьянок, прежде всего молодые девушки, заинтересованные в продолжении дальнейшего обучения, в том числе «по партийной линии». Таким образом, немало пожилых женщин 1910 – начала 1920-х гг. рождения в сибирских сёлах остались неграмотными или малограмотными на всю жизнь.

Политика в области охраны материнства и младенчества

Политика охраны материнства и младенчества («охрматмлад») предполагала создание сети женских и детских консультаций, а также учреждений общественного воспитания. Сюда же относились родильная помощь, профилактика женских болезней, абортная и противозачаточная помощь, юридическая помощь матери и ребёнку, борьба с беспризорностью детей ранних возрастов, организация трудовой помощи матерям-одиночкам, мероприятия по охране материнства и детства.

Советские идеологи 1920-х гг. высказывали мысль о том, что семья не может справиться с задачей воспитания подрастающего поколения, в связи с чем был взят курс на сокращение роли семьи в воспитательном процессе. Следствием явилось создание институций общественного воспитания будущих советских граждан: ясли, детские сады и площадки, школы. В то же время эти мероприятия «охрматмлада» декларировались как «помощь матери» и были призваны облегчить домашнюю нагрузку. Важно отметить, что федеральные власти практически не выделяли средств на проведение мероприятий «охрматмлада» в Западной Сибири, и все тяготы реализации этой политики ложились как на местный бюджет, так и непосредственно на самих крестьян. Ещё одной проблемой продвижения идеи коллективного воспитания стало сопротивление крестьянок, которые в отличие от городских женщин, быстро оценивших удобство яслей и детских садов, нередко сопротивлялись этим новшествам в воспитании.

В 1920-е гг. воспитательная роль школы, особенно в сибирской деревне, была не столь велика, и главным социализирующим институтом оставалась семья. Даже официальная статистика того времени указывала, что социальный институт «охрматмлада», призванный освободить женщину от забот о детях во время рабочего дня, в исследуемое десятилетие не достиг поставленных задач и носил в Сибири в основном декларативный характер.

Введение общественного воспитания, таким образом, должно было сыграть функцию переходного моста между «старым» и «новым» мирами. Идеологи коммунизма понимали, что отмена функции семьи как транслятора социокультурного кода общества нанесёт один из самых главных ударов по «отживающему прошлому».

Новые практики «планирования семьи» предполагали такую составляющую в политике «охрматмлада», как меди-

цинский аборт, легализованный в 1920 г. В изучаемые годы прослеживалась неуклонная тенденция роста их числа как в городах Сибири, так и в сельской местности. Аборты не стали редкостью в деревне, хотя согласно официальной статистике крестьянок, решившихся на эту операцию, было в несколько раз меньше, чем горожанок. Попытка внедрения профессиональных акушерок в частную жизнь крестьянских семей была затруднена не только недостатком материальных средств и квалифицированных кадров, но и нежеланием самого населения пользоваться специализированной помощью. Полевые материалы показали, сколь велика была роль «бабушек», повитух.

Слабость просветительской работы, недоступность средств контрацепции сыграли решающее значение в процессе установления этой операции как практически единственного способа планирования семьи в СССР, даже несмотря на период запрета с 1936 по 1955 г. Легализация аборта, постепенно ставшего одной из распространённых практик, сыграла важную роль в формировании образа жизни и паттернов поведения «новой советской женщины».

Антирелигиозная работа среди сибирячек

Ещё одним препятствием на пути «раскрепощения» была высокая степень религиозности крестьянства, в особенности женского. Нередко именно по религиозным мотивам девушки отказывались вступать в комсомол. В сибирских деревнях комсомолками становились считанные единицы, однако в отчётных документах того времени с сожалением отмечалось, что даже эти комсомолки-коммунистки, как правило, продолжали соблюдать религиозные традиции.

Советские идеологи видели особенность антирелигиозной работы с женщинами в воздействии не на разум, а на их чувства, считая, что у них более развита именно эмоциональная составляющая.

Мероприятия советской власти по ликвидации неграмотности, деятельность женотделов, политика «охрматмлада» также мыслились частью антирелигиозной пропаганды. Предлагалось «отвлекать» женщин от церкви посредством коллективного чтения журналов, посещения комсомольских собраний, вовлечения в общественную жизнь, приобщения к искусству.

С женской аудиторией советские агитаторы широко использовали формы работы, которые заключались в пропаганде художественных сочинений — «былей» и рассказов, порочащих священнослужителей и высмеивающих «тёмную» религиозность. Но попытки научно-просветительской работы оказались неэффективными в крестьянской среде. В антирелигиозной работе с женщинами предлагалось использовать идею христианства о «несправедливом» положении женщины по сравнению с мужчиной. Тезис о том, что «религия веками закабаляла женщину» был одним из главных в антирелигиозных беседах с крестьянками.

Несмотря на активную антирелигиозную работу с населением, официальная статистика показывала неутешительные цифры религиозной устойчивости сибиряков, и даже наблюдался обратный эффект. В 1924 г. в Сибири вместо «ликвидированных» 56 групп верующих вновь подали на регистрацию 120 [3]. Подобный религиозный подъём советские чиновники объясняли общей нестабильностью в обществе, ростом эсхатологических настроений и, возможно, слишком грубо проводившейся антирелигиозной политикой. Более того, именно на женщинах, рождённых в начале XX в., — тех самых «церковных бабушках», которые не боялись осуждения на работе, — держались те немногие не закрытые в советский период приходы 1950–1980-х гг. Именно в 1920-е гг. был заложен механизм своеобразного советского двойственного поведения, когда в общественных местах человек

представлялся атеистом, но в то же время внутри семьи сохранял религиозность, отмечал церковные праздники.

Конструирование «красной обрядности» в рамках политики строительства «нового быта»

Создание культурных символов «нового быта» должно было помочь адаптации населения страны к меняющимся временам. Культуртрегерские усилия государства по освобождению от религиозного содержания праздников семейного цикла и наполнение старых форм социалистическим содержанием стали важной составляющей этой работы. Советская обрядность («октябрины», «красные избушки», гражданские свадьбы и похороны и т.д.) постепенно должна была стать частью нового быта, элементы которого разрабатывались в многотиражных массовых методических пособиях, рассчитанных как на агентов советских преобразований, так и на обывателей. Внедрение новых праздников, советской обрядности и ритуалов стало одним из инструментов формирования нового советского человека, в том числе «новой советской женщины».

Выбор брачного партнёра и массовые встречи молодёжи: «красные избушки» вместо «вечёрки»

Одним из механизмов внедрения нового содержания на деревенских игрищах и вечёрках — традиционных местах встречи молодёжи — стали «красные избушки». Это делалось с целью изменения гендерных стереотипов поведения, системы знакомств, стандартов ухаживаний в среде сельских юношей и девушек брачного возраста, а также ценностных жизненных установок молодёжи в целом. Предлагалось устранить отношение к девушкам «на выданье» как к «товару» и установить партнёрский дух отношений (отказ от «поцелуйных» игр и пр.). Именно молодых девушек советские идеологи видели основными агентами

изменений в молодёжной среде. Кроме того, методисты предполагали «разбавить» матримониальные установки крестьянских девушек большей вовлечённостью их в общественную жизнь (ликбез, политинформация, агрокружок и т.д.) и одновременно в рабочий процесс (посиделки как мероприятие по повышению квалификации мастерства прядения, обучение кройке и шитью и др.). Особый акцент делался на «разумности» и «пользе» содержания сельского молодёжного досуга.

Однако полевые материалы, обследования сибирских селений показали, что в 1920-е гг. традиционный молодёжный досуг в виде игрищ и вечёрок, а также обычаи выбора брачных партнёров оставались приоритетными. Последние не теряли своей популярности, в том числе и в среде молодых деревенских комсомольцев.

«Красная» брачная обрядность

Формы заключения брака, бытовавшие в исследуемый период («добром», «убёгом» и «кражей»), свидетельствовали о всё ещё невысоком уровне вовлечённости сибирячек в решение вопроса о собственной судьбе. Мнением девушки не интересовались ни при выдаче замуж «добром», когда инициатива исходила от родителей, ни при «краже» со стороны родственников жениха. При всех описанных формах заключения брака девушка должна была принять свою «долю» как должное. Лишь при форме брака «убёгом» девушка могла рассчитывать на возможность реализации своих душевных влечений, что стало отражением «революции чувств» в сибирской глубинке.

Публицистика и пресса 1920-х гг. описывали старую свадебную обрядность как «позорящую» честь и достоинство женщины. В основу критики были положены вызывавшие у молодёжи негативное отношение отдельные свадебные обряды сибирской деревни (постельный

обряд, денежный взнос за невесту и пр.). Проводники новой жизни спекулировали на желании молодёжи проявлять самостоятельность. Советская власть при создании «новой обрядности» исходила из понимания, что сложная, многоэтапная свадебная обрядность требовалась крестьянам для легализации брачного союза в глазах семей брачующихся и сельской общественности. Идеологи также видели необходимость существования свадебных обрядов, однако считали возможным сохранить их формы при условии замены содержания на «социалистическое». Даже «красные методисты» признавали, что браки, заключённые по старому обычаю, оказывались более прочными по сравнению с безобрядовыми, зарегистрированными в госорганах.

Авторы методических пособий очень ответственно подходили к разработке новых свадебных сценариев и даже привлекали в качестве консультантов отечественных этнографов. Методисты стремились противопоставить богатой обрядами и песенно-танцевальным фольклором сельской свадьбе новую «красную», не менее эффектную. Однако в «новую» свадьбу вкладывали иные смыслы: невеста должна была занимать активную позицию при решении вопроса о браке, настаивать на равных партнёрских отношениях с мужем и т.д. Упор делался на чувственные основы брака, а хозяйственные соображения представлялись неким пережитком старого. Разработчики подчёркивали необходимость постепенного, ненасильственного внедрения новых свадебных традиций путём ввода новых обрядов, песен, игр. Совершенно очевидно, что методисты, выполняя заказ власти и разрабатывая новые сценарии для «крестьянской массы», совершенно не учитывали этнокультурное разнообразие русского народа. Навязывание единого, общего для всей страны свадебного сценария в 1920-е гг. было обречено в Сибири на неудачу, особенно если

учесть в целом хорошую сохранность свадебных обычаев в сёлах и отдельных культурных группах.

«Октябрины» против крестин

Один из базовых обрядов семейного цикла — крестины младенца — по задумке советских пропагандистов в 1920-е гг. должен был превратиться в советские «октябрины». Как и большинство праздников, где «старая начинка» заменялась «новым содержанием», октябрины по своей форме сохраняли основные моменты крестильного обряда: «красные воспитанники» вместо крёстных родителей, «культурное шефство» вместо духовного воспитания и пр. Таким образом, наличие в «новой» структуре таких важных составляющих «старого» обряда, как передача ребёнка для «духовного воспитания», наличие «восприемников» и т.д., было сознательно закреплено в новых советских сценариях. Однако теперь роли Бога и духовных восприемников брали на себя советское государство, комсомол, пионерия и даже предприятия по отношению к детям своих сотрудников.

Наиболее восприимчивыми к такому типу агитации в сибирских сёлах стали незамужние девушки и молодые женщины, а также солдатки и вдовы. Можно однозначно констатировать, что полевым материалом не даёт никаких свидетельств о проявлениях «новой красной обрядности» в сибирских сёлах в 1920-е гг. Поэтому наши представления о «красных праздниках» основываются только на сообщениях корреспондентов в прессе этих лет, что говорит о высокой степени декларативности этого явления.

Как показали этнографические и статистические данные, обряд «октябрин» не прижился в советском семейном календаре. В изучаемое десятилетие, при жизни старших поколений, когда ещё не были репрессированы отцы семейств, сельские жители крестили детей в соответствии с вековыми традициями.

В те годы обычаи, предшествовавшие браку, в одних этнографических группах продолжали оставаться патриархальными (старобрядцы, многие сибирские старожилы), в других (южнорусские переселенцы, украинцы, белорусы) — включали новации. «Новая обрядность» 1920-х гг. прижилась в основном в партийно-комсомольской среде (а также среди части батраков и сельских маргиналов), большинство же селян к этим новациям отнеслось осторожно. Даже к 1934–1936 гг. на территории РСФСР большинство новорождённых по-прежнему продолжали крестить, примерно 40% молодых венчались и около 90% умерших отпевали по старинке [6, с. 10].

Столь глубокое проникновение государства в интимные сферы жизни своих граждан, целенаправленное форми-

рование «новых» ценностей, жизненных установок и стратегий населения позволяют говорить, пожалуй, о первом в мировой практике социальном эксперименте гендерного конструирования. На наш взгляд, именно женщины, их духовно-нравственный мир, здоровье, жизненные ориентиры подверглись наиболее сильным трансформациям в условиях жёсткой государственной индоктринации. Тем не менее в 1920-е гг. образ русской сибирской крестьянки еще во многом соответствовал традиционным представлениям о роли, функциях и месте женщины в жизненном цикле семьи (рода), несмотря на то, что именно в этот период в обществе были запущены многие механизмы по конструированию образа «новой женщины», принесшие свои результаты несколько позднее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васеха М.В. Русская крестьянка в семье и общественной жизни 1920-х гг. (по материалам юга Западной Сибири): Дисс. ... канд. ист. наук / Институт истории и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М., 2015.
2. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 47. Оп. 1. Д. 27. Л. 75–79.
3. ГАО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 25. Л. 35 об.; Там же. Ф. 20. Оп. 2. Д. 134. Л. 88.
4. Ефимов Г. Итоги перевыборной кампании в сельской кооперации в Сибири // Жизнь Сибири. 1927. № 2.
5. Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. Советский этатократический гендерный порядок // Социальная история — 2002. Гендерный выпуск / Отв. ред. Н.Л. Пушкарёва. М.: РОССПЭН, 2002.
6. Киселёва Т.Г. Женщина и семья в послеоктябрьский период: Опыт исторического анализа. М.: МГУК, 1995.

ENGLISH

“New Soviet Woman”: the construction of the image in the 1920s (based on the materials of the southern part of Western Siberia)

Vasekha Maria Vladimirovna is PhD (equivalent to Candidate of Sciences) in History, research fellow of the ethnic and gender studies sector of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, head of the project “Mechanisms of Transformation of the Russian Peasant Family in the 1920s (Based on the materials of the southern part of Western Siberia)” (15-51-00008a).

E-mail: pisarkoval@list.ru

The article summarizes the research findings about the construction and implementation mechanisms of the image of the “New Soviet Woman” in the everyday life of peasants

in the southern part of Western Siberia in the 1920s. The issue is reviewed in complex: from the legal point of view, in terms of axiology (new patterns of behavior), in the socio-political field, from the outlook of illiteracy irradiation and protection of mothers and children, in the framework of the antireligious campaign and the introduction of new Soviet values through the “red” customs and rituals.

The construction of the image of “New Soviet Woman” was in line with a “new lifestyle” policy. The Soviet masterminds worked in several directions, and the key focus was on women. The planned “revolution in the minds” of women, particularly among “most backward” peasants, became a “milestone”, after which one could talk about the beginning of cultural change in the code of the entire Russian society.

The sources include the publications of masterminds about the “women’s issue”, archival materials, periodicals, as well as interviews with contemporaries – men and women, whose youth coincided with the period of the 1920s. The paper concludes that the image of the Russian Siberian peasant in the 1920s still largely corresponds to the traditional understanding of the role, functions and place of women in the family lifecycle of the family, despite that during this period the society launched many mechanisms for the construction of the “new woman” image that brought results later.

Keywords: gender studies, family studies, 1920s, social construction, the Soviet woman

REFERENCES

1. Vasekha M.V. Russkaya krest'yanka v sem'e i obshchestvennoj zhizni 1920-kh gg. (po materialam yuga Zapadnoj Sibiri): Diss. ... kand. ist. nauk / Institut istorii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya RAN. M., 2015 (in Russian).
2. Gosudarstvennyj arkhiv Novosibirskoj oblasti (GANO). F. 47. Op. 1. D. 27. L. 75–79 (in Russian).
3. GANO. F. 19. Op. 1. D. 25. L. 35 ob.; Tam zhe. F. 20. Op. 2. D. 134. L. 88 (in Russian).
4. Efimov G. Itogi perevybornoj kampanii v sel'skoj kooperatsii v Sibiri // Zhizn' Sibiri. 1927. № 2 (in Russian).
5. Zdravomyslova E.A., Tyomkina A.A. Sovetskij etakraticeskij gendernyj poryadok // Sotsial'naya istoriya – 2002. Gendernyj vypusk / Otv. red. N.L. Pushkaryova. M.: ROSSPEN, 2002 (in Russian).
6. Kiselyova T.G. Zhenshchina i sem'ya v posleoktyabr'skij period: Opyt istoricheskogo analiza. M.: MGUK, 1995 (in Russian).

ЭКОНОМИКА

УДК 304.2: 338.622
ГРНТИ 06.71.63

**И.М. ПОТРАВНЫЙ,
В.В. ГАССИЙ***

Методология проектного управления ликвидацией накопленного экологического ущерба

В статье на основе проектного подхода анализируются экономические механизмы управления ликвидацией накопленного экологического ущерба (НЭУ), базирующиеся на принципах землепользования, «зелёной» экономики и проектном подходе. Обоснованы и раскрыты базовые принципы развития экономических механизмов управления ликвидацией объектов НЭУ: в части определения ликвидации НЭУ в макро- (расширенной) и микроэкономической (суженной) трактовках. Обосновывается методология управления проектами ликвидации накопленного экологического ущерба, включая выбор объекта экологического ущерба, инвентаризацию нарушенных и загрязнённых земель в результате прошлой экономической деятельности и накопления отходов, ведение Реестра объектов НЭУ, типологию проектов по ликвидации НЭУ, инструментарий по оценке затрат на реализацию проектов, меры по их экономическому регулированию, в том числе по отбору приоритетных проектов за счёт бюджетного финансирования и привлечения внебюджетных средств (государственно-частное партнёрство и др.).

Ключевые слова: накопленный экологический ущерб, методология, проектный подход, принципы управления, экономический механизм, природопользование

Проблема ликвидации накопленного экологического ущерба относится к числу приоритетных как с научной, так и с практической точек зрения [1, 2]. В результате хозяй-

ственной деятельности на территории России в предыдущие годы образовались так называемые горячие экологические точки, которые оказывают неблагоприятное воздействие на окружающую

* **Потравный Иван Михайлович** — доктор экономических наук, профессор кафедры управления проектами и программами Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, руководитель проекта «Методология и формирование экономического механизма по ликвидации накопленного экологического ущерба в Российской Федерации» (15-02-00141а).
E-mail: ecoaudit@bk.ru

Гассий Виолетта Валерьевна — доктор экономических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Кубанского государственного университета, исполнитель того же проекта.
E-mail: vgassiy@mail.ru

среду и здоровье населения. По данным инвентаризации объектов прошлой хозяйственной деятельности, проведённой Минприроды России в 2013 г., в настоящее время выявлены 340 объектов НЭУ, которые занимают площадь в 77,6 тыс. га и подвергают негативному влиянию 17 млн человек.

Проведение фундаментальных научных исследований и практических работ по проблеме ликвидации последствий НЭУ можно выделить как общемировую тенденцию, которая связана как с экологической реконструкцией загрязнённых территорий в прошлом (например, реабилитация нарушенных территорий в Рурском бассейне и ряде других промышленных районов), так и с проблемой истощения и истощения природных ресурсов, переработки накопленных отходов. В качестве примера таких работ можно привести оздоровление окружающей среды в районе Великих озёр в США, где была разработана и реализована программа по очистке данной территории от загрязнения. В Азербайджане указанные проблемы связаны с реализацией мер по ликвидации экологического ущерба от нефтедобычи на шельфе Каспийского моря.

Интенсивное хозяйственное развитие в предшествующий период сопровождалось значительным воздействием на окружающую среду. Экстенсивная добыча природных ресурсов в предыдущие годы без принятия соответствующих природоохранных мер привела к накоплению значительных объёмов загрязняющих веществ [3]. При этом ущерб проявляется через истощение природных ресурсов, образование отходов и сопровождается загрязнением окружающей среды, выбросами парниковых газов.

Анализ теории и практики управления ликвидацией экологического ущерба позволил выявить ряд проблем, которые надо учитывать при формировании экономических механизмов их ликвидации:

- ◆ причинитель НЭУ может быть недоступен для правовой ответственности, поскольку прекратил хозяйственную деятельность;
- ◆ собственник объектов НЭУ не имеет экономической возможности для его ликвидации;
- ◆ проблему очистки накопленных загрязнений вынуждено решать государство или новый владелец объекта НЭУ.

Исследование экономических проблем управления ликвидацией НЭУ показало, что они в значительной мере связаны с отсутствием единого методологического подхода к решению этой проблемы. Основным недостатком методов оценки экологического ущерба и регулирования в этой сфере является отсутствие чёткого целеполагания и приоритетов в построении системы управления. В данной статье обосновывается методология проектного управления для реализации мер по ликвидации НЭУ.

На основе системного анализа определён объект исследования настоящей работы – земельные участки всех видов и функционального назначения, занятые отходами производства и потребления, загрязнённые вредными веществами либо нарушенные вследствие добычи полезных ископаемых, не используемые по этой причине в настоящее время и представляющие угрозу окружающей среде, жизни и деятельности населения. На фото 1 показан объект НЭУ – участок, загрязнённый накопленными отходами (металлоломом), на территории традиционного природопользования «Чекуровка» в Арктической зоне Российской Федерации, Булунский улус (район) Республики Саха (Якутия). Данный объект негативно воздействует на ценные природные территории, на условия традиционного природопользования (оленоводство, охота) коренных малочисленных народов Севера.

Безусловно, объекты НЭУ оказывают влияние на экономику, темпы экономического роста, поскольку требуют значительных затрат на ликвидацию загрязне-

Фото 1. Брошенная техника, металл. Бывший аэродром возле Чекуровки. Булунской улус Республики Саха (Якутия). Август 2016 г.

ний и их последствий для природы и общества. С другой стороны, эти затраты являются вполне оправданными и вынужденными, так как связаны с необходимостью обеспечения благоприятного качества окружающей среды и комфортных условий жизни населения.

Основным недостатком методов оценки НЭУ и регулирования в этой сфере является отсутствие чёткого целеполагания и приоритетов в построении системы управления. Следовательно, первоочередной задачей является создание принципиальной основы для формирования экономических механизмов управления ликвидацией НЭУ. По нашему мнению, система экономических механизмов управления ликвидацией НЭУ должна базироваться на трёх группах принципов: земельных, «зелёных» и проектных [4].

Земельные принципы, изложенные в Земельном Кодексе РФ, определяют приоритет земли как основы жизни и деятельности человека. «Зелёные» принципы являются основой нового типа экономи-

ки, ориентированной на экологически устойчивое развитие. К числу «зелёных» принципов, которые рекомендуется принять для обоснования задач управления ликвидацией НЭУ, относятся принцип полной переработки отходов, а также принцип постепенности и точности изменений. **Проектные принципы** соответствуют сущности проблемы и способствуют повышению эффективности системы управления НЭУ за счёт формирования чётких целей проекта: ликвидация объекта НЭУ с учётом ограничений по срокам, бюджету и другим ресурсам. При этом обеспечивается дифференцированный подход к обоснованию типов проектов ликвидации НЭУ и соответствующих им экономических механизмов; разделение полномочий и ответственности за результаты проекта, открытость в принятии решений и применение наилучших практик управления проектами [5].

Проведённый анализ выявил ряд экономических и сопряжённых с ними нормативно-правовых проблем управления

ликвидацией НЭУ. Основные из них: а) разнородность и многообразие объектов НЭУ, разбросанность по территории страны, недостаточность финансирования и отсутствие эффективных экономических механизмов управления ликвидацией объектов НЭУ; б) НЭУ не определён как объект в теоретическом, методологическом и практическом аспектах; в) многообразие методов и видов экономической оценки и отсутствие единого методического подхода к оценке НЭУ.

Отсутствие в теории и методологии управления природопользованием единых подходов к определению понятия «накопленный экологический ущерб» и «ликвидация НЭУ» потребовало с учётом сформулированных принципов дополнить понятийный аппарат экономики природопользования. К примеру, в документах Минприроды России используются такие понятия, как «накопленный вред окружающей среде, накопленный экологический ущерб», «прошлый (накопленный) экологический ущерб» и др. По мнению компании «ЛУКОЙЛ», экологический ущерб от прошлой хозяйственной деятельности связан с её функционированием в доприватизационный период на определённых объектах, ныне входящих в её состав [5]. Такой подход нашёл отражение в Программе экологической безопасности организаций группы «ЛУКОЙЛ» на 2014–2018 гг.

Проблема ликвидации последствий загрязнения и нарушения окружающей среды в результате прошлой экономической и другой деятельности, решение проблемы «экологического долга» подразумевает активную позицию государства и учёт межпоколенческих (темпоральных) аспектов оценки экологических издержек (темпоральные экологические экстерналии) [6, 7]. Современный этап развития ряда регионов страны, прежде всего территории Восточного Донбасса, Кузбасса и др., характеризуется проявлением межпоколенческих экологических «внешних эффектов» (экстерналий).

На основе базовых принципов управления проектами ликвидации НЭУ предлагается выделить два подхода к оценке ликвидации НЭУ: на микро- и макроэкономическом уровне.

Ликвидация НЭУ (в «макроэкономической» трактовке) – комплекс мероприятий по устранению негативных изменений окружающей среды, вызванных загрязнением, утратой или истощением в результате осуществления прошлой хозяйственной деятельности её природных компонентов, а также по компенсации ущерба здоровью населения и упущенной выгоды собственникам имущества. Анализ методов оценки ликвидации НЭУ, учитывающих компенсации, позволил сформулировать подход к макроэкономической оценке: покомпонентная оценка ущерба для каждого элемента природной среды, населения, собственников имущества, рассчитанная для каждого вида загрязнения. В этом случае на макроэкономическом уровне компенсация будет адресной.

В «микроэкономической» трактовке ликвидация НЭУ – это комплекс работ по реализации проекта очистки от загрязнений с переработкой отходов, рекультивации или консервации земельного участка. Такая оценка ликвидации НЭУ может включать не только текущие (фактические) расходы, но и грядущие, связанные, например, с последствиями влияния накопленных загрязнений в будущем при условии отсутствия мер по ликвидации объектов НЭУ. На микроэкономическом уровне это затраты, необходимые на подготовку и реализацию инвестиционных проектов ликвидации объектов НЭУ, определяемые стоимостью комплекса работ, необходимых для их исполнения [8]. Это позволит более точно определить экономическую оценку ликвидации НЭУ, бюджет проекта, обосновать экономические механизмы их реализации и источники финансирования (рис.).

Существенным отличием макроэкономической оценки является учёт упущен-

Рис. Методические подходы к оценке ликвидации НЭУ на макро- и микроуровне

ной выгоды собственников имущества, в частности, снижение стоимости недвижимости, компенсация затрат на дополнительные мероприятия по защите зданий, конструкций от агрессивной среды, а также компенсации за утраченные компоненты природной среды и здоровье населения.

Для обоснования экономических моделей оценки затрат на реализацию проектов ликвидации НЭУ предложена типизация таких проектов, включающая проекты:

1-й тип — полная ликвидация объекта НЭУ с переработкой отходов;

2-й тип — рекультивация объекта НЭУ;

3-й тип — консервация объекта НЭУ.

В данном случае методы оценки проектов базируются на затратном подходе и определяют стоимость удаления загрязнённого слоя, рекультивации земельного участка и переработки отходов.

Основным требованием к экономическим механизмам в проектно-

к управлению ликвидацией НЭУ является обеспечение разделения стоимости работ по проекту, которые целесообразно выполнять за счёт бюджетных и частных источников финансирования.

На фото 2 на примере накопленных отходов, шламохранилища горнодобывающего предприятия «Эрдэнэт» в Монголии показан объект НЭУ, где возможна реализация 1-го и 2-го типа проектов, т.е. ликвидация отходов с их переработкой и рекультивация объекта НЭУ.

В ходе исследования выявлены характеристики проектов ликвидации НЭУ для обоснования приоритетов с целью первоочередного бюджетного финансирования [9].

Выполненный анализ экономических механизмов управления применительно к типам проектов ликвидации НЭУ показал, что среди них можно выделить как традиционные инструменты регулирования природопользования (оценка и компенсация экологического ущерба, эколо-

гические налоги, платежи и экологические сборы, экологический аудит и др.) [9], так и механизмы природоохранной деятельности на основе государственно-частного партнерства, предоставления субсидий из федерального бюджета, механизма субсидирования процентных ставок по кредитам, привлекаемым для внедрения «зелёных» технологий, создание ликвидационных фондов и др. [11–14].

В рамках мер по инвентаризации, паспортизации и ведению реестра объектов НЭУ предлагается в паспорте и реестре объектов НЭУ отражать основные проектные решения и показатели по его ликвидации: стоимость работ по проекту, экономическую эффективность, источники и объёмы финансирования, показатели экологического и социального эффекта [15]. Предложено отражать сведения о загрязнённых и нарушенных земельных участках в государственном кадастровом учёте как объектах НЭУ и заносить в Государственный кадастр недвижимости.

Таким образом, развитие и применение методологии проектного управления для решения проблемы НЭУ, оценки и отражения экологических издержек про-

Фото 2. Яки возле отвалов забалансовой руды на ГОК «Эрдэнэт», Монголия, 2013 г.

шлой экономической деятельности требует совершенствования подготовки специалистов эколого-экономического профиля в контексте «зелёной» экономики [16–19].

ЛИТЕРАТУРА

1. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года от 30 апреля 2012 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW&n=129117&req=doc>. Дата обращения: 05.04.2017.
2. Доклад «Об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений». М.: Государственный Совет Российской Федерации, 2016.
3. Шевчук А.В. Кочемасов Ю.В., Ткаченко Н.Ф. Методика оценки инвестиций для ликвидации накопленного экологического ущерба. М.: СОПС, 2014.
4. Potravnyy I., Gassiy V., Gengut I. Liquidation of Accumulated environmental Damage objects based on the Project approach // Recent trend in Science and Technology management. № 1. V. 1. Pp. 55–66. [The collection includes the 7th International Conference. Held by SCIEUERO in London 23–29 January 2017].
5. Программа экологической безопасности организаций группы «ЛУКОЙЛ» на 2014–2018 годы. <http://www.komi-forum.ru/4/> [электронный ресурс]. Дата обращения: 08.04.2017.
6. Пономарёва М.А. Темпорально-территориальные аспекты формирования организационно-экономического механизма управления устойчивым развитием региона // Управленец. 2011. № 7–8. С. 23–24.

7. Потравный И.М., Генгут И.Б. Правовое регулирование экологических издержек, связанных с прошлой хозяйственной деятельностью // Управленческие науки в современном мире: Сборник докладов научной конференции. Т. II. СПб: Реальная экономика, 2015. С. 107–111.
8. Генгут И.Б. К вопросу о развитии понятийного аппарата экономики природопользования в контексте накопленного экологического ущерба // Горизонты экономики. 2015. № 1 (20). С. 31–34.
9. Генгут И.Б. О критериях отбора инвестиционных проектов по ликвидации накопленного экологического ущерба // Экономика природопользования. 2015. № 2. С. 12–24.
10. Потравный И.М., Мотосова Е.А. Экономические механизмы реализации экологической политики в сфере недропользования // Горный журнал. 2014. № 12 (2209). С. 27–30.
11. Вега А.Ю. Применение механизма государственно-частного партнерства для управления общественно значимыми проектами // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2013. № 6. С. 113–119.
12. Потравный И.М., Колотырин К.П., Генгут И.Б. Развитие государственно-частного партнерства в сфере обезвреживания твердых коммунальных отходов, накопленных в результате прошлой хозяйственной деятельности // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2016. № 5 (89). С. 91–98.
13. Гассий В.В., Генгут И.Б. Механизм предоставления субсидий из федерального бюджета при реализации экологически значимых проектов // Экономика природопользования. 2015. № 1. С. 48–58.
14. Потравный И.М., Генгут И.Б., Даваахуу Нямдорж. Механизм создания и использования ликвидационных фондов при закрытии горнодобывающих предприятий // Недропользование. XXI век. 2016. № 1. С. 118–128.
15. Экономическая эффективность ликвидации накопленного экологического ущерба и восстановления деградированных земель // Пестриков В.С., Шубич М.П., Носов С.И. [и др.] / Под ред. С.И. Носова. М.: Оригинал-макет, 2016.
16. Новосёлов А.Л., Новосёлова И.Ю., Потравный И.М., Мелехин Е.С. Экономика и управление природопользованием. Ресурсосбережение. М.: Юрайт, 2016.
17. Потравный И.М., Новоселов А.Л., Алыкина Е.М. Модели истощения природных ресурсов и оценки прошлого ущерба от загрязнения окружающей среды // Научный бюллетень Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2015. № 2 (8). С. 53–78.
18. Яшалова Н.Н., Гриднев А.Е. Эколого-экономические проблемы переработки отходов в рамках концепции «зелёной» экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 43. С. 28–36.
19. Davaahuu N., Alykina E., Gengut I., Potravnyy I. // Management of Environmental Costs in the Project // Baltic Journal of Real Estate Economics and Construction Management. 2015. № 3. Pp. 140–150.

ENGLISH

Project management methodology for the accumulated environmental damage liquidation

Potravny Ivan Mikhailovich is DSc in Economy, professor of Project and Program Management, Plekhanov Russian University of Economics, head of the project “Methodology and Formation of an Economic Mechanism for the Elimination of Accumulated Environmental Damage in the Russian Federation” (15-02-00141a).
E-mail: ecoaudit@bk.ru

Gassiy Violetta Valerievna is DSc in Economy, professor of State and Municipal Governance, Kuban State University, researcher in the same project.
E-mail: vgassiy@mail.ru

The article reviews the economic mechanisms of managing the accumulated environmental damage liquidation, based on the principles of land use, green economy, and a project approach. It justifies and explains the core principles of developing the economic mechanisms of accumulated environmental damage liquidation: in terms of macro (extended) and microeconomic (narrowed) interpretation. It explains the methods of project management focused on the accumulated environmental damage liquidation, including site choice, inventory of disturbed and contaminated lands as a result of previous economic operations and the waste generation, maintenance of the register listing accumulated environmental damage sites, typology of projects on the accumulated environmental damage liquidation, project cost estimate tools, measures of their economic regulation, including for the selection of priority projects at the expense of budgetary and extra budgetary funds (public-private partnership, etc.).

Keywords: accumulated environmental damage, methodology, project approach, management principles, economic mechanism, management of natural resources

REFERENCES

1. Osnovy gosudarstvennoj politiki v oblasti ekologicheskogo razvitiya Rossijskoj Federatsii na period do 2030 goda ot 30 aprelya 2012 g. [Elektronnyj resurs] //URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW&n=129117&req=doc>. Data obrashcheniya: 05.04.2017 (in Russian).
2. Doklad «Ob ekologicheskom razvitiy Rossijskoj Federatsii v interesakh budushchikh pokole-nij». M.: Gosudarstvennyj Sovet Rossijskoj Federatsii, 2016 (in Russian).
3. Shevchuk A.V. Kochemasov Yu.V., Tkachenko N.F. Metodika otsenki investitsij dlya likvidatsii nakoplenogo ekologicheskogo ushcherba. M.: SOPS, 2014 (in Russian).
4. Potravnyy I., Gassiy V., Gengut I. Liquidation of Accumulated environmental Damage objects based on the Project approach // Recent trend in Science and Technology management. № 1. V. 1. Pp. 55–66. [The collection includes the 7th International Conference. Held by SCIEUERO in London 23–29 January 2017].
5. Programma ekologicheskoy bezopasnosti organizatsij gruppy «LUKOIL» na 2014–2018 gody. <http://www.komi-forum.ru/4/> [elektronnyj resurs]. Data obrashcheniya: 08.04.2017 (in Russian).
6. Ponomaryova M.A. Temporal'no-territorial'nye aspekty formirovaniya organizatsionno-eko-nomicheskogo mekhanizma upravleniya ustojchivym razvitiem regiona // Upravlenets. 2011. № 7–8. S. 23–24 (in Russian).
7. Potravnyj I.M., Gengut I.B. Pravovoe regulirovanie ekologicheskikh izderzhek, svyazannykh s proshloy khozyajstvennoj deyatel'nost'yu // Upravlencheskie nauki v sovremennom mire: Sbornik dokladov nauchnoj konferentsii. T. II. SPb: Real'naya ekonomika, 2015. S. 107–111 (in Russian).
8. Gengut I.B. K voprosu o razvitiy ponyatijnogo apparata ekonomiki prirodopol'zovaniya v kontek-ste nakoplenogo ekologicheskogo ushcherba // Gorizonty ekonomiki. 2015. № 1 (20). S. 31–34 (in Russian).
9. Gengut I.B. O kriteriyakh otbora investitsionnykh proektov po likvidatsii nakoplenogo eko-logicheskogo ushcherba // Ekonomika prirodopol'zovaniya. 2015. № 2. S. 12–24 (in Russian).
10. Potravnyj I.M., Motosova E.A. Ekonomicheskie mekhanizmy realizatsii ekologicheskoy poli-tiki v sfere nedropol'zovaniya // Gornyj zhurnal. 2014. № 12 (2209). S. 27–30 (in Russian).
11. Vega A.Yu. Primenenie mekhanizma gosudarstvenno-chastnogo partnyorstva dlya upravleniya obshchestvenno znachimymi proektami // Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova. 2013. № 6. S. 113–119 (in Russian).

12. Potravnyj I.M., Kolotyryn K.P., Gengut I.B. Razvitie gosudarstvenno-chastnogo partnyorstva v sfere obezvrezhivaniya tvyordykh kommunal'nykh otkhodov, nakoplennykh v rezul'tate proshloj khozyajstvennoj deyatelnosti // Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova. 2016. № 5 (89). S. 91–98 (in Russian).
13. Gassij V.V., Gengut I.B. Mekhanizm predostavleniya subsidij iz federal'nogo byudzheta pri realizatsii ekologicheskij znachimykh proektov // Ekonomika prirodopol'zovaniya. 2015. № 1. S. 48–58 (in Russian).
14. Potravnyj I.M., Gengut I.B., Davaakhuu Nyamdorzh. Mekhanizm sozdaniya i ispol'zovaniya likvidatsionnykh fondov pri zakrytii gornodobyvayushchikh predpriyatij // Nedropol'zovanie. XXI vek. 2016. № 1. S. 118–128 (in Russian).
15. Ekonomicheskaya effektivnost' likvidatsii nakoplennogo ekologicheskogo ushcherba i vosstanovleniya degradirovannykh zemel' // Pestrikov V.S., Shubich M.P., Nosov S.I. [i dr.] / Pod red. S.I. Nosova. M.: Original-maket, 2016 (in Russian).
16. Novosyolov A.L., Novosyolova I.Yu., Potravnyj I.M., Melekhin E.S. Ekonomika i upravlenie prirodopol'zovaniem. Resursoberezhenie. M.: Yurajt, 2016 (in Russian).
17. Potravnyj I.M., Novosyolov A.L., Alnykina E.M. Modeli istoshcheniya prirodnykh resursov i otsenki proshlogo ushcherba ot zagryazneniya okruzhayushchej sredy // Nauchnyj byulleten' Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova. 2015. № 2 (8). S. 53–78 (in Russian).
18. Yashalova N.N., Gridnev A.E. Ekologo-ekonomicheskie problemy pererabotki otkhodov v ramkakh kontsepcii «zelyonoj» ekonomiki // Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'. 2013. № 43. S. 28–36 (in Russian).
19. Davaakhuu N., Alnykina E., Gengut I., Potravnyj I. // Management of Environmental Costs in the Project // Baltic Journal of Real Estate Economics and Construction Management. 2015. № 3. Pp. 140–150.

УДК 327
ГРНТИ 23.69

**В.Г. ШУБИН,
А.А. АРХАНГЕЛЬСКАЯ***

ЮАР: трудное время для стратегического партнёра России

В рамках проекта группа сотрудников и аспирантов Института Африки РАН проводит исследование политической, экономической и социальной ситуации в Южной Африке с целью определения возможностей для развития взаимовыгодного сотрудничества в областях, предусмотренных подписанной в марте 2013 г. президентами России и ЮАР Совместной декларации об установлении всеобъемлющего стратегического партнёрства между двумя странами.

Развитие ситуации в ЮАР в 2016–2017 гг. ясно говорит о том, что необходимо предпринять неотложные меры, чтобы не упустить шанс для нового витка развития стратегического партнёрства между двумя странами. Их роль как ведущих игроков на глобальном рынке сырьевых ресурсов неуклонно возрастает.

В своей работе участники проекта опирались, прежде всего, на источники — официальные документы южноафриканских правительственных органов, политических партий и других структур, а также на интервью и беседы с представителями этих органов и партий, деловых кругов, сотрудниками исследовательских центров и университетов, проведённые во время научных командировок в ЮАР в 2016 г.

Ключевые слова: стратегический партнёр, ЮАР, Россия, Африка, кризис, международные отношения, внешняя политика, политическая ситуация

В последние годы в отечественной науке, и африканистике в частности, не проводилось комплексных исследований по изучаемой теме. Отдельные вопросы, относящиеся к проблематике представленной работы, хотя и без акцента на предмете настоящего исследования, нашли отражение в трудах российских учёных.

В их числе И.В. Герасимчук, А.Б. Давидсон, Т.Л. Дейч, Л.А. Демкина, Е.Н. Корендясов, А.В. Притворов, Л.Я. Прокопенко, Л.Н. Рытов, В.Г. Солодовников, В.Н. Теткин, А.Ю. Урнов, В.В. Усачёва, И.И. Филатова, Г.В. Шубин и др. [1].

Развитию ситуации в ЮАР и её внешней политике посвящено большое число зарубежных публикаций. Среди юж-

* **Шубин Владимир Геннадьевич** — доктор исторических наук, почётный доктор Университета Западного Кейпа (ЮАР), главный научный сотрудник Института Африки РАН, руководитель проекта «ЮАР — стратегический партнёр России» (16-07-00038а).

E-mail: vlgs@yandex.ru

Архангельская Александра Александровна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института Африки РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: aarkhangelskaya@gmail.com

ноафриканских исследователей можно выделить С. Зонди, К. Ландсберга, И. Либенберга, Э. Малоку, Дж. Натшитенже, Р. Саттнера, Э. Сидоропулус, а среди западных — П. Бонда, Х. Кемпбелла, А. Лисони, К. Олдена, И. Тейлора [2]. Со всеми из них участники проекта поддерживают научные связи.

Во время полевой работы в ЮАР в рамках проекта и участия в конференциях по приглашению научных организаций этой страны авторы статьи провели многочисленные встречи и интервью с представителями государственных органов, бизнеса и общественности. Среди них — министр высшего и профессионального образования ЮАР Б. Нзиманде, председатель Южноафриканского совета международных отношений А. Пахад, координатор «Группы 101» ветеранов АНК, выдающийся южноафриканский писатель М. Сероте и др.

Ситуация в Южно-Африканской Республике в целом стабильная, хотя она осложняется снижением темпов развития и особенно субъективными факторами,

связанными с ослаблением позиций Африканского национального конгресса (АНК) и лично президента страны, лидера правящей партии Джекоба Зумы. Находясь у власти более 20 лет, АНК имеет твёрдое большинство мест в обеих палатах парламента, выступая в союзе с Конгрессом южноафриканских профсоюзов (КОСАТУ) и Южноафриканской коммунистической партией (ЮАКП), которая самостоятельно в выборах не участвует. Однако на прошедших в августе 2016 г. местных выборах АНК получил лишь 53,9% голосов, потеряв 8% по сравнению с выборами в парламент двумя годами ранее. АНК утратил большинство в городских советах административной столицы страны г. Тсване и экономической столицы — г. Йоханнесбурга (фото 1), а также другого крупного города — Порт-Элизабета.

Контроль над ними перешёл к крупнейшей оппозиционной партии Демократический альянс (ДА), которая ещё ранее завоевала большинство мест в совете парламентской столицы ЮАР Кейптауне. Под руководством своего нового лидера,

Фото 1. г. Йоханнесбург — финансовая столица Африки

африканца Ммуси Маймане, эта партия, ранее считавшаяся «белой», получила на выборах 26,9% голосов. Другая оппозиционная партия – «леворадикальная» «Борцы за экономическую свободу» (ЭФФ) (лидер – ранее исключённый из АНК Джулиус Малема), заняв третье место с 8,2% голосов, заключила сделку с правым Демократическим альянсом [3].

Существенная потеря голосов АНК объясняется не только сложными социально-экономическими проблемами (минимальный рост ВВП, высокий уровень безработицы, бедными официально считается почти половина населения страны), но и фракционной борьбой внутри этой партии, особенно коррупционными скандалами, затрагивающими непосредственно Джекоба Зуму.

Экономическая ситуация

Развитие экономики современной ЮАР тесно связано с последствиями режима апартеида. С одной стороны, существует сложная и высокоразвитая «белая» экономика, с другой – слаборазвитая и теневая «чёрная». В долгосрочной перспективе это угрожает благополучию страны из-за сохраняющегося высокого уровня экономического неравенства и безработицы среди неблагополучных социальных групп.

ЮАР – самая развитая в экономическом отношении страна Африки, её ВВП составляет 15% всей экономики Чёрного континента. Традиционными отраслями для ЮАР по-прежнему остаются горнодобывающая и обрабатывающая промышленности, ставшие в последние десятилетия главным драйвером экономики. Добыча полезных ископаемых, хотя и испытывала трудности в связи с падением цен на сырьё в предыдущие годы, в середине 2016 г. показала лучшие результаты из всех секторов экономики и устойчивый рост (фото 2).

Иная ситуация сложилась в сельском хозяйстве, которое, так же как и эконо-

Фото 2. Кимберлитовая трубка (г. Кимберли)

мика ЮАР, в целом носит двойственный характер. Наряду с модернизированным коммерческим сектором существует неразвитое натуральное хозяйство африканского населения. А снижение субсидирования белых фермеров, способных развивать этот сектор, привело к разорению многих из них и, как следствие, к тому, что ЮАР находится на грани превращения в нетто-импортёра продовольствия.

Если же говорить о главном ограничителе экономического роста в целом, то на данный момент это нехватка электроэнергии. В стране работают 13 крупных тепловых электростанций на угле, гидроэлектростанции, газотурбинные станции и одна атомная станция. Но их мощностей не хватает для обеспечения нужд растущей экономики.

Тем не менее за период после устранения режима апартеида ЮАР достигла впечатляющих социально-экономических успехов. Один из самых важных показателей – транспортная инфраструктура – весьма высока, а по некоторым параметрам даже превосходит европейские страны. Значительный уровень развития и устойчивости показывает и финансовая система, успешно пережившая коллапс на фондовых рынках Запада в 2008 г.

За период правления страной АНК, т.е. с 1994 г., произошли важнейшие позитивные социальные изменения. Среди них прежде всего следует отметить

значительное повышение уровня жизни чёрного населения и уменьшение масштабов нищеты благодаря программе субсидий для примерно 17 млн из 55 млн её жителей. При этом число официально зарегистрированных домов и квартир с минимальными удобствами возросло с 5,7 млн в 1994 г. до 13,4 млн в 2016 г., т.е. более чем в два раза. Доступ к питьевой воде имеют 15 млн человек — т.е. в два с лишним раза больше, чем в 1994 г. (7 млн), а электричеством обеспечено более чем 15 млн жилищ против 5 млн в 1994 г. Число чёрных, имеющих официальную работу, по сравнению с 1994 г. увеличилось с 4,9 млн до 11,6 млн. В два раза удалось снизить инфляцию — с 9% в 1994 до 4,6% — на 2016 г. [4].

Но несмотря на все эти достижения, заложившие основу для определённой экономической стабильности, экономический курс постапартеидной ЮАР при всей своей социальной ориентированности не привёл к уменьшению огромного разрыва между бедными и богатыми, который по-прежнему в значительной мере совпадает с границами расовых групп. С другой стороны, социальный разрыв появился и между богатыми и бедными чёрными.

Изменения во внешней политике

В период правления АНК руководство ЮАР провозглашало во внешней политике такие задачи и принципы, как отстаивание интересов страны на международной арене, расширение торгово-экономических отношений, привлечение в страну иностранных инвестиций, защита интересов государств африканского континента и продвижение их в международных организациях [5]. Однако из-за экономических сложностей и углубляющегося политического кризиса ЮАР уже не хватает ресурсов на то, чтобы претендовать на лидерство в континентальном масштабе, не говоря уже о мировом.

В связи с этим в последнее время наблюдается переориентация страны на ли-

дерство в южноафриканском регионе и ослабление усилий по расширению своего влияния на весь континент.

Ещё одна тенденция внешней политики ЮАР — развитие «морского сотрудничества», в частности, в рамках Ассоциации регионального сотрудничества Индийского океана. Рассматриваются вопросы шельфовой добычи, а также развитие небольших портов, рыбных хозяйств, местного судостроения, добычи нефти и газа на шельфе. Это должно привести к перемене характера экономической ментальности с континентальной на океанский, что, в свою очередь, будет способствовать открытию новых горизонтов в экономике.

В 2009 г. ЮАР вступила в БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай), который после этого стал называться БРИКС, что соответствовало внешнеполитической стратегии страны, направленной на признание важности Африки в целом и ЮАР как её лидера в частности для развития глобальной экономики. Однако в ЮАР считают, что в деятельности БРИКС политической составляющей больше, чем экономической, тогда как страна рассчитывала прежде всего на инвестиции из других государств этого альянса и совместные проекты с ними. Большие надежды в этом отношении связывают с проведением в ЮАР в будущем году X саммита БРИКС.

ЮАР накануне перемен?

В течение 2016 г. и в начале нынешнего года в ЮАР на фоне невыполненных обещаний правительства и слабой динамики экономического развития недовольство среди населения постепенно переросло в политический кризис, во многом спровоцированный коррупционными скандалами, связанными с именем Джекоба Зумы.

Ситуацию обостряет тот факт, что после всеобщих выборов 2019 г. в ЮАР обязательно появится новый лидер, так как по конституции Зума не имеет права бал-

лотироваться на третий срок. Но ещё ранее, в декабре нынешнего года, на конференции АНК должен быть избран её новый президент. В отличие от государственного поста, запрета на ещё один срок для лидера партии нет, но Зума неоднократно заявлял, что не будет выдвигать свою кандидатуру. Такую попытку десять лет назад сделал его предшественник Табо Мбеки, но потерпел неудачу, к тому же Зуме 12 апреля нынешнего года исполнилось 75 лет.

Таким образом, сложно отрицать, что страна находится на пороге перемен: избрание нового лидера правящей партии может привести к переменам в курсе развития страны даже при сохранении Зумы на посту её президента до 2019 г.

Исходя из этого, становится особенно актуальным исследование и понимание расклада сил и обстановки в ЮАР в целом — как в текущей кризисной ситуации, так и с прицелом на будущее, включая внешнеполитические позиции, в частности, партнёрские отношения с Россией, с учётом приоритетов в отношениях с другими государствами Африки, а также со странами Европы и США.

Обострение внутривнутриполитической ситуации в ЮАР

Сложности, связанные с личной репутацией Д. Зумы, возникали и ранее. Ещё в 2005 г. он был снят с поста заместителя президента ЮАР в связи с появившимися обвинениями в коррупции. Но новая волна критики началась после того, как омбудсмен Тули Мадонсела потребовала, чтобы государственные средства, потраченные на возведение нескольких построек в частной усадьбе Зумы, были им компенсированы. Парламент, в котором депутаты от АНК составляют большинство, это требование отверг. Однако в марте 2016 г. Конституционный суд ЮАР по иску одной из оппозиционных партий

решил, что требование Мадонселы обязательно для выполнения, а резолюция парламента, который поддержал президента, напротив, незаконна [6].

Ещё более серьёзной проблемой для Зумы стало постановление Верховного суда провинции Хаутенг, отменившее решение Национальной прокуратуры о закрытии в 2009 г. уголовного дела против президента, в котором содержалось обвинение его в 783 (!) эпизодах «коррупции, мошенничества и вымогательства» [7] (фото 3).

Наконец, к публичному скандалу привели связи Джекоба Зумы и семьи Гупта. Будучи выходцами из Индии, братья Гупта в 1993 г. основали в ЮАР бизнес, построив за 20 лет целую империю, занимающуюся самыми разными видами деятельности. Они установили тесные связи с Джекобом Зумой ещё до того, как он стал президентом; его близкие родственники — четвёртая жена, сын и дочь — занимали высокие посты в компаниях, принадлежавших клану Гупта, который пользовался различными привилегиями и преференциями со стороны государства. Дело дошло до того, что в 2015 г. Зума, неожиданно отправив в отставку министра финансов Нхланхлу Нене, назначил на этот пост новую, но малозначительную фигуру, которая, как полагали, находилась под влиянием Гупта. Последствия такого шага для страны были тяжёлыми: сильное падение курса

Фото 3. Демонстрация против коррупции

Фото 4. Национальная валюта ЮАР ранд, купюра 100 рандов с изображением Н. Манделы

национальной валюты — ранда (фото 4) и удешевление южноафриканских активов почти на 30 млрд долларов [8].

Президент попытался дистанцироваться от семьи Гупта, но его репутации уже был нанесён непоправимый урон, а в южноафриканском политическом лексиконе появился новый термин — «захват государства» (state capture), означающий использование государственного аппарата и государственного имущества в личных целях.

Новый расклад политических сил

Ещё в период подготовки к местным выборам мнения в АНК разделились: одна часть считала, что Зума «потерял лицо» и должен уйти в отставку, другие полагали, что отстранение лидера партии накануне кампании создаст хаос в её рядах и существенно ослабит позиции. Однако после выборов и их неутешительных для АНК итогов многие члены партии, как рядовые, так и видные, возложили ответственность за неудачу именно на президента [9].

Стали раздаваться призывы к досрочному проведению общенациональной конференции АНК, запланированной на декабрь нынешнего года. В частности, большая группа ветеранов АНК поставила вопрос о созыве в ближайшее время консультативной конференции для обсуждения положения в партии. Итогом стала встреча этой группы с руководством партии и согласие на проведение такого меро-

приятия, но в рамках форума по политическим вопросам, который обычно проходит за полгода до «выборной» конференции [10].

Несмотря на то что до выборной конференции остаётся ещё почти полгода, обсуждение новых кандидатов на пост главы АНК, который в случае её победы на парламентских выборах в 2019 г. станет президентом страны, уже началось (фото 5). На за-

седании Исполкома партии как минимум шесть человек заявили о том, что готовы побороться за пост лидера АНК, хотя их имена не предавались огласке.

Однако позднее свои амбиции открыто обозначил Сирил Рамапоса, заместитель Джекоба Зумы как в партии, так и на посту президента. Фигура Рамапосы представляется противоречивой с точки зрения политических взглядов. Будучи генеральным секретарём Национального профсоюза шахтёров, он выступал за социализм, однако позднее достиг больших успехов в бизнесе, а сейчас называет себя «капиталистом с социалистическим инстинктом».

Другой вероятный кандидат на пост главы АНК — бывшая жена президента Зумы доктор Нкосазана Дламини Зума. В течение многих лет она занимала министерские посты в ЮАР, в 2012–2017 гг. была председателем Комиссии Африканского Союза, хотя не всем нравилось её стремление навести порядок в работе его штаб-квартиры. Но ей на пользу играет то обстоятельство, что в Южной Африке широко распространено мнение, что следующим президентом должна стать женщина.

Многие полагают, что в качестве не просто компромиссной, а объединяющей фигуры мог бы выступить Кхалема Мотланте, уже занимавший пост президента ЮАР в «промежуток» между Мбеки и Зумой в 2008–2009 гг., но он — по крайней мере, в данное время — категорически возражает против этого.

Давление на Зуму в последнее время сильно возросло. Ещё в течение прошлого года прямые призывы к президенту «подчиниться воле народа» и подать в отставку исходили от Ахмеда Катрады [11], который провёл в тюрьме более 26 лет вместе с Н. Манделой, других ветеранов АНК, религиозных деятелей [12]. Его стали обвинять не только в коррупции, но и в авторитаризме, причём небесспорно.

Кульминацией событий стали похороны Катрады, скончавшегося 28 марта этого года, на которых присутствовали практически все высшие руководители АНК за исключением Зумы, которому, как сообщалось, семья покойного отказалась предоставить слово. Ситуация накалилась накануне, когда стало известно, что президент без каких-либо объяснений отозвал из зарубежной поездки пользующегося популярностью в стране министра финансов Правина Гордана и его заместителя [13], которые находились в открытом конфликте с кланом Гупта. Поначалу выступавшие на похоронах, критикуя сложившуюся в АНК и в стране в целом ситуацию, не называли имени Зумы, но Кхалема Мотланте в своей надгробной речи прямо процитировал письмо Катрады президенту с призывом подать в отставку [Там же].

Особое недовольство у многих вызвала информация о том, что на неопределённое время отложено проведение официальной церемонии памяти Катрады.

Ответ Зумы, можно сказать, пришёл в ночь с четверга на пятницу, когда он произвёл очередную «перетряску» своего кабинета, уволив при этом и Гордана, и его заместителя, причём без консультации с другими высшими руководителями АНК и страны [14].

В этой обстановке и заместитель Зумы в партии и государстве Сирил Рамапоса, и генеральный секретарь этой партии Гведе Манташе, и её генеральный казначей Звели Мкизе открыто выразили несогласие с такими действиями, а два союзника АНК по «тройственному альянсу» — Южноафриканская компартия и крупнейшее профсоюзное объединение КОСАТУ [15] прямо потребовали его отставки [16].

Однако на заседании Национального рабочего комитета, состоявшемся 4 апреля, основным лейтмотивом был призыв к единству в рядах АНК и альянса, хотя и говорилось, что члены руководства АНК должны «вести диалог с КОСАТУ, ЮАКП и гражданским обществом» по поднятому ими вопросу об отставке президента [17].

Фото 5. (Слева направо) Нкосазана Дламини Зума, Президент ЮАР Джекоб Зума, Сирил Рамапоса

В этой ситуации Джекоб Зума в борьбе со своими оппонентами активно использует лозунг о «радикальной экономической трансформации» [18] и даже начал выступать за изменение конституции, которое позволило бы провести отчуждение земли (у белых фермеров) без компенсации [19], хотя это противоречит нынешней официальной позиции АНК.

ЮАР и Россия: развитие отношений и перспективы

Между Россией и Южной Африкой существовал достаточно высокий уровень политического взаимодействия ещё со времени помощи Советского Союза в борьбе против режима апартеида [20]. В 2006 г. в ходе визита президента России Владимира Путина в ЮАР наступил новый этап: был подписан Договор о дружбе и партнёрстве между Россией и ЮАР, а затем, во время следующего визита в 2013 г. — Совместная декларация об установлении всестороннего стратегического партнёрства.

Налаживанию связей между странами способствовало то, что Россия и ЮАР имеют схожие политические взгляды на многие международные проблемы и возможность вести политический диалог как в двустороннем формате, так и в рамках БРИКС и G20. Позиция АНК по междуна-

родным проблемам нередко вызывает недовольство на Западе. Например, в Дискуссионном документе, подготовленном к заседанию Национального политического совета АНК, в связи с конфликтом на Украине говорилось о «стратегии окружения, которая направлена на изоляцию России» [21].

Однако главной проблемой развития партнёрства является явный дисбаланс между политическими и экономическими отношениями стран. С точки зрения развития торгово-экономического сотрудничества между Россией и ЮАР первые десять лет после прихода к власти правительства АНК можно считать потерянными. Ситуация начала меняться только после визитов в ЮАР В. Путина и вступления в БРИКС, но на данный момент торгово-экономические отношения между странами сложно назвать удовлетворительными.

Товарооборот, достигший почти 1 млрд долларов в 2013 г., за три года снизился более чем на четверть, до 717,7 млн долларов в 2016 г. [21]. Притока российских инвестиций в страну также не наблюдается. В ЮАР постоянно работают всего лишь несколько крупных российских компаний: «Ренова», Внешэкономбанк, Газпромбанк, Росатом. Для последнего перспективы сотрудничества представ-

Фото 6. Атомная электростанция Куберг, единственная в Африке

ляются самыми значительными, учитывая острую нехватку электроэнергии в ЮАР (фото 6). Однако именно планы по развитию атомной энергетики встречают серьёзное сопротивление.

В сентябре 2014 г. между Россией и ЮАР было подписано межправительственное соглашение о стратегическом партнёрстве и сотрудничестве в области атомной энергетики и промышленности. Это немедленно вызвало негативную реакцию в южноафриканских СМИ, многие из которых можно охарактеризовать как прозападные и недружественно настроенные по отношению к нашей стране. Планы сотрудничества в области ядерной энергетики эти СМИ изображали как «коррупционную сделку Росатома» и даже как «сговор Путина и Зумы». К тому же в ЮАР имеется сильная оппозиция самой идее строительства АЭС вместо использования возобновляемых источников энергии. В плане развития энергетики ЮАР необходимость в подключении к сети новых станций намечена на 2037 г. — это означает отсрочку начала строительства на десятилетие. Однако, по мнению руководства компании «Эском», которую правительство назначило «заказчиком, владельцем и оператором» ядерной программы, электричество от АЭС потребуется уже в 2026 г. Таким

образом, вопрос о строительстве АЭС в ЮАР силами Росатома остаётся дискуссионным и открытым.

Что же касается российского бизнеса, то, пользуясь высокой политической активностью отношений между двумя странами, он пытается наверстать упущенное. Однако ему трудно соревноваться как с ЕС, США, так и с Китаем, уже проникшим во все отрасли африканской экономики. Сейчас в ЮАР заметны некоторое разочарование пассивностью российских компаний, а также обеспокоенность проблемами при ведении с ними дел.

Развитие ситуации в ЮАР в 2016–2017 гг. ясно говорит о том, что необходимо предпринять неотложные меры, чтобы не упустить шанс для нового витка развития стратегического партнёрства между двумя странами. Их роль как ведущих игроков на глобальном рынке сырьевых ресурсов неуклонно возрастает. Несомненным остаётся и тот факт, что США и ЕС будут стремиться не допустить углубления взаимодействия между Россией и Африкой, особенно ЮАР, а значит России нужно использовать все дополнительные возможности и ниши для успешной реализации потенциала как в русле двустороннего взаимного со-

Фото 7. В Парламенте ЮАР

трудничества, так и в рамках многостороннего формата.

Хотя дружеские отношения, сложившиеся у президента РФ с южноафриканскими лидерами Табо Мбеки и особенно Джекобом Зумой, во многом способствовали укреплению связей между нашими странами, в нынешней ситуации этот фактор становится малопродуктивным. С другой стороны, недостаточны наши контакты со «вторым эшелонem», с претендентами на посты лидера АНК президента страны после неизбежной смены высшего руководства ЮАР уже в ближайшие год–два.

Принимая во внимание особо важную роль, которую в ЮАР играет парламент, желательно активизировать двусторонние контакты не только на уровне руко-

водителей палат Федерального собрания РФ, но и их комитетов (фото 7).

Одновременно, учитывая нынешнюю тенденцию развития событий в ЮАР, желательно найти формы контактов с крупнейшими оппозиционными партиями, например, через возглавляемые ими муниципалитеты.

Наконец, явно требуется усилить информационные возможности России в ЮАР, где, в частности, более чем назрело создание Российского культурного центра. Другим актуальным и перспективным шагом со стороны России могла бы стать организация пресс-туров в Россию южноафриканских журналистов с целью противодействия прозападной линии в южноафриканских СМИ.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Среди работ этих учёных нужно выделить монографию И.И. Филатовой и А.Б. Давидсона «Россия и Южная Африка: наведение мостов». М., Издательский дом НИУ-ВШЭ, 2012.
2. Критический анализ положения в ЮАР и правящей партии Африканский национальный конгресс содержится в работах Р. Саттнера (Raymond Suttner, «Recovering Democracy in South Africa», Johannesburg, Jacana Media, 2015) и П. Бонда (в соавторстве) (Patrick Bond et al. «Zuma's Own Goal: Losing South Africa's 'War on Poverty'». Trenton: Africa World Press, 2010).
3. <https://mg.co.za/article/2016-08-17-malema-says-the-eff-wont-form-coalitions-but-will-support-da-in-hung-metros> / Mail & Guardian.
4. Life in South Africa: Reason for Hope. SA Institute of Race Relations. Johannesburg, 2016. <http://irr.org.za/reports-and-publications/occasional-reports/files/life-in-south-africa-reasons-for-hope.pdf>.
5. Более подробно см.: Архангельская А.А. Внешняя политика демократической ЮАР. М.: ИАФР РАН, 2012.
6. <http://www.news24.com/SouthAfrica/News/full-text-constitutional-court-rules-on-nkandla-public-protector-2016033>.
7. <http://www.telegraph.co.uk/news/2016/04/29/south-african-court-clears-way-for-jacob-zuma-to-face-783-crimin>.
8. <http://www.fin24.com/BizNews/named-van-rooyens-two-gupta-advisors-who-almost-hijacked-sa-treasury-20160215> / Fin 24.
9. <http://mzansilive.co.za/zuma-scandals-hurt-anc-polls-mantashe/> / Mzansi LIVE.
10. <https://www.pressreader.com/south-africa/business-day/20160830/281595239960660> / Business Day.
11. <http://www.news24.com/SouthAfrica/News/ahmed-kathrada-asks-zuma-to-resign-read-it-in-full-20160402>.
12. <http://ewn.co.za/2016/04/08/Religious-leaders-tell-the-ANC-Zuma-mu-st-go>.
13. Hartley R. The story of the very political funeral of Ahmed Kathrada. www.businesslive.co.za/rdm/politics/2017-03-29-the-story-of-the-very-political-funeral-of-ahmed-kathrada.

14. <http://www.news24.com/MyNews24/cabinet-reshuffle-gordhan-fired-gigaba-hired-20170331>.
15. Следует, однако, отметить, что КОСАТУ сам переживает трудный период. Национальный профсоюз металлистов Южной Африки (НУМСА), насчитывающий почти полмиллиона членов, отказался от поддержки АНК на выборах, после чего последовало его исключение из КОСАТУ, и руководство НУМСА вместе с некоторыми другими отраслевыми профсоюзами создало новую Южноафриканскую федерацию профсоюзов (САФТУ). Впрочем, её организаторы относятся к Зуме ещё более критически.
16. Statement of the SACP Politburo. <http://www.sacp.org.za/main.php?ID=5967> COSATU Special CEC Statement. 3 April 2017. <http://www.cosatu.org.za/show.php?ID=12610>.
17. Statement of the National Working Committee following the meeting held on the 4th April 2017. <http://www.anc.org.za/content/statement-national-working-committee-following-meeting-held-4th-april-2017>.
18. Zuma outlines the meaning of radical economic transformation. <http://ewn.co.za/2017/04/06/watch-zuma-outlines-the-meaning-of-radical-socio-economic-transformation>.
19. Land reform: Zuma moves for expropriation with no compensation. <http://city-press.news24.com/News/land-reform-zuma-moves-for-expropriation-with-no-compensation-20170331>.
20. О поддержке нашей страной борьбы против режима апартеида см.: Шубин В.Г. Горячая «холодная» война. Юг Африки (1960–1990 гг.). М.: Изд-во ЯСК, 2013.
21. ANC international relations: a better Africa in a better and just world <http://www.anc.org.za/docs/discus/2015/relationsz.pdf>.

ENGLISH

South Africa: a difficult time for Russia's strategic partner

Shubin Vladimir Gennadyevich is DSc in History, honored doctor of the University of Western Cape (Republic of South Africa), principal research fellow, Institute for African Studies, RAS, head of the project "South Africa, a Strategic Partner of Russia" (16-07-00038a).

E-mail: vlgs@yandex.ru

Arkhangelskaya Aleksandra Aleksandrovna is PhD (equivalent to Candidate of Sciences) in History, research fellow, Institute for African Studies, RAS, researcher in the same project.

E-mail: aarkhangelskaya@gmail.com

In this project, a group of researchers and postgraduate students from the Institute for African Studies, RAS, carries out a study of the political, economic and social situation in South Africa in order to identify opportunities for mutually beneficial cooperation in the areas envisaged by the Joint Declaration on the Establishment of a Comprehensive Strategic Partnership between the two countries signed in March, 2013 by the presidents of Russia and South Africa.

The development of the situation in South Africa in 2016–2017 clearly indicates that it is necessary to take urgent measures helping not to miss a new round of development of strategic partnership between the two countries. Their role as leading players in the global market of raw materials is firmly increasing.

In their work, the project members primarily relied on the study of sources – official documents of South African government bodies, political parties and other structures, as well as discussions and interviews with the representatives of these bodies and parties, business circles, researchers and universities, conducted during their academic trips to the South Africa in 2016.

Keywords: strategic partner, South Africa, Russia, Africa, crisis, international relations, foreign policy, political situation

REFERENCES

1. Sredi rabot etikh uchyonyh nuzhno vydelit' monografiyu I.I. Filatovoj i A.B. Davidsona «Ros-siya i Yuzhnaya Afrika: navedenie mostov». M., Izdatel'skij dom NIU-VSHE, 2012 (in Russian).
2. Kriticheskij analiz polozeniya v YUAR i pravyyashchej partii Afrikanskij nacional'nyj kongress sodержitsya v rabotakh R. Sattnera (Raymond Suttner, «Recovering Democracy in South Africa», Johannesburg, Jacana Media, 2015) i P. Bonda (v soavtorstve) (Patrick Bond et al. «Zuma's Own Goal: Losing South Africa's 'War on Poverty'». Trenton: Africa World Press, 2010)
3. <https://mg.co.za/article/2016-08-17-malema-says-the-eff-wont-form-coalitions-but-will-support-da-in-hung-metros> / Mail & Guardian.
4. Life in South Africa: Reason for Hope. SA Institute of Race Relations. Johannesburg, 2016. <http://irr.org.za/reports-and-publications/occasional-reports/files/life-in-south-africa-reasons-for-hope.pdf>.
5. Bolee podrobno sm.: Arkhangel'skaya A.A. Vneshnyaya politika demokraticheskoj YUAR. M.: IAFR RAN, 2012 (in Russian).
6. <http://www.news24.com/SouthAfrica/News/full-text-constitutional-court-rules-on-nkandla-public-protector-2016033>.
7. <http://www.telegraph.co.uk/news/2016/04/29/south-african-court-clears-way-for-jacob-zuma-to-face-783-crimin>.
8. <http://www.fin24.com/BizNews/named-van-rooyens-two-gupta-advisors-who-almost-hijacked-sa-treasury-20160215> / Fin 24.
9. <http://mzansilive.co.za/zuma-scandals-hurt-anc-polls-mantashe/> Mzansi LIVE.
10. <https://www.pressreader.com/south-africa/business-day/20160830/281595239960660> / Business Day.
11. <http://www.news24.com/SouthAfrica/News/ahmed-kathrada-asks-zuma-to-resign-read-it-in-full-20160402>.
12. <http://ewn.co.za/2016/04/08/Religious-leaders-tell-the-ANC-Zuma-mu-st-go>.
13. Hartley R. The story of the very political funeral of Ahmed Kathrada. www.businesslive.co.za/rdm/politics/2017-03-29-the-story-of-the-very-political-funeral-of-ahmed-kathrada/.
14. <http://www.news24.com/MyNews24/cabinet-reshuffle-gordhan-fired-gigaba-hired-20170331>.
15. Sleduet, odnako, otmetit', chto KOSATU sam perezhivaet trudnyj period. Natsional'nyj profsoyuz metallistov Yuzhnoj Afriki (NUMSA), naschityvayushchij pochti polmilliona chlenov, otkazal-sya ot podderzhki ANK na vyborakh, posle chego posledovalo ego isklyuchenie iz KOSATU, i rukovodstvo NUMSA vmeste s nekotorymi drugimi otraslevymi profsoyuzami sozdalo novuyu Yuzhnoafrikanskuyu federatsiyu profsoyuzov (SAFTU). Vprochem, yeyo organizatory odnosyatsya k Zume eshchyo bolee kriticheski (in Russian).
16. Statement of the SACP Politburo. <http://www.sacp.org.za/main.php?ID=5967> COSATU Special CEC Statement. 3 April 2017. <http://www.cosatu.org.za/show.php?ID=12610>.
17. Statement of the National Working Committee following the meeting held on the 4th April 2017. <http://www.anc.org.za/content/statement-national-working-committee-following-meeting-held-4th-april-2017>.
18. Zuma outlines the meaning of radical economic transformation. <http://ewn.co.za/2017/04/06/watch-zuma-outlines-the-meaning-of-radical-socio-economic-transformation>.
19. Land reform: Zuma moves for expropriation with no compensation. <http://city-press.news24.com/News/land-reform-zuma-moves-for-expropriation-with-no-compensation-20170331>
20. O podderzhke nashej stranoy bor'by protiv rezhima aparteida sm.: Shubin V.G. Goryachaya «holodnaya» vojna. Yug Afriki (1960–1990 gg.). M.: Izd-vo YASK, 2013 (in Russian).
21. ANC international relations: a better Africa in a better and just world <http://www.anc.org.za/docs/discus/2015/relationsz.pdf>.

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

УДК 1-14
ГРНТИ 12.09.09

И.С. ДМИТРИЕВ*

Институализация европейской науки раннего Нового времени: бэконский ракурс

Статья посвящена проекту институализации науки, разработанному в начале XVII столетия английским философом Ф. Бэконом (1561–1626). Организация научных исследований, по мысли Бэкона, должна быть одной из главнейших забот верховной власти. Поэтому эффективность научной деятельности в значительной мере должна определяться эффективностью диалога людей науки с властной бюрократией. В свою очередь, этот диалог, по мысли Ф. Бэкона, может быть успешным, если учёные делают акцент на практической пользе научных изысканий, т.е. подают свои проекты упакованными в красивую обёртку обещаний всяческих благ и заманчивых последствий, причём в ближайшем будущем.

Ф. Бэкон разработал весьма продуманную стратегию убеждения власти в необходимости предлагаемых им реформ. В «New Atlantis» он изложил весьма радикальную модель институализации новой науки, согласно которой этот процесс должен быть нацелен на создание жёсткой иерархической замкнутой структуры, ядро которой образуют хорошо образованные «эпистемократы», наделённые широкими правами и властными полномочиями.

Ключевые слова: Ф. Бэкон, институализация науки, эффективность научной деятельности, «Instauratio Magna Scientiarum», «New Atlantis»

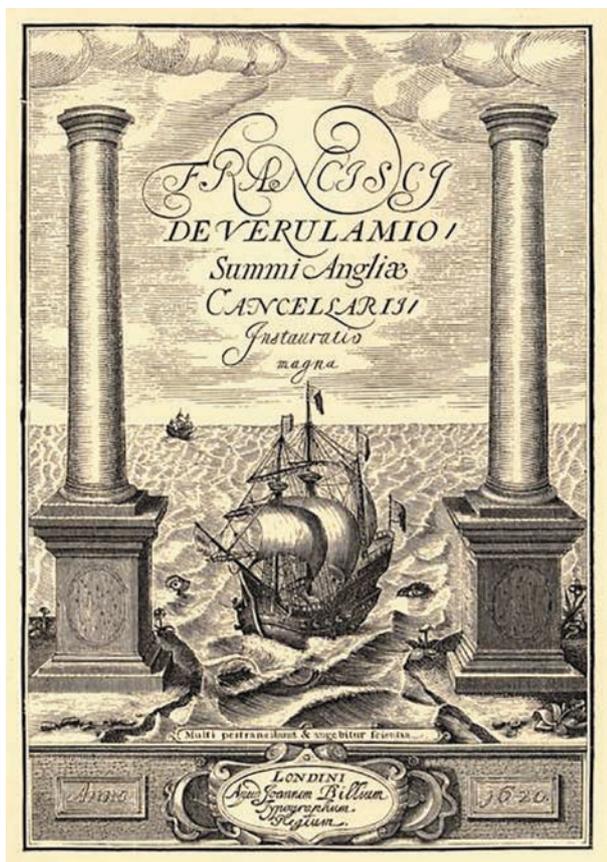
*Многие превозносили его до небес... иные —
втаптывали в грязь. Поняли его немногие.*

Л. Фейхтвангер «Фрэнсис Бэкон»

* **Дмитриев Игорь Сергеевич** — доктор химических наук, директор Музея-архива Д.И. Менделеева Санкт-Петербургского государственного университета, руководитель проекта «Формы институализации науки в эпоху интеллектуальной революции XVI–XVII вв.» (14-03-00108а).
E-mail: isdmitriev@gmail.com

«Вставало вдали всё пришедшее после»¹

На исходе Ренессанса и в начале Нового времени изучение природы понималось прежде всего как проникновение человека-исследователя в неизвестные или неведомые ему ранее области (будь то новые земли или новые природные объекты/явления) и потому часто сопоставлялось с охотой (*venatio*). Другой популярный образ, который также ассоциировался с задачей поиска и добывания нового знания, — корабль, уходящий в неведомую даль (ил. 1). Если ранее, в эпоху

Ил. 1. Гравюра на обложке первого издания трактата Ф. Бэкона «Новый органон» (1620 г.)²

Средневековья, изучение природы представляло своего рода герменевтическое упражнение, поиск доказательства (обоснования) уже известных утверждений и выводов (подход, который Дж. Мердок охарактеризовал как «философия природы без природы (*natural philosophy without nature*)» [1]), то интеллектуалы XVI столетия видели свою главную задачу в поиске и раскрытии «секретов» природы, в движении, по выражению Ф. Бэкона, «к удалённым и сокровенным сущностям (*ad remotiora et occultiora naturae*)» [2, p. 610]. Двум образам науки — наука как логическое доказательство и наука как *venatio* — отвечали две разные репрезентации природы: геометрически упорядоченная реальность, созданная Творцом «по числу, весу и мере (*numero, pondere, et mensura*)» (Пм., 11:21), и реальность как таинственный лес или неизвестный безграничный океан, как «Америка секретов и неизвестное Перу природы (*America of secrets and an unknown Peru of Nature*)» [3, p. 178].

Роль Ф. Бэкона (*F. Bacon, 1st Viscount St. Alban; 1561–1626*) (ил. 2) в становлении науки нового типа чрезвычайно велика. Эта роль отнюдь не сводится, как часто полагают, к отказу от постижения природы чисто логическими методами (силлогизмом) и утверждению идеала экспериментального исследования с последующим применением индукции для открытия законов природы. Во-первых, метод исследования, предложенный Ф. Бэконом, никак нельзя назвать чисто индуктивным, он имеет более сложную структуру поэтапной генерализации, что было детально рассмотрено в монографии

¹ Пастернак Б.Л. Рождественская звезда.

² Корабль, изображённый на гравюре, выходит из Средиземного моря в океан, что символизирует выход за границы традиционного, ограниченного знания к новому, безграничному. Согласно Платону, на Гибралтарской скале и скале Абила были установлены две статуи на высоких колоннах, представляющие собой своеобразные ворота из Средиземного моря в Атлантику. В 711 г. колонны и статуи были разрушены по приказу арабского полководца Тарика ибн Зияда. Колонны, изображённые на гравюре титульного листа «Нового органона», символизируют границы антично-средневекового мира. Бэкон призывает не бояться выйти за рамки этого мира на необъятный простор нового знания, освободившись от рабской привязанности к «мудрости древних» и их мнениям.

[4, p. 177–210], а во-вторых, им был разработан ряд важных для последующего развития науки методологических идей, а именно: о необходимости изучения природы в её экстремальных состояниях (т.е. мысль о науке как *venatio* дополнялась императивом *vexatio* (терзания, мучения, пытки) природы с целью выведать у неё её секреты [5]); об отсутствии онтологических различий между объектами природы (*naturalia*) и человеческого искусства/ремесла (*artificialia*); и, наконец, важнейшая (впрочем, имеющая древние корни) идея, согласно которой, чтобы познать явление, необходимо уметь его (ре)продуцировать (или моделировать)¹. Иными словами, способность (ре)продуцировать природное явление служит, по Бэкону, эпистемологической гарантией познания природных процессов.

При этом мысль о том, что секреты природы могут быть раскрыты индивидуальным разумом (мысль, которая поддерживалась как рационалистом Р. Декартом, так и представителями магико-алхимической эзотерической традиции), была для Ф. Бэкона неприемлемой. Он был твёрдо убеждён, что новая наука должна быть коллективным предприятием. Причём коллективность новой науки понималась им трояко: как кооперация между прошлыми и новейшими научными достижениями и теориями (т.е. символическая кооперация исследователей, живших в разные времена); как соотносённость между натурфилософией и практическими (в первую очередь – механическими) искусствами/ремёслами и как кооперация между самими исследователями.

По мысли Бэкона, настоящее коллективное изучение природы должно быть институализировано таким образом, чтобы оставить минимальное место «остро-

Ил. 2. Франс Пурбус Младший (Frans Pourbus (II); 1569–1622). Портрет Фрэнсиса Бэкона (1617). Лазенковский дворец, Варшава

те и силе человеческого ума (*ut non multum ingeniorum acumini et robori relinquatur*), и устроено так, «чтобы все умы и всякое разумение были почти на одном уровне (*quae ingenia et intellectus fere exaequet*)» [7, p. 172]. Идея «уравнивания умов» и постановки научных открытий «на поток» надолго пережила лорда-канцлера и до сих пор является главным фантомом околонушной бюрократии. Но сам Бэкон пришёл к этой замечательной идее (как и к утопии *Salomon's House*) не сразу. Если в «*Novum Organum*», работа над которым началась в середине 1600-х гг., он отстаивал идеалы открытой, демократической организации, занимающейся изучением природы и свободным обменом научной информацией на благо всех, то в «*New Atlantis*» (посмертно изданном сочинении, над которым автор работал в 1623–1625 гг.) тема секретно-

¹ Хотя указанный принцип имеет античные корни, в наиболее разработанной форме он был изложен итальянским философом Джамбаттиста Вико (G. Vico; 1668–1744) [6, p. 14–15] и более известен в литературе в его формулировке: «*Verum et factum reciprocantur seu convertuntur*» или как «*verum factum-principle*».

сти научных исследований стала едва ли не доминирующей, а социальная иерархия Бенсалема была выстроена по меритократическому принципу.

Пуритане и модернизаторы

Во второй половине XVI в. в Англии начался глубокий экономический кризис. Война с Испанией, вызванные ею торговая депрессия и продовольственный кризис (после нескольких лет засухи начались сильные ливни и урожаи гибли на корню) привели к спаду в экономике. Дефицит бюджета был чудовищным. При общем годовом доходе короны около 350 тысяч фунтов стерлингов на содержание двора, личные нужды королевы и выплаты чиновникам уходило около 85 тысяч. Военные же расходы были просто устрашающими: 4 млн фунтов стерлингов за период с 1586 по 1603 г. В итоге политика поощрения ремёсел, торговли и мануфактур была принесена в жертву краткосрочным интересам придворных, жаждавших денег, пенсий, подарков и прибыльных синекур. Кроме того, централизация власти привела к росту числа чиновников и придворных, что повлекло увеличение расходов на управление.

К концу 1580-х гг. недовольство политикой правительства заметно усилилось. И в хоре недовольных особенно громко звучали голоса религиозных радикалов — пуритан («божьих людей», *Godly*). Их образ жизни был охарактеризован М. Вебером как волонтаристская (или рациональная) «мирская аскеза (*innerweltliche Askese*)» [8, s. 139–181], предполагавшая постоянный методичный и рациональный контроль поведения человека и его внутреннего мира, ежечасный анализ своих поступков и побуждений¹.

Принципы «мирской аскезы» сказались и на отношении пуритан к знанию. Их круг чтения почти исключительно составляли полезные книги, т.е. литература (как

правило, дешёвая, не дороже 2 пенсов), содержащая информацию, необходимую для трудолюбивых методичных хаусхолдеров. К примеру, большой успех имели «парацельсианские» сочинения по медицине и (ал)химии с их незамысловатыми рецептами и советами. Эти издания были пронизаны протестантской риторикой, которая дополняла «химическую философию» Парацельса и его английских последователей. Авторы сурово осуждали «древних», т.е. античных, натурфилософов и схоластическую учёность, настаивая на необходимости обращения к свидетельствам простого житейского опыта. Именно простого, профанного опыта, без его осмысления с привлечением каких-либо «знающих людей», экспертов, как бы мы сегодня сказали. Пуритане были твёрдо убеждены: «подлинное знание» должно быть назидательно-наставительным и душеполезным. Вся остальная наука, не дающая конкретных советов в мирских делах и указаний душеспасительного свойства, считалась недостойной внимания *Godly*, и занятия ею не рассматривались пуританами как легитимные.

Бэкон уже в первых своих трудах резко критиковал позицию пуритан по отношению к знанию, полагая, что она представляет серьёзную опасность для государства.

Вместе с тем процессы централизации власти в елизаветинской Англии сопровождались усилением курса на техническую и технологическую модернизацию страны. Следует особо отметить деятельность Уильяма Сесила, лорда Бёрли (*William Cecil, 1st Baron Burghley*; 1520–1598), дяди Ф. Бэкона (ил. 3). У. Сесил был не только хорошо образованным человеком, он до конца жизни сохранял глубокий интерес к натурфилософии и технике. Некоторые современники сравнивали хаусхолд Сесила с университетом [9, p. 150]. Сэр Уильям внёс боль-

¹ Такой самоконтроль был выработан ещё до начала Реформации, но значительно усилен и «обострён» протестантами (особенно пуританами) как метод, воплощавший всепоглощающую рациональность мышления.

Ил. 3. Портрет Уильяма Сесила, лорда Бёрли. Неизв. художник. Национальная портретная галерея. Лондон

шой вклад в организацию научных исследований и технических разработок в стране при полной поддержке прагматично мыслящей королевы, что дало основание некоторым историкам говорить о формировании «*Elizabethan Big Science*» [10, p. 142 *et passim*], которая включала множество широкомасштабных технических и военно-технических проектов — от усовершенствования монетного дела путём улучшения очистки металлов и применения более точных пробирных методик до исследовательских морских экспедиций и реконструкции гавани Дувра. В этих проектах участвовали представители разных слоёв населения — от полуграмотных подмастерьев до аристократов и людей с университет-

ским образованием. Лондонское Сити, ставшее центром технического и технологического опыта, было напичкано литейными, стекловаренными и керамическими мастерскими, верфями, печами и т.д. Кроме того, в Лондоне проживало большое количество состоятельных людей, готовых вкладывать деньги в развитие новых и усовершенствование существующих производств. Именно состоятельные участники этих проектов играли, как правило, роль инвесторов, но отнюдь не корона¹.

Проекты сначала попадали в руки Сесила, который проводил их тщательную и всестороннюю экспертизу (привлекая для неё специалистов разного профиля), а уже затем — на стол королевы, которая подписывала (или не подписывала) патентную грамоту. Каждую заявку Сесил оценивал с трёх точек зрения: её практической полезности, экономичности и новизны. Причём первый критерий был наиболее важным.

Однако, на взгляд Бэкона, эта деятельность лорда Бёрли была, при всей её полезности, совершенно недостаточной, а главное — односторонней и недалёковидной, поскольку практически полностью сосредоточивалась на прикладных (технико-технологических) аспектах модернизационного потенциала науки (навигация, военное дело, водоснабжение, геодезия, картография, пробирное искусство и т.п.) и цель авторов модернизационных проектов заключалась не в исследовании природы, но в извлечении прибыли от использования технических и технологических инноваций, эксплуатации природных сил и богатств. Это обстоятельство, наряду с необходимостью противостоять агрессивному пуританскому невежеству,

¹ Исключения очень редки. Например, из королевской казны финансировалась реконструкция Дуврского порта в 1580-х гг.

стало для Бэкона важнейшим стимулом разработки проекта глубокой реформы, затрагивающей и мотивации, и методологию, и организацию изучения природы под эгидой государства.

«Всё дело — соус, как подать»¹

В предисловии к широко задуманному сочинению «Великое Восстановление наук (*Instauratio Magna Scientiarum*)» Бэкон призывает читателя помнить об истинных целях науки и устремляться к ним «не для развлечения и не из соревнования, не для того, чтобы высокомерно смотреть на других, не ради выгод, не ради славы или могущества, или тому подобных низших целей, но ради пользы для жизни и практики (*sed ad meritum et usus vitae*)» [11, р. 132]. Естественно, разрабатывая свой проект, Ф. Бэкон особое внимание уделял проблеме эффективности научных практик, для повышения которой он предлагал следующие меры:

- ◆ разработка представителями интеллектуально маргинализованной, но политически лояльной элиты «нового органа наук» с последующим переходом в практике научных изысканий к новой, эксперименталистской методологии познания, которая предполагала, кроме всего прочего, длительную фазу экстенсивного накопления знаний — «труд как бы царский (*opus sit quasi regium*)», — что, в свою очередь, требовало кооперированных усилий всего, как бы мы сегодня сказали, мирового научного сообщества, а следовательно, и перехода на новую схему организации научной деятельности (наука как коллективное предприятие, функционирующее по определённым правилам и нормам) [12, р. 393];
- ◆ организация широкой кампании по дискредитации традиционных взглядов на природу и методологию научного познания (т.е. «расчистка умов»),

а также настойчивой пропаганды «новой науки»;

- ◆ разработка сложной логической процедуры обобщения и систематизации полученного эмпирического материала с целью установления причин явлений, т.е. построения теории;
- ◆ установление королевского патроната по отношению к научным и образовательным учреждениям (что, в свою очередь, требовало проведения реформы образования).

Поскольку организация научных исследований должна быть, по мысли Бэкона, одной из главнейших забот верховной власти, то эффективность научной деятельности в значительной мере должна определяться эффективностью диалога людей науки с властной бюрократией, ибо идея становится материальной силой, как только она овладевает умами высших чиновников и самого монарха. Этот диалог, в свою очередь, может быть успешным, если первые делают акцент на практической пользе научных изысканий, т.е. подают свои проекты упакованными в красивую обёртку обещаний всяческих благ и заманчивых последствий, причём в ближайшем будущем. Но это общая и вполне тривиальная стратегическая идея. Вопрос в том, как её реализовать?

В распоряжении Бэкона и его современников-единомышленников был только один образец, которому они могли следовать: риторические стратегии искателей королевского патроната. Ничего иного в тезаурусной характеристике эпохи они найти не могли. Именно поэтому «аргументы пропагандистов науки как две капли воды похожи на аргументы авантюристов, землепроходцев, миссионеров, пиратов “на королевской службе” и вообще любителей “езды в неизвестное” — привилегии “лишних людей” Европы. Иными словами, обещания пользы и великих благ от признания и поддержки

¹ Шекспир У. Гамлет (II, 1). Пер. Б. Пастернака.

науки строились на том же песке вероятности, на котором строились заманчивые перспективы пробраться морским путём к сказочным богатствам Индии, или отыскать страну Эльдорадо, или вволю пограбить испанские корабли, набитые богатствами Америки, с отчислениями в королевскую казну и т.д. и т.п.» [13, с. 276].

И нельзя сказать, что эта «первичная пропагандистская аргументация в пользу утилитарной науки, которая достигла философских вершин у Бэкона, была сплошным блефом», ведь в итоге наука действительно стала «наиболее эффективным из известных истории человечества каналом трансмутации-накопления знания как в “светоносной” форме фундаментального знания, так и в “плодоносной” форме технологических приложений» [Там же].

Ф. Бэкон разработал весьма продуманную стратегию убеждения власти в необходимости предлагаемых им реформ. Эта стратегия включала в себя:

- ◆ акцент на уникальных персональных качествах правителя, который будущий лорд-канцлер делал без каких-либо стеснений и ограничений, сравнивая Якова I с царём Соломоном, прославившимся своей мудростью [14, р. 727–729];
- ◆ акцент на славе в веках, которая ждёт Якова, если он начнет реализовывать проект Бэкона [15];
- ◆ акцент на великие материальные блага для государства, более того, для всего человечества, которые сулит этот проект [16];
- ◆ упование на прекращение с расцветом наук (ежели такое случится) религиозных споров и распрей; упование, предусмотрительно дополненное заверением, что развитие наук никак не нанесёт ущерба военной мощи королевства, наоборот, только усилит её [14, р. 438].

Небесполезно также, по убеждению Бэкона, пообещать правителям и обществу такую методологию, которая позволяла бы поставить производство знаний на поток путём реализации идеи «*exaequatio ingeniorum* (уравнивания умов)» с помощью универсальной машины познания. Иными словами, Бэкон предлагал механизировать и рутинизировать научные исследования, в результате чего творец и носитель нового знания перестаёт быть уникальной фигурой и учёные становятся легко заменяемыми исполнителями, т.е. функционерами в государственной бюрократической машине.

Если учесть, что любая власть понимает только три типа аргументации, а именно: доводы, основанные на соображениях престижа, выгоды (денежной, ресурсной и прочей) и безопасности (военной, финансовой, продовольственной и т.д.), то надо признать, что манера, в которой сэр Фрэнсис вёл диалог с правительством, была выбрана им совершенно правильно.

По мысли Ф. Бэкона, предпринимать активные усилия по пропаганде научных (и вообще — интеллектуальных) реформ имеет смысл только тогда, когда у власти находится персона, в силу тех или иных причин (от избытка интеллекта или от тоски по нему) способная воспринять соответствующие идеи и ценности (или по крайней мере поставленная в условия, когда с ними приходится считаться). В иной ситуации лучше потратить силы и время на накопление идейного ресурса в надежде задействовать его в более благоприятный момент¹.

Для Бэкона такой момент настал, как он полагал, с восшествием на английский престол Якова I. Это действительно был один из образованнейших людей своего времени — слагал стихи по-шотландски и по-латыни, знал древнегреческий, написал ряд трактатов (в частности, по демонологии (1597), о вреде табака (1604), о прин-

¹ Бэкон, замечу, не соглашался ни на какие паллиативы — «либо это (реформу науки и образования. — И.Д.) нужно делать, либо вообще отказаться от [этого дела] (*aut hoc agendum est aut negotium deserendum*)» [12, р. 394].

ципах управления государством (1599)), под его патронатом был выполнен перевод Библии на английский язык (так называемая *King James Bible* (1609–1611)). Однако, как показали последующие события, надежды Бэкона на Якова I не оправдались (что, разумеется, никак не обесценивает саму инициативу философа). И тогда, трезво оценив ситуацию, лорд-канцлер предложил весьма радикальную модель институализации новой науки, согласно которой этот процесс должен быть нацелен на создание жёсткой иерархической замкнутой структуры, ядро которой образуют хорошо образованные «эпистемократы», наделённые широкими правами и властными полномочиями, настолько широкими, что роль монархической власти оказывается заметно ослабленной. А что касается методов достижения результата (т.е. высокой эффективности научной деятельности такого общества—ордена—института), то они могли быть самыми разнообразными. При этом, как уже было сказано, от настойчиво пропагандировавшейся в «*Instauratio Magna*» идеи научного исследования, предполагавшего свободный обмен информацией и демократическую организацию научного сообщества, в «*New Atlantis*» не осталось почти ничего.

Кроме того, Бэкон подчёркивал, что эффективность практических приложений науки зависит от развития того, что сегодня называется фундаментальными исследованиями: «Неуместное же и ребяческое стремление немедленно заполучить ручательство каких-либо новых практических приложений мы решительно осуждаем и отвергаем (*Intempestivum autem illum et puerilem affectum, ut pignora aliqua novorum operum propere captentur, prorsus damnamus et amovemus*)» [16, p. 141]. В свою очередь, для успешного (эффективного, как бы мы сейчас сказали) сочетания «плодоносной» и «светоносной» составляющих научного поиска

необходимо соблюдение ряда условий, главные из которых:

- ◆ создание научного института, пользующегося весомой поддержкой властей, которые понимают роль науки в укреплении государства и достижении всеобщего блага, однако без их вмешательства в собственно научную деятельность;
- ◆ создание *status quo*, при котором власть будет видеть свою задачу не только в материальной, моральной и юридической поддержке науки, но и в том, чтобы «содействовать уединённым и спокойным учёным занятиям, а также избавлять [учёных] от забот и неприятностей (*omnia ad secessum et otium (ut plurimum) conferunt, et ad vacationem a curis et molestiis*)» [14, p. 487];
- ◆ жёсткое разделение научной и профанной сфер жизни по принципу «*Procul este, profani*», ибо наука «недоступна пониманию толпы, кроме как в своей полезности и действенности (*neque ad vulgi captum, nisi per utilitatem, et effecta descendet*)» [17, p. 153];
- ◆ колониальная политика, по Бэкону, также должна служить процветанию науки (хотя английский философ скептически относился к идее империи, включавшей множество колоний, но поощрял скрытую колонизацию; Бенсалем — процветающее, промышленно развитое государство, зависящее, однако, от ввоза сырья и максимально использующее своих торговых партнёров, которые даже не знают, с кем на самом деле торгуют своими природными ресурсами, изобретениями и знаниями).

«Лучшая свобода»¹

Таким образом, истоки и генезис бэконского проекта «*Instauratio Magna Scientiarum*», в том числе и его институциональная компонента, определялись следующими факторами и обстоятельствами: 1) антиинтеллектуалистскими (анти-

¹ Пушкин А.С. Из Пиндемонти.

научными) выступлениями радикально настроенных пуритан; 2) односторонне-прагматической, утилитарной правительственной практикой технико-технологической модернизации страны в условиях острого социально-экономического кризиса; 3) карьерными устремлениями и амбициями самого Бэкона; 4) осознанием Бэконом иллюзорности ренессансного идеала *Homo universalis*, т.е. осознанием невозможности кому-то (даже гениально одарённому), опираясь на эксперименталистскую методологию, в оди-

ночку решать сложные и многогранные задачи, не аккумулируя коллективные усилия большой группы разных специалистов.

В социокультурном же ракурсе результативность (эффективность) научной деятельности сводится, в понимании Ф. Бэкона, к категорическому императиву свободы научного исследования, его свободы как от «вертикального» (со стороны власти), так и «горизонтального» (со стороны толпы, церкви и иных вненаучных сообществ и сил) давления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Murdoch J.E. The Analytic Character of Late Medieval Learning: Natural Philosophy without Nature // *Approaches to Nature in the Middle Ages* / Ed. by L.D. Roberts. Binghamton: Center for Medieval and Early Renaissance Studies. 1982. Pp. 171–213.
2. Bacon F. *Cogitata et Visa de Interpretatione Naturae, sive de Scientia Operative (1607–1608)* // Bacon F. *The Works* / Collected and edited by James Spedding, Robert Leslie Ellis, and Douglas Denon Heath. In 14 vols. London: Longmans etc., 1857–1874. Vol. 3 (1859). Pp. 587–620. (Далее сокр.: Bacon F. *The Works*).
3. Glanvill J. *The Vanity of Dogmatizing: or Confidence in Opinions Manifested in a Discourse of the Shortness and Uncertainty of Our Knowledge, and Its Causes; With Some Reflections on Peripateticism; and An Apology for Philosophy*. Londini, Printed by E. C[otes] for Henry Eversden at the Grey-Hound in St. Pauls-Church-Yard, 1661.
4. Perez-Ramos A. *Francis Bacon's Idea of Science and the Maker's Knowledge Tradition*. Oxford: Clarendon Press, 1988.
5. Дмитриев И.С. «Inquisitor de rerum natura»: истоки эксперименталистской методологии Ф. Бэкона // *Вопросы истории естествознания и техники*. 2015. Т. 36. № 3. С. 433–454.
6. Vico G. *De antiquissima Italorum sapientia ex linguae Latinae originibus eruenda. Libri tres*. Neapoli: Ex typographia Felicis Mosca, 1710.
7. Bacon F. *Pars Secunda Operis, dicitur Novum Organum, sive Indicia Vera de Interpretatione Naturae. Aphorismi de Interpretatione Naturae et Regno Hominis* // Bacon F. *The Works*. Vol. 1 (1857). Pp. 157–223.
8. Weber M. *Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus* / Hrsg. und eingeleitet von Dirk Kaesler, 3 Auflage. München: Beck, 2004.
9. Pumfrey S., Dawbarn F. *Science and patronage in England, 1570–1626: A preliminary study* // *History of Science*, 2004. Vol. 42. № 2. Pp. 137–188.
10. Harkness D.E. *The Jewel House: Elizabethan London and the Scientific Revolution*. New Haven: Yale University Press, 2007.
11. Bacon F. *Instauratio Magna. Praefatio* // Bacon F. *The Works*. Vol. 1. Pp. 125–133.
12. Bacon F. *Parasceve, ad historiam naturalem et experimentalem. Descriptio historiae naturalis et experimentalis qualis sufficiat et sit in ordine ad basin et fundamenta philosophiae verae* // Bacon F. *The Works*. Vol. 1. Pp. 391–403.
13. Петров М.К. *Язык. Знак. Культура*. М.: Наука, 1991.
14. Bacon F. *De Dignitate et Augmentis Scientiarum Libri IX (VII, 2)* // Bacon F. *The Works*. Vol. 1. Pp. 421–837.

15. Bacon F. Instauratio Magna. Serenissimo Potentissimoque Principi ac Domino Nostro Jacobo // Bacon F. The Works. Vol. 1. Pp. 123–124.
16. Bacon F. Instauratio Magna. Distributio Operis // Bacon F. The Works. Vol. 1. Pp. 134–145.
17. Bacon F. Pars Secunda Operis, dicitur Novum Organum, sive Indicia Vera de Interpretatione Naturae. Praefatio // Bacon F. The Works. Vol. 1. Pp. 151–154.

ENGLISH

Institutionalization of Science in Early Modern Europe: A Baconian Perspective

Dmitriev Igor Sergeevich is DSc in Chemistry, director of Mendeleev Museum and Archive of Saint Petersburg State University, head of the project “Institutionalization of Science during the Intellectual Revolution of the 16th–17th century” (14-03-00108a).

E-mail: isdmitriev@gmail.com

This paper investigates the project of science institutionalization developed by the English philosopher Francis Bacon (1561–1626) in the early 17th century. The organization of scientific research should be, according to Bacon, one of the most crucial concerns of the government. Therefore, the effectiveness of scientific activities should largely be determined by the effectiveness of the dialogue between scholars and people in power. According to Bacon, this dialogue, in its turn, can be successful if the former focus on the practical benefits of scientific research, that is, submit their projects beautifully wrapped in promises of all sorts of benefits and tempting effects, and all of that – in the near future.

F. Bacon developed a very thorough strategy of persuading the authorities of the need for reforms proposed by him. In “New Atlantis”, he proposed a rather radical model of the institutionalization of new science, according to which this process should seek to create a rigid hierarchical closed structure, whose nucleus is formed by well-educated “epistemocrats” with broad rights and powers.

Keywords: F. Bacon, institutionalization of science, effectiveness of scientific activities, “Instauratio Magna Scientiarum”, “New Atlantis”

REFERENCES

1. Murdoch J.E. The Analytic Character of Late Medieval Learning: Natural Philosophy without Nature // Approaches to Nature in the Middle Ages / Ed. by L.D. Roberts. Binghamton: Center for Medieval and Early Renaissance Studies. 1982. Pp. 171–213.
2. Bacon F. Cogitata et Visa de Interpretatione Naturae, sive de Scientia Operative (1607–1608) // Bacon F. The Works / Collected and edited by James Spedding, Robert Leslie Ellis, and Douglas Denon Heath. In 14 vols. London: Longmans etc., 1857–1874. Vol. 3 (1859). Pp. 587–620. (Dalee sokr.: F. Bekon The Works).
3. Glanvill J. The Vanity of Dogmatizing; or Confidence in Opinions Manifested in a Discourse of the Shortness and Uncertainty of Our Knowledge, and Its Causes; With Some Reflections on Peripateticism; and An Apology for Philosophy. Londini, Printed by E. C[otes] for Henry Eversden at the Grey-Hound in St. Pauls-Church-Yard, 1661.
4. Perez-Ramos A. Francis Bacon’s Idea of Science and the Maker’s Knowledge Tradition. Oxford: Clarendon Press, 1988.

5. Dmitriev I.S. «Inquisitor de rerum natura»: istoki eksperimentalistskoj metodologii F. Bekona // Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki, 2015. T. 36. № 3. С. 433–454 (in Russian).
6. Vico G. De antiquissima Italorum sapientia ex linguae Latinae originibus eruenda. Libri tres. Neapoli: Ex typographia Felicis Mosca, 1710.
7. Bacon F. Pars Secunda Operis, dicitur Novum Organum, sive Indicia Vera de Interpretatione Naturae. Aphorismi de Interpretatione Naturae et Regno Hominis // Bacon F. The Works. Vol. 1 (1857). Pp. 157–223.
8. Weber M. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus / Hrsg. und eingeleitet von Dirk Kaesler, 3 Auflage. München: Beck, 2004.
9. Pumfrey S., Dawbarn F. Science and patronage in England, 1570–1626: A preliminary study // History of Science, 2004. Vol. 42. № 2. Pp. 137–188.
10. Harkness D.E. The Jewel House: Elizabethan London and the Scientific Revolution. New Haven: Yale University Press, 2007.
11. Bacon F. Instauratio Magna. Praefatio // Bacon F. The Works. Vol. 1. Pp. 125–133.
12. Bacon F. Parasceve, ad historiam naturalem et experimentalem. Descriptio historiae naturalis et experimentalis qualis sufficiat et sit in ordine ad basin et fundamenta philosophiae verae // Bacon F. The Works. Vol. 1. Pp. 391–403.
13. Petrov M.K. Yazyk. Znak. Kul'tura. M.: Nauka, 1991 (in Russian).
14. Bacon F. De Dignitate et Augmentis Scientiarum Libri IX (VII, 2) // Bacon F. The Works. Vol. 1. Pp. 421–837.
15. Bacon F. Instauratio Magna. Serenissimo Potentissimoque Principi ac Domino Nostro Jacobo // Bacon F. The Works. Vol. 1. Pp. 123–124.
16. Bacon F. Instauratio Magna. Distributio Operis // Bacon F. The Works. Vol. 1. Pp. 134–145.
17. Bacon F. Pars Secunda Operis, dicitur Novum Organum, sive Indicia Vera de Interpretatione Naturae. Praefatio // Bacon F. The Works. Vol. 1. Pp. 151–154.

Ж.Т. ТОЩЕНКО*

Новое в социальной структуре общества: прекариат

В статье обосновывается появление нового социального класса — прекариата, даётся объяснение причин его возникновения, его структура и основные характеристики. Показывается, как созревали идеи о прекариате в научной среде, в мировой и отечественной социальной практике. Выявляются главные черты и особенности этого класса, осуществляется сравнение с другими социальными группами. Раскрывается специфика этого класса, его место и роль в современном разделении труда, положение на рынке труда, первые ростки его осознания как «класса для себя». Выясняются последствия существования и функционирования прекариата.

Ключевые слова: общество, классы, прекариат, пролетариат, рынок труда, занятость

Понятие «прекариат» образовано от двух слов: от лат. *precarium* (неустойчивый, нестабильный, негарантированный) и слова «пролетариат», который в своё время представлял класс, отчуждённый от результатов труда и подвергающийся эксплуатации в интересах господствующего класса — буржуазии. Прекариат — принципиально новое понятие, означающее наличие социального слоя, который олицетворяет отчуждение не только от результатов труда, но и от всего общества значительных социальных групп, испытывающих особые, изопрённые формы эксплуатации их труда, знаний, квали-

фикации, что в конечном счёте ухудшает качество их жизни. В эти группы входят те, кто занят временной, эпизодической работой, вовлечён в теневой или «нелегитимизированный» сектор рынка труда, вследствие чего эти люди имеют урезанные социальные права и обладают ущемлённым социальным статусом. В целом эти группы образуют достаточно значительный слой во многих странах мира, достигая 40% численности трудоспособного населения [15].

Таким образом, мы вправе говорить о некоем социальном слое, образующем, на наш взгляд, новый социальный класс, который во многом определяет лицо

* **Тощенко Жан Терентьевич** — член-корреспондент РАН, доктор философских наук, научный руководитель социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии РАН, руководитель проекта «Теоретическая мысль в современной мировой и отечественной социологии: эволюция идей, тенденции и проблемы развития» (14-03-00352а).
E-mail: zhantosch@mail.ru

современных обществ. Тем более показательны слова О. Голодец, вице-премьера правительства РФ: «38 млн человек трудоспособного возраста работают в непрозрачных условиях, что представляет серьёзную проблему для всего общества» [4].

Этот феномен возник постепенно, не сразу. Мы не будем останавливаться на исторических предшественниках прекариата. Люди с временной занятостью и сезонной работой в той или иной мере всегда были в истории каждого общества во все периоды его существования. Проанализируем современный этап, когда *эти группы стали представлять не эпизодическое, а устойчивое и всё увеличивающееся преобладание специфических форм использования трудоспособного населения и формирования специфических социально-экономических отношений* [14].

Из чего состоит современный прекариат?

Во-первых, это часть трудоспособного населения, постоянно занятого на временной работе. Эта социальная группа, насчитывающая в России, по экспертным оценкам, до 30% трудоспособного населения, ограничена и лишена тех прав, которыми обладают постоянно работающие сотрудники, имеющие гарантированную занятость. Члены этой группы, как правило, не имеют социальных прав, у них нет оплачиваемого отпуска. Они не могут рассчитывать на помощь в приобретении жилья. Забота о детях становится их личным делом, так же как и получение образования и повышения квалификации. Это дополняется тем, что у временных работников практически полностью отсутствуют возможности профессионального роста, профессиональной карьеры. *И главное — временная занятость становится постоянно действующей величиной, которая начинает сопровождать человека всю жизнь.*

Во-вторых, прекариат состоит из людей, работающих неполный рабочий день или перебивающихся сезонными

и случайными приработками. Этот феномен позволяет скрывать масштабы безработицы. Обычно в подавляющем числе случаев это люди, вынужденно согласившиеся работать неполный рабочий день. Причём, как показывает практика, им приходится работать больше и получать за свой труд меньшее вознаграждение, чем они рассчитывали. Более того, многие из этой группы лиц нередко обнаруживают, что они подвергаются большей эксплуатации и самоэксплуатации, которая неадекватна вознаграждению за их труд [15].

В-третьих, прекариат представлен безработными, численность которых также значительна. Особенно она возрастает в годы кризиса. Причём, по мнению экспертов, разрыв между регистрируемой и общей безработицей колеблется в пределах от 3,5 до 7 раз. Академик и советник президента РФ С. Глазьев считает, что «скрытая безработица составляет до 20%» [8]. Особо отметим, что скрытая безработица часто маскирует нежелание регистрироваться, случайные приработки, эпизодическую занятость в личном, особенно сельском хозяйстве. Ожидается, что нынешний год не принесёт значительного сокращения безработицы. Об этом прямо заявил вице-премьер И. Шувалов, выступая в Давосе: «Нужно готовиться к росту безработицы».

В-четвёртых, в прекариат мы включаем и людей так называемых свободных профессий — в сфере культуры, в информационной сфере, сфере услуг и др., которые заняты фрилансом. Их иногда представляют приверженцами свобододобивого духа, не зависимыми от строгой и мелочной регламентации официальных (государственных, акционерных, частных) предприятий и организаций [12]. Но их нонконформизм, отсутствие внешнего повседневного контроля на деле оборачиваются тем, что эта показная и иногда в чём-то привлекательная независимость поражена теми же ограничениями, что и весь пре-

кариат: беззащитностью, отсутствием социальных гарантий, оставлением человека в одиночестве в случае непредвиденных жизненных обстоятельств, лишением стабильности и уверенности в будущем.

В-пятых, к прекариату примыкает, на наш взгляд, часть мигрантов, численность которых во многих странах мира, в том числе и в России, значительна. Их положение также характеризуется как ситуация, в которой многие ущемлены в правах, они ниже оплачиваются, по сравнению с официальными гражданами, им не гарантируются многие социальные блага. Нередко они подвергаются если не прямой, то косвенной этнической и религиозной дискриминации.

И, наконец, прекариат пополняют стажёры и часть студенчества, которые претендуют на то, чтобы занять в обществе и профессии устойчивое положение. Эта часть молодёжи находится в состоянии неопределённости, соглашаясь на случайные и непостоянные виды занятости, часто ниже своих возможностей и оправданных претензий занять достойное место в жизни.

Таким образом, в России, как и во всём мире, в конце XX – начале XXI в. появился новый социальный класс — прекариат, который характеризуется временной или частичной занятостью, носящей непреходящий, постоянный и устойчивый характер. Его численность постоянно растёт, в том числе и за счёт людей, пока имеющих постоянную занятость и часто относящихся к среднему классу.

Основные черты прекариата

Прежде всего, для прекариата характерно неустойчивое социальное положение, ведущее к «деинтеллектуализации труда» [5], деформации трудового процесса. Это касается не только мелких и средних производителей, но и таких гигантов, как Газпром, Роснефть, IBM. Последняя уже объявила о сокращении

штата работающих почти на одну четверть, что коснётся 110 тыс. работников.

Особо подчеркнём, что массовое лишение рабочих мест затронет не только рабочих, но и все слои населения и даже часть среднего класса, который нередко представляется как образец стабильности и ориентир для подражания.

Провозглашаемое неолибералами гибкое использование трудовых ресурсов оборачивается для работника *потерей или снижением социального статуса*. И эта угроза серьёзно волнует людей. По данным Всероссийского исследования экономического сознания (РГГУ, 2014 г., 8 федеральных округов, 1750 чел.), 27,2% опрошенных считают, что испытывают беспомощность в попытках повлиять на происходящее, и 39,3% — ощущение несправедливости [6].

Сегодня в российской экономике сложилась ситуация, когда люди, которые по своим потенциальным возможностям и способностям вправе претендовать на соответствующую занятость, вынуждены соглашаться на менее оплачиваемую и непрестижную работу. Возникает *стабильный диссонанс*. Он особенно характерен для молодёжи, которая начинает свой жизненный путь и вынуждена соглашаться с предложенными условиями, но в то же время с надеждой, что это кратковременное явление, имеющее ситуативные издержки. Но и в таком случае в сознание этой группы закладывается ощущение несправедливости.

Не менее важной характеристикой прекариата является *его социальная незащищённость, лишение его многих социальных гарантий*. Это проявляется не только в более низкой оплате труда — прекариат лишён гарантий по охране здоровья, помощи в обучении детей, в организации отдыха. Как правило, этим людям «не грозят» не только регулярные, но и эпизодические поощрения. Статус временного работника освобождает работодателя от излишних затрат на содержание трудовых ресурсов, сокращает его

издержки, повышает доходность и, главное (мечта неолибералов), перекладывает заботу о нынешнем положении и будущей жизни на плечи самого работника «в целях формирования у него самостоятельности, ответственности и конкурентоспособности». Прекариат, как правило, не имеет никакой правовой защиты (или она минимальна, урезана), что могло бы обеспечить гарантии занятости в обмен на согласие подчиняться, выполнять общепринятые требования и соблюдать определённую лояльность. По данным всероссийского исследования (1207 чел., в возрасте от 18 лет, 12 регионов, 2012 г., РГГУ), только 20,2% респондентов признали, что их работа по найму и/или дополнительная работа были официально оформлены трудовым соглашением с работодателем или уполномоченным им органом.

Прекариат лишён перспектив, не видит будущего при нынешнем устройстве общества и государства. На деле это означает отказ от профессиональной карьеры, роста, перспектив.

Признание и отказ от этой установки в жизни дополняются тем, что *доход у прекариата нестабилен, случаен, колеблется в зависимости от самых различных обстоятельств.* Отсутствие уверенности в будущем переносится и на членов семьи, на ближайшее окружение, заставляя людей задуматься над путями выхода из создавшегося положения. В этой ситуации для людей возможны различные варианты поведения: а) смириться со сложившейся ситуацией, плыть по течению; б) искать варианты приспособления, используя кратко- или среднесрочные меры по стабилизации своей жизни; в) выступить с активными действиями, начиная с акций против правящего режима, или примкнуть к криминальной среде.

Прекариат по сути депрофессионален, ибо ему присуща частая смена мест приложения труда. И это не внутренняя потребность, а навязанная неолибераль-

ной экономикой линия поведения, касающаяся огромной массы людей, которые во всё большей мере работают не по полученной специальности. По выборочным исследованиям, если в 1995 г. только 17,6% не могли устроиться на работу по своей профессии, то в 2002 г. их было 37%, а в 2013 г. — уже 49,1% [2].

Каждый раз, теряя прежнее место работы, человек в большинстве случаев получает иную сферу приложения труда, требующего некоторого усреднённого знания и определённого набора навыков, чтобы выполнять поручаемую ему работу. Это особенно наглядно проявляется в судьбе выпускников университетов и других учебных заведений. И в этой ситуации, несмотря на различие путей поиска хоть какой-нибудь занятости, у всех представителей прекариата есть нечто общее — ощущение и понимание того, что их работа в большинстве случаев вынужденная, случайная, ненадёжная [1].

При определении имманентных качеств прекариата надо обязательно обратить внимание, что его положение характеризуется просто удивительным и поразительным обстоятельством. Многие из тех, кого относят к прекариату, ни разу не видели своего работодателя, не знают, кому принадлежат организации или предприятия, на которых они работают, не знают ни их планов по развитию или существованию, ни их будущего. Это положение, отличное от пролетариата, делает прекариат абсолютно отстранённым от всякого возможного влияния и воздействия на те органы управления, которые руководят ими.

Всё это позволяет сделать вывод, что мир столкнулся с *новым видом отчуждения*, с которым в таком обличье и в таком масштабе история ранее не встречалась. *Место пролетариата занял прекариат*, положение которого во многом схоже с тем, что занимал рабочий класс в XVIII–XX вв. *Прекариат комплектуется, складывается практически из всех слоёв современного общества, олицетво-*

ряет огромную массу людей, занимающих неустойчивое, нестабильное социальное положение, которое носит не временный, а длительный характер.

Место прекариата в структуре понятий о стратификации

Напомним, что в течение более чем двух столетий социальная мысль оперировала понятием «классовая структура». Основными классами были пролетариат (рабочий класс), буржуазия, крестьянство. Эта марксистская трактовка была несколько трансформирована в советский период: классами объявлялись рабочий класс и колхозное крестьянство, была ещё прослойка — интеллигенция и служащие.

Однако современный мир стремительно меняется. И не только в технико-технологическом, экономическом и политическом смысле. Меняется его социальная структура. Марксово представление о классах, в основе которого лежат отношение к собственности (средствам производства) и место человека в процессе труда, не в полной мере характеризует современное устройство общества. Однако *классовая структура никуда не исчезла — она приобрела иной вид и иные параметры*. А так как прежние ориентиры исчезли, начался поиск новых определений того социального состояния, которое характерно для большинства существующих в настоящее время обществ.

Реальная жизнь всё же требует ответить на вопрос, имеющий не только теоретическое, но и практическое значение: а какова социальная структура современного общества, в том числе и российского?

При поиске ответа на вопрос о социально-классовой структуре особое место заняла концепция среднего класса. Она приобрела особую популярность и получила значительное развитие. Этому классу приписывается сравнительно высокая материальная обеспеченность, стабильный потребительский спрос, социальный

престиж, гарантированная занятость, чувство автономности существования.

Наряду с таким *подходом в трактовке социальной структуры стали созревать иные представления, которые в основу её классификации ставили не доход и социальный престиж, а гарантии устойчивой трудовой занятости, наличие социальной защищённости, сохранения профессиональной идентификации и уверенность в будущем*. Это становилось чрезвычайно важным хотя бы потому, что слои населения, обладавшие этими характеристиками, стремительно росли за счёт не только рабочего класса и крестьянства, но и всех слоёв населения.

Однако такое осознание возникновения нового класса/слоя произошло не сразу.

Принципиально иной подход к осмыслению изменений в социальной структуре осуществили французские социологи в 1980-е гг., исследуя положение сезонных рабочих. П. Бурдьё расширил представление об этой группе, включив в анализ всё увеличивающуюся массу работников, занятых на временных и эпизодических работах. Именно тогда впервые появилось слово «прекариат».

К пониманию новой ситуации подошли и отечественные исследователи [1, 3] и публицисты [9–11], которые по-разному трактуют феномен прекариата, но все сходятся на том, что он представляет новое явление, с которым невозможно не считаться. *Наличие такого количества людей говорит не о некоторых издержках развития, а об устойчивой тенденции формирования нового социального класса — прекариата*.

Социальные последствия возникновения прекариата

Появление прекариата на исторической арене означает возникновение непредвиденных экономических, социальных, политических и культурно-нравственных эффектов, которые по своему значению и воздействию на жизнь обществ и государств превосходят известные ранее.

Эти группы начали складываться в 1960–1970-е гг. под воздействием идей и политики неолиберализма. Неолибералы категорически отрицали роль государства в решении экономических проблем, идеи централизованного планирования и регулирования. Они характеризовали мир и страны рыночной экономики как свободное пространство, в котором трудовая занятость, прибыль и соответственно инвестиции без всяких ограничений перетекают туда, где для капитала нет никаких ограничений. Более того, они выступили категорически против социал-демократической политики, которую в той или иной мере исповедовали в послевоенное время большинство стран Западной Европы. Неолибералы были убеждены, что социальные гарантии для рабочего класса, уступки профсоюзам неизбежно ведут к замедлению экономического роста, ускорению деиндустриализации, снижению эффективности производства. Они также доказывали, что развитие экономики, успешное повышение конкурентоспособности возможно в условиях, когда принципы рынка будут пронизывать не только экономику, но и все сферы жизни общества. В конечном счёте эта установка реализовала *основную цель неолибералов — переложить бремя рисков, все заботы об общественной и личной (приватной) жизни на плечи самих людей*. Либералы отказывались обращать внимание на тот факт, что такая организация экономики повышает уязвимость людей, делает их зависимыми от обстоятельств, на которые они не могут повлиять. Результатом *этой политики неолибералов стала изоцированная эксплуатация трудовых ресурсов*, которая максимально освобождает собственника от ответственности за нормальное существование миллионов людей и их семей. Так возник класс, который стали называть прекариатом.

С появлением и распространением политики гибкой занятости стало резко усиливаться социальное неравенство.

Классовая структура, характерная для индустриального общества, уступила место более сложному, но не менее классово обусловленному. В России, как во всём мире, все материальные и финансовые ресурсы во всё большей мере сосредотачиваются в руках небольшой группы людей [7].

Продолжается рост незащищённого или слабо защищённого населения. По данным всероссийского исследования экономического сознания (РГГУ, окт. 2012, 1207 чел.), 8% опрошенных боятся увольнения, а ещё 23,3% подтверждают, что такая угроза для них реально существует. Всё большее и большее число работников переходит в «подвешенное» состояние, образуя некую рыхлую, неопределённую и неустойчивую массу, которую волнует всё возрастающая нестабильность и неустойчивость её социального положения.

В силу такого состояния этот класс не будет базой социальной поддержки официальной политики, ибо у него нет никаких оснований занять удовлетворяющее его социальное положение. Прекариат непременно будет искать, сначала стихийными, а в будущем и организованными действиями, выход из неопределённости своего положения. *И хотя прекариат ещё не осознал себя «классом для себя», но это может произойти точно таким же образом, как это случилось и с пролетариатом, долгое время бывшим «классом в себе».*

Кроме того, у прекариата *ещё нет внятной политической программы, неясны его лидеры*, которые бы сплотили эти разнородные ряды, подсказали средства и методы отстаивания своих интересов. Но несомненно одно: уровень недовольства в обществе произрастает в основном из этих рядов, а не из андеркласса и пауперизованных слоёв населения. Стоит особо подчеркнуть, что недовольство копится также среди той части молодых интеллектуалов, которые внешне благополучны и устроены, но не чувствуют гарантированной стабильности, возможно-

сти строить профессиональную карьеру и обеспечить себе защищённое будущее.

Есть и другие негативные последствия, касающиеся в основном личной жизни людей. *Прекариат не имеет отчётливого видения своего будущего, не уверен в обеспеченности своей жизни и гарантированности спокойной старости после завершения трудовой деятельности.* В этой ситуации изменяется отношение к труду, к служебным обязанностям. Чтобы сохранить занятость, часть работников трудится на износ, стараясь доказать работодателям свою незаменимость, значимость и пользу, приверженность порученному делу, что нередко из-за перегрузок приводит к профессиональным заболеваниям, потере здоровья, истощению моральных и физических сил человека.

Происходят и духовно-нравственная деградация личности, потеря идеалов, веры в справедливость и правильное устройство мира.

Неуверенность в своей нынешней и будущей жизни сказывается и на такой важной социальной проблеме, как вступление в брак и намерение иметь детей. В силу неустойчивости жизненных позиций решение этого вопроса откладывается на «потом», когда будет достигнута хотя бы относительно гарантированная занятость.

Прекариат в значительной степени испытывает неуверенность в своём

нынешнем и будущем положении. Отсюда страх, неверие, разочарование и отрицание официальных структур. Многие ощущают себя жертвой обстоятельств, на которые они никак не могут повлиять. Именно такое состояние приводит к росту самоубийств, по численности которых Россия занимает четвёртое место в мире.

Всё это позволяет сделать вывод, что мы имеем дело с принципиально новым социальным образованием — прекариатом, который в настоящее время ещё в немалой степени несёт черты протокласса. Составляющие его социальные группы пока не выработали чувство солидарности, слабо или совсем не организованы, не имеют объединяющей, а только ещё смутно осознаваемой политической программы и соответствующей идеологии. Прекариат уже образует устойчивое социально-классовое образование, которое объединяет огромные массы людей и закрепляет их в статусе постоянной временности социального положения и отчётливого понимания ущербности и ограниченности в реализации своих возможностей и способностей. По мере осознания этих обстоятельств прекариат имеет тенденцию к превращению в опасное образование — новый класс, от сознания и поведения которого будет зависеть судьба страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бизюков П. Что такое прекариат? // Газета.ру. 2014. 1 мая.
2. Воловская Н.М., Плюснина Л.К., Русина А.В. Иноземцева А.В. Незанятое население и самозанятость в сибирском регионе // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 52–60.
3. Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 38–49.
4. Голодец О. 38 миллионов трудоспособных россиян заняты непонятно чем // Российская газета. 2013. 3 апреля.
5. Гринберг Р.С. Великая трансформация: невыученные уроки. М., 2009.
6. Жизненный мир Россиян: конец 1980-х – середина 2010 годов) /под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСП и М., 2016.

7. Зайцев Л.Н., Викулин Я.Н. В сейфах богачей и «народной казне» // Советская Россия. 2015. 24 января.
8. Истомина В. Кризис и безработица угрожают стране социальным взрывом // Версия. 2015. № 3:17.
9. Мармер Э. Что такое прекариат // Neue Zeit. 2009. № 5.
10. Мельник Е. Прекариат всех стран, соединяйся! // Еженедельник 2000 – Свобода слова. 2007. № 48. 30 ноября – 6 декабря.
11. Механик А. Униженные и оскорблённые современного мира // Эксперт. 2014. № 1. С. 16–21.
12. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Трудовые ценности самостоятельной и организованной занятости // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 81–93.
13. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.
14. Тощенко Ж.Т. Зарождение нового социального класса // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 3. С. 95–107.
15. Шкаратан О.И. и др. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России. 1994–2013) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 99–110.

ENGLISH

New in the social structure of society: precariat

Toshchenko Zhan Terentyevich is an associate member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, academic supervisor at the Sociology Department of the Russian State University for the Humanities, chief researcher of the Institute of Sociology, the Russian Academy of Sciences, project leader “Theoretical Thought in the Modern Global and Russian Sociology: Evolution of Ideas and Trends, Development Issues” (14-03-00352a).

E-mail: zhantosch@mail.ru

The article justifies the emergence of a new social class – precariat, explains the reasons of its emergence, its structure and key features. It shows how the ideas of precariat appeared in the academic circles, in the global and national social practice. The article identifies the main features of this class, compares it with other social groups. It reveals the specifics of this class, its place and role in the modern division of labor, its position on the labor market, the first sprouts of its identity as a “class for oneself”. The consequences of the existence and functioning of precariat are clarified.

Keywords: society, classes, precariat, proletariat, labor market, employment

REFERENCES

1. Bizyukov P. Chto takoe prekariat? // Gazeta.ru. 2014. 1 maya (in Russian).
2. Volovskaya N.M., Plyusnina L.K., Rusina A.V. Inozemtseva A.V. Nezanyatoye naselenie i samozanyatost' v sibirskom regione // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2015. № 5. S. 52–60 (in Russian).
3. Golenkova Z.T., Goliusova Yu.V. Novye sotsial'nye gruppy v sovremennykh stratifikatsionnykh sistemakh global'nogo obshchestva // Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika. 2013. № 3. S. 38–49 (in Russian).

4. Golodets O. 38 millionov trudospobnykh rossiyan zanyaty neponyatno chem // Rossijskaya gazeta. 2013. 3 aprelya (in Russian).
5. Grinberg R.S. Velikaya transformatsiya: nevyuchennye uroki. M., 2009 (in Russian).
6. Zhiznennyj mir Rossiyan: konets 1980-kh – seredina 2010 godov) /pod red. Zh.T. Toshchenko. M.: TsSP i M., 2016 (in Russian).
7. Zajtsev L.N., Vikulin Ya.N. V sejfakh bogachej i «narodnoj kazne» // Sovetskaya Rossiya. 2015. 24 yanvarya (in Russian).
8. Istomin V. Krizis i bezrobotitsa ugrozhayut strane sotsial'nym vzryvom // Versiya. 2015. № 3:17.
9. Marmer E. Chto takoe prekariat // Neue Zeit. 2009. № 5 (in Russian).
10. Mel'nik E. Prekariat vsekh stran, soedinyajsya! // Ezhenedel'nik 2000 – Svoboda slova. 2007. № 48. 30 noyabrya – 6 dekabrya (in Russian).
11. Mekhanik A. Unizhennye i oskorblyonnye sovremennogo mira // Ekspert. 2014. № 1. С. 16–21 (in Russian).
12. Strebkov D.O., Shevchuk A.V. Trudovye tsennosti samostoyatel'noj i organizovannoj zanyatosti // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2017. № 1. S. 81–93 (in Russian).
13. Standing G. Prekariat: novyj opasnyj klass. M., 2014 (in Russian).
14. Toshchenko Zh.T. Zarozhdenie novogo sotsial'nogo klassa // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2016. T. 86. № 3. S. 95–107 (in Russian).
15. Shkaratan O.I. i dr. Prekariat: teoriya i empiricheskij analiz (na materialakh oprosov v Rossii. 1994–2013) // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2015. № 12. S. 99–110 (in Russian).

УДК 316.472.4
ГРНТИ 04.21.41**И.А. ЗЕЛЕНЕВ,
В.А. ПРОХОДА***

Доверие и уровень образования жителей европейских стран и России

В статье рассматривается взаимосвязь доверия и уровня образования населения в контексте конвертации социального и культурного капиталов. Используется интегративный показатель, характеризующий уровень межличностного доверия в обществе. По данному показателю ранжированы европейские страны и российские федеральные округа. Делается вывод, что по уровню доверия Россия входит в число неблагоприятных европейских стран, при этом макрорегионы страны по этому показателю существенно варьируются. В большинстве европейских стран выявлена корреляция доверия и уровня образования, но в России, как и в большинстве федеральных округов, корреляция отсутствует, что может свидетельствовать о нарушении процесса взаимной конвертации социального и культурного капиталов. На основе иерархического кластерного анализа предложена классификация европейских стран и федеральных округов России.

Ключевые слова: доверие, социальный капитал, культурный капитал, федеральные округа, уровень образования, сравнительные социологические исследования

Образование является одним из важных факторов, связанных с уровнем доверия в обществе [1]. Анализируя данные социологического опроса «Георейтинг», проведенного Фондом «Общественное мнение» в 2005 г. в 68 российских регионах, Т.В. Натхов приходит к выводу, что уровень образования населения в регионе является единственным показателем, устойчи-

во коррелирующим с уровнем доверия [2, с. 353].

На основе анализа данных пятой волны ESS (2010 г.) О.В. Волченко констатирует, что количество лет очного обучения является значимой детерминантой доверия [3, с. 132]. Изучая межличностное доверие в России по результатам проведенного в 2005 г. Фондом «Общественное мнение» опроса населения,

* **Зеленев Илья Александрович** — научный сотрудник кафедры «Социальной психологии» факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, исполнитель проекта «Особенности социального капитала в регионах России: возможности эмпирического анализа» (14-03-00338а).
E-mail: Zelenev@yandex.ru

Прохода Владимир Анатольевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник кафедры «Философии образования» философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доцент Департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, исполнитель того же проекта.
E-mail: prohoda@bk.ru

Г.Л. Кертман пишет: «...среди обладателей среднего специального и в особенно-сти высшего образования, “доверчивых” — больше, а “недоверчивых” — меньше, чем среди тех, кто окончил лишь среднюю общеобразовательную школу или не получил среднего образования» [4, с. 14].

По результатам опроса, проведённого в рамках Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения в 2006 г., П.М. Козырева отмечает, что «склонность доверять другим людям в наибольшей мере характерна наименее образованным людям», во многом объясняя повышенную склонность к доверию молодым возрастом респондентов [5, с. 46]. Вероятно, наименее образованные россияне считают, что большинству людей можно доверять потому, что «...эти люди чаще включены в разные формы личностных отношений, в то время как более образованные граждане чаще функционируют в системах безличных, функциональных отношений» [6, с. 36].

Российские исследователи отмечают противоречивость данных о корреляции доверия и уровня образования [6]. При этом имеется дефицит научных публикаций по результатам социологических опросов *последних лет*, посвящённых этой теме.

Ранее нами отмечалось отсутствие корреляции между доверием и наличием у россиян высшего образования [7]. Интерпретируя данный феномен, можно предположить, что в современной России формируется такая модель приращения социального капитала, когда в конкретных социальных группах он накапливается, но это не ведёт к повышению уровня доверия в обществе в целом. Вероятно, поэтому в нашей стране обладание высшим образованием не даёт существенных преимуществ и не способствует, в отличие от большинства европейских стран, повышению успешности социального взаимодействия человека, основанного на доверии.

Доверие является одним из основных индикаторов социального капитала. Под социальным капиталом понимается потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, формируемый в межличностных отношениях, то, что облегчает индивидуальные или коллективные действия, генерирует сети отношений, взаимности, доверия и социальные нормы [8]. Роберт Патнэм определяет социальный капитал как традиции социального взаимодействия, уходящие вглубь истории, предполагающие нормы взаимности и доверия между людьми [9]. По Пьеру Бурдье, социальный капитал используется человеком для повышения своего статуса; отражает социальные связи человека; зависит от размера сети связей и объёма экономического, культурного или символического капитала, которым обладает индивид. Основопологающие компоненты культурного капитала — это образовательные квалификации, «богатство» в форме знания или идей [10].

Доверие является фундаментальным условием взаимодействия человека с миром, это системообразующий компонент общности «мы» [11]. В свою очередь, недоверие — это психологическая основа для недифференцированной агрессии и всевозможных форм деструктивного поведения [12]. Сказанное во многом можно отнести и к макросоциальному уровню, например к жителям страны или региона.

Для оценки взаимосвязи межличностного доверия с уровнем полученного образования у россиян и жителей других европейских стран обратимся к материалам «Европейского Социального Исследования» («The European Social Survey» — ESS). В рамках этого проекта с 2002 г. ведётся сравнительное изучение установок, взглядов, ценностей и поведения населения в возрасте 15 лет и старше. Социологические опросы проводятся каждые два года в трёх десятках европейских стран (Россия участвует в «ESS» с 2006 г.). Выборка — более 50 тыс. интервью во всех странах в каждую волну, 1500–3000 ин-

тервью в каждой стране по репрезентирующей население выборке.

На первом этапе мы проанализировали ответы респондентов на три следующих вопроса (опрос 2014 г.).

1. Скажите, пожалуйста, Вы считаете, что большинству людей можно доверять, или Вы склоняетесь к мнению, что даже излишняя осторожность в отношениях с людьми не мешает?
2. Как Вы думаете, большинство людей постарались бы Вас использовать, если им представилась такая возможность, или же, на Ваш взгляд, люди стараются вести себя с вами честно?
3. По Вашему мнению, в большинстве случаев люди стараются помочь другим, или они чаще всего заботятся только о себе?

Для каждого вопроса использовалась шкала ответов от 0 до 10 баллов, где «0» означает самый низкий уровень доверия и участия, а «10» — максимальный уровень.

По результатам проведённого факторного анализа ответов на эти вопросы (использован метод главных компонент; привлечена только одна компонента; решение не может быть повернуто; мера выборочной адекватности КМО = 0,69; объяснённая дисперсия 67%) выяснилось, что они группируются в один фактор с факторными нагрузками от 0,79 до 0,84. Последнее даёт основания использовать единый интегративный показатель, характеризующий уровень доверия в обществе. Этот же фактор получается в результате обработки данных социологических опросов, проведённых в предыдущие волны ESS (2006–2012 гг.).

Страны — участницы ESS-2014 и российские федеральные округа (ФО) были ранжированы в порядке возрастания среднего значения полученного фактора (т.е. чем выше показатель доверия в стране/федеральном округе, тем больше ранг). Это позволило «расположить» страны в соответствии с их рангами

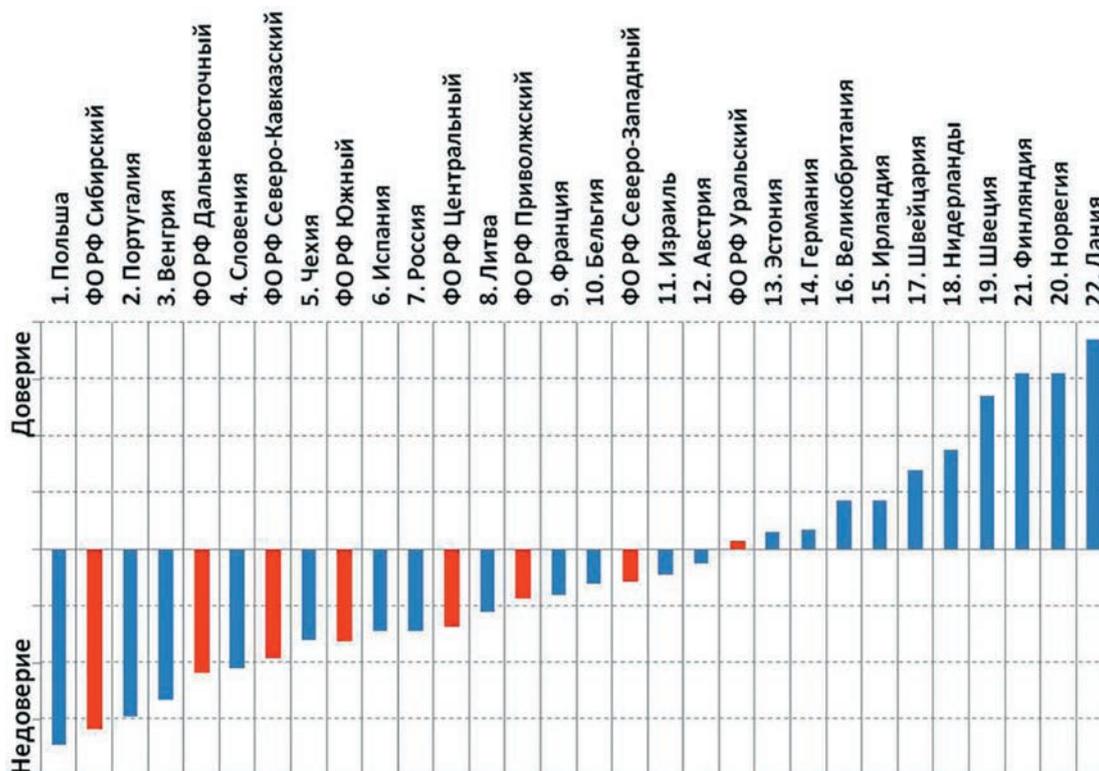

Рис. 1. Уровень «Недоверия — Доверия» в 22 странах и 8 российских ФО, 2014 г. (расположены в порядке возрастания среднего факторного значения по характеристике «Недоверия — Доверия»)

на континууме «Недоверие (-) – Доверие (+)» (рис. 1). Ближе всего к полюсу «Доверие» находится Дания (ранг 22), а к полюсу «Недоверие» – Польша (ранг 1). Ранг нашей страны (ранг 7) нельзя назвать социально благополучным. Как свидетельствуют результаты ESS-2008 – ESS-2012, Россия стабильно попадает в число «скорее неблагоприятных» стран по уровню межличностного доверия [13].

Анализ данных в разрезе федеральных округов показал, что за 2006–2014 гг. по каждому из них в отдельности, как и по России в целом, выявлена отчетливая положительная динамика уровня межличностного доверия. Исключение составляет только – Дальневосточный ФО, где в 2014 г. этот показатель оказался немного ниже, чем в 2006 г. [7].

Самыми неблагоприятными в РФ по рассматриваемой характеристике в 2014 г. оказались Сибирский и Дальневосточный федеральные округа, относительно благополучными – Северо-Западный и Ураль-

ский ФО, расположившиеся ближе друг к другу к полюсу «Доверие». Тем не менее, по уровню межличностного доверия они отставали от 10 европейских стран.

Взаимосвязь доверия и уровня образования

С учётом национальных различий в системах образования разных стран была применена постгармонизация данных по России в шкалу Международной классификации образования (ES-ISCED) – табл. [14, 15].

Далее был рассчитан коэффициент корреляции между фактором «Недоверие – Доверие» и уровнем образования респондента. Из данных, представленных на рис. 2, следует, что в большинстве европейских стран имеет место значимая (для всех полученных коэффициентов уровень значимости $< 0,05$; а для большинства $< 0,01$) прямая корреляция, т.е. чем выше уровень образования респондента, тем выше степень межлич-

Таблица

Международная классификация образования (ES-ISCED)

Уровень ES-ISCED	Отечественная система образования
<i>ES-ISCED I. Меньше базового среднего</i>	Отсутствует аттестат об основном общем образовании
<i>ES-ISCED II. Базовое среднее</i>	Получен аттестат об основном общем образовании, при этом отсутствует какое-либо профессиональное образование либо имеется начальное профессиональное образование без среднего общего образования
<i>ES-ISCED III-b. Высший уровень среднего общего, профессиональное, но без доступа к уровню V-1</i>	Получен аттестат об основном общем образовании, при этом отсутствует какое-либо профессиональное образование либо имеется начальное профессиональное образование без среднего общего образования
<i>ES-ISCED III-a. Высший уровень среднего общего, с или без доступа к уровню V-1</i>	Имеется законченное среднее общее образование, но не получено профессиональное образование, либо получено начальное профессиональное образование со средним общим образованием
<i>ES-ISCED IV. Среднее профессиональное</i>	Имеется среднее профессиональное образование
<i>ES-ISCED V-1. Базовый уровень высшего, бакалавр</i>	Имеется диплом бакалавра
<i>ES-ISCED V-2. Высший уровень высшего, магистр или больше</i>	Имеется диплом магистра, либо законченное высшее образование по 5-6-летней системе, либо научная степень

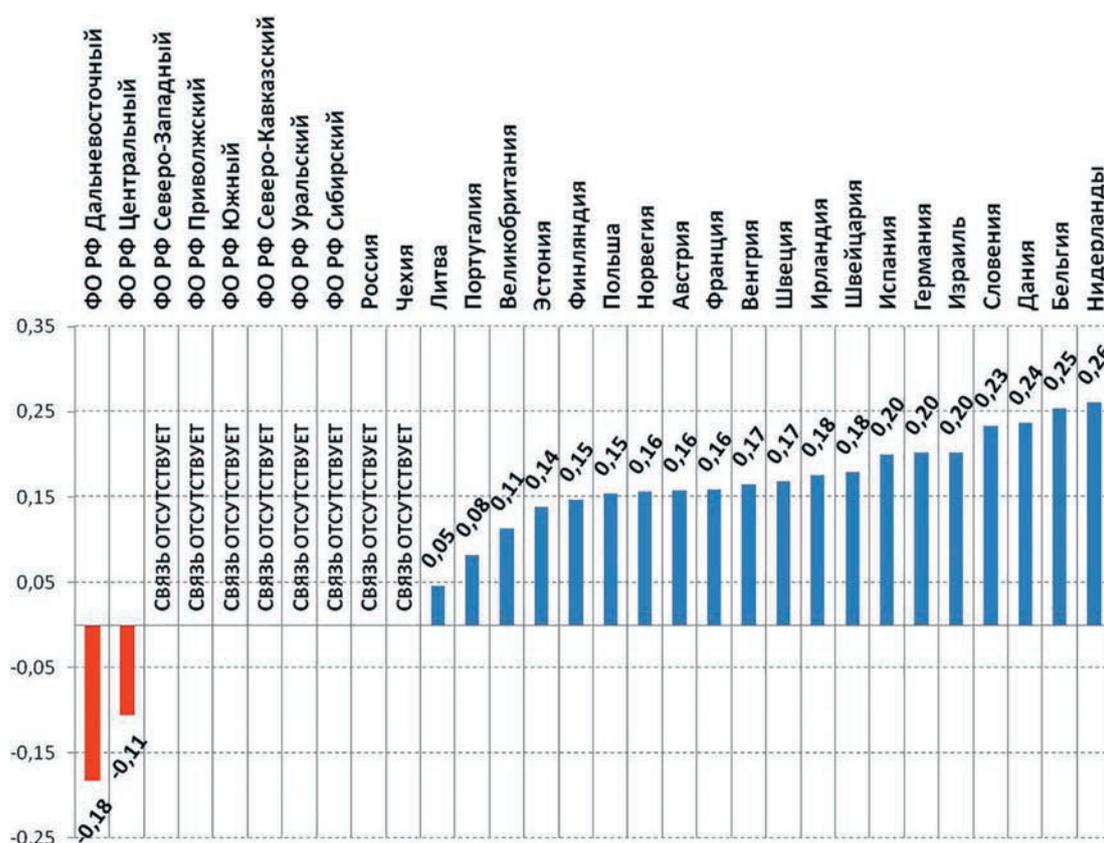

Рис. 2. Взаимосвязь между доверием и уровнем образования респондентов в 22 странах и 8 российских ФО (коэффициент корреляции r по Спирмену), 2014 г. (расположены в порядке возрастания коэффициента корреляции)

ностного доверия. Только в России и Чехии данная взаимосвязь не выявлена. Последнее относится и к большинству российских федеральных округов, при этом в Дальневосточном и Центральном фиксируется отрицательная корреляция.

На следующей диаграмме (рис. 3) страны и ФО России изображены в двухмерной системе координат. Фактор «Недоверие – Доверие» является *вертикальной осью*. По *горизонтальной оси* измеряется коэффициент корреляции Спирмена. Позиционирование каждой страны в соответствии с её показателями в двухмерной системе координат – это интегративная характеристика, позволяющая получить более ценное в содержательном плане, комплексное представление о ситуации в стране. При этом страны или ФО, расположенные на рис. 3 близко друг к другу, схожи по рассматриваемым показателям.

Левый нижний угол диаграммы условно назовём «неблагополучным»: чем ближе к нему расположена страна, тем ниже в ней уровень доверия и меньше коэффициент корреляции между фактором «Недоверие – Доверие» и уровнем образования респондента. В группу «аутсайдеров» по двум рассматриваемым характеристикам входят все восемь федеральных округов, Россия в целом, Чехия, Литва и Португалия. В Центральном и Дальневосточном ФО (последний оказался ближе всех к «неблагополучному» углу) выявлена отрицательная корреляция. Таким образом, ситуацию по этим округам можно оценить как «явно неблагоприятную»: здесь *высокому* уровню полученного образования сопутствует *низкий* уровень доверия!

Правый верхний угол диаграммы на рис. 3 – «благополучный»: чем ближе к нему страна, тем более благоприятная ситуация. На диаграмме видно, что евро-

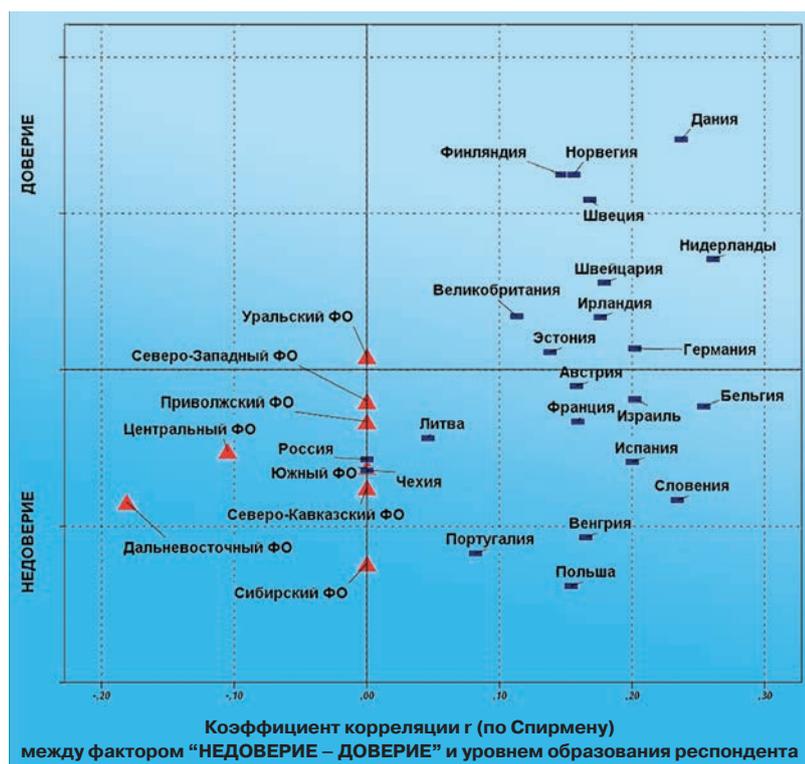

Рис. 3. Позicionирование 22 стран и 8 российских ФО как объектов на координатной плоскости в соответствии со значениями по двум показателям, 2014 г.

пейскими «лидерами» социального благополучия в этом контексте являются Дания, Норвегия, Финляндия, Швеция и Нидерланды.

Для верификации результатов рассчитывались коэффициенты корреляции в конкретной стране и федеральных округах между фактором «Недоверие – Доверие» и количеством лет обучения респондента в различных учебных заведениях. Полученная картина – аналогична представленной на рис. 3.

Для решения следующей исследовательской задачи потребовалось создание в базе данных новой, бинарной переменной для каждого уровня Международной классификации образования (ES-ISCED). С учётом ограничений использования коэффициента ранговой корреляции Спирмена применительно к бинарным переменным полученные результаты были перепроверены. Для этого использовались коэффициент корреляции Пирсона и бинарная логистическая регрессия. Принципиальной

разницы в результатах не обнаружено.

Проведённый затем иерархический кластерный анализ показал, что в зависимости от наличия связи между доверием и образованием, а также различными уровнями образования страны можно разделить на два кластера. Первую многочисленную группу составили Австрия, Бельгия, Великобритания, Венгрия, Германия, Дания, Израиль, Ирландия, Испания, Нидерланды, Норвегия, Польша, Словения, Финляндия, Франция, Швейцария, Швеция, Эстония. Здесь выявлена сравнительно сильная положительная корреляция между доверием и уровнем образования. Применительно к отдельным уровням образо-

вания эти страны отличаются наличием прямой связи доверия с высшим образованием, а также обратной связи как минимум с одним из низких уровней (как, например, в Норвегии, Польше, Эстонии), а в большинстве случаев – с двумя или тремя низкими уровнями образования. Можно предположить, что высшее образование в этих странах, с одной стороны, формирует и поддерживает привычки, навыки, ценности, компетенции, необходимые для социального взаимодействия; а с другой – высшее образование оказывается существенным фактором приращения социального капитала.

Во второй группе (кластере) оказались четыре государства: Литва, Португалия, Россия, Чехия. Этот кластер характеризуется отсутствием (Россия, Чехия) или наличием слабой по европейским меркам (Литва, Португалия) прямой связи доверия с высшим образованием. Кроме того, в данном кластере отсутствует (как в России) или имеет место слабая отри-

цательная корреляция с *низкими уровнями образования*. Можно сказать, что получение образования в странах второй группы не взаимосвязано (Россия, Чехия) или слабо взаимосвязано (Литва, Португалия) с социальным капиталом. Сложившаяся ситуация может объясняться не только специфической моделью приращения социального капитала, когда накопление доверия в конкретных социальных группах ведёт к снижению уровня доверия в обществе в целом (о чём упоминалось выше), но и дисфункцией высшего образования как социального института. Под дисфункцией высшего образования подразумевается нарушение его нормативного взаимодействия с социальной средой. В частности, потребность приращения социального капитала не находит адекватного отражения в функциях высшего образования. Например, у студента в процессе обучения в вузе не формируются компетенции, необходимые для роста социального капитала; либо студент, обладающий соответствующими компетенциями, лишён возможности их конвертации в социальный капитал.

Что же касается российских макрорегионов, то сравнительный анализ показывает, что в большинстве случаев значимой связи между доверием и уровнями образования нет. В Сибирском ФО прямая связь наблюдается только с законченным средним общим образованием. Уральский ФО характеризуется наличием отрицательной корреляции с уровнем «базовое среднее образование». Особая ситуация складывается в Дальневосточном ФО, где одновременно фиксируется наличие сравнительно сильной прямой связи доверия с уровнем «базовое среднее образование» и сильной отрицательной корреляции со средним профессиональным образованием.

При повторном проведении кластерного анализа с включением российских федеральных округов во второй кластер вошли всё те же четыре страны (Литва,

Португалия, Россия, Чехия) и все российские макрорегионы за исключением Дальневосточного ФО, ситуация в котором настолько специфична как для России, так и для Европы в целом, что он попадает в отдельный кластер.

Выводы

Проведённый анализ показал, что по уровню межличностного доверия Россия стабильно входит в число «скорее неблагоприятных» европейских стран.

Уровень доверия в российских макрорегионах существенно варьируется от Сибирского ФО, где он минимален, до Северо-Западного и Уральского федеральных округов, в которых показатель сопоставим со среднеевропейскими значениями.

В большинстве европейских стран имеет место *адекватный* характер социального взаимодействия, при котором уровень образования связан с доверием как индикатором социального капитала.

В России отсутствие взаимосвязи между социальным капиталом и наличием высшего образования может объясняться как специфической моделью приращения этого капитала, так и дисфункцией высшего образования.

В нашей стране в целом и большинстве ФО отсутствует связь между доверием и уровнем образования, что может свидетельствовать о нарушении процесса взаимной конвертации социального и культурного капиталов.

Похожая ситуация наблюдается только в Чехии. Определённые проблемы с подобной конвертацией имеют место в Литве и Португалии.

На общероссийском фоне выделяются Дальневосточный и Центральный ФО, в которых доверие отрицательно коррелирует с уровнем образования. В данных макрорегионах *чем выше* у респондентов уровень образования, *тем ниже* уровень межличностного доверия. В то же время люди с *низким* уровнем образования *больше* доверяют социальному окружению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Helliwell J., Putnam R. Education and Social Capital // Eastern Economic Journal. 2007. Vol. 33. № 1. Pp. 1–19.
2. Натхов Т.В. Образование и доверие в России. Эмпирический анализ // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2011. № 3. С. 353–373.
3. Волченко О.В. Доверие как продукт вовлечённости в информационные потоки // Мониторинг общественного мнения. 2014. № 4 (122). С. 128–140.
4. Кертман Г.Л. Межличностное доверие в России // Социальная реальность. 2006. № 4. С. 7–24.
5. Козырева П.М. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 43–54.
6. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / Отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсиянова. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2013.
7. Зеленев И.А., Прохода В.А. Доверие и высшее образование: сравнение России и других европейских государств // Философские науки. 2016. № 10. С. 107–115.
8. Coleman J. Social Capital in the Creation of Human Capital // The American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. Pp. 95–120.
9. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии / Пер. с англ. А. Захаров. М.: Ad Marginem, 1996.
10. Bourdieu P. The forms of capital // Handbook of theory and research for sociology of Education / Ed. by J. Richardson. New York: Greenwood Press, 1986. Pp. 241–258.
11. Скрипкина Т.П. Психология доверия. М.: Академия, 2000.
12. Лабунская В.А. Социально-психологические презентации толерантного / интолерантного межличностного общения. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет, 2002.
13. Зеленев И.А. Макропсихологическая ситуация и толерантность/интолерантность в России и других европейских странах // Вопросы психологии. 2015. № 6. С. 68–83.
14. The measurement of educational attainment in the ESS [Электронный ресурс]. URL: http://www.europeansocialsurvey.org/docs/round6/survey/ESS6_appendix_a1_e02_0.pdf (дата обращения: 20.08.2016).
15. Андрееенкова А.В. Сравнительные межстрановые исследования в социальных науках: теория, методология, практика. М.: Новый хронограф, 2014.

ENGLISH

Trust and Level of Education among the Europeans and Russians

Zelenev Ilya Aleksandrovich is a research fellow of Social Psychology, Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University, project owner “Features of Social Capital in the Russian Regions: Opportunities of Empirical Analysis” (14-03-00338a).

E-mail: Zelenev@yandex.ru

Prokhoda Vladimir Anatolievitch is PhD (equivalent to Candidate of Sciences) in Sociology, senior researcher of Philosophy of Education, Department of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, associate professor of the Department of Sociology, the Financial University under the Government of the Russian Federation, researcher in the same project.

E-mail: prohoda@bk.ru

The article deals with the correlation of people’s trust and the level of education in the context of the conversion of social and cultural capital.

The integrative measure of the interpersonal trust level in the society is used. The European countries and the Russian federal districts are ranked according to this indicator. It is concluded that Russia ranks among the troubled European countries in terms of its level of trust, while this indicator in the Russian macro-regions varies considerably. A correlation of trust and level of education is identified in most European countries, but it lacks in Russia, as well as in the most federal districts. This may indicate a violation of mutual conversion of social and cultural capitals. A classification of the European countries and the Russian federal districts is offered on the basis of the hierarchical cluster analysis.

Keywords: trust, social capital, cultural capital, federal districts, level of education, comparative social research

REFERENCES

1. Helliwell J., Putnam R. Education and Social Capital // *Eastern Economic Journal*. 2007. Vol. 33. № 1. Pp. 1–19.
2. Natkhov T.V. Obrazovanie i doverie v Rossii. Empiricheskij analiz // *Ekonomicheskij zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*. 2011. № 3. S. 353–373 (in Russian).
3. Volchenko O.V. Doverie kak produkt vovlechyonnosti v informatsionnye potoki // *Monitoring obshchestvennogo mneniya*. 2014. № 4 (122). S. 128–140 (in Russian).
4. Kertman G.L. Mezhlichnostnoe doverie v Rossii // *Sotsial'naya real'nost'*. 2006. № 4. S. 7–24 (in Russian).
5. Kozyreva P.M. Mezhlichnostnoe doverie v kontekste formirovaniya sotsial'nogo kapitala // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2009. № 1. S. 43–54 (in Russian).
6. Doverie i nedoverie v usloviyakh razvitiya grazhdanskogo obshchestva / *Otv. red. A.B. Kuprejchenko, I.V. Mersyanova*. M.: ID NIU VSHE, 2013 (in Russian).
7. Zelenev I.A., Prokhoda V.A. Doverie i vysshee obrazovanie: sravnenie Rossii i drugikh evropejskikh gosudarstv // *Filosofskie nauki*. 2016. № 10. S. 107–115 (in Russian).
8. Coleman J. Social Capital in the Creation of Human Capital // *The American Journal of Sociology*. 1988. Vol. 94. Pp. 95–120.
9. Patnem R. Chtoby demokratiya srabotala: grazhdanskije traditsii v sovremennoj Italii / *Per. s angl. A. Zakharov*. M.: Ad Marginem, 1996 (in Russian).
10. Bourdieu P. The forms of capital // *Handbook of theory and research for sociology of Education* / Ed. by J. Richardson. New York: Greenwood Press, 1986. Pp. 241–258.
11. Skripkina T.P. *Psikhologiya doveriya*. M.: Akademiya, 2000 (in Russian).
12. Labunskaya V.A. *Sotsial'no-psikhologicheskie prezentatsii tolerantnogo/intolerantnogo mezhlichnostnogo obshcheniya*. Rostov-na-Donu: Rostovskij gosudarstvennyj universitet, 2002 (in Russian).
13. Zelenev I.A. Makropsikhologicheskaya situatsiya i tolerantnost'/intolerantnost' v Rossii i drugikh evropejskikh stranakh // *Voprosy psikhologii*. 2015. № 6. S. 68–83 (in Russian).
14. The measurement of educational attainment in the ESS [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.europeansocialsurvey.org/docs/round6/survey/ESS6_appendix_a1_e02_0.pdf (data obrashcheniya: 20.08.2016).
15. Andreenkova A.V. *Sravnitel'nye mezhstranovye issledovaniya v sotsial'nyh naukakh: teoriya, metodologiya, praktika*. M.: Novyj khronograf, 2014 (in Russian).

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕУДК 811.161.1
ГРНТИ 16.21.25**В.М. КРУГЛОВ*****«Ведомости» эпохи Петра I
как источник по истории русского
литературного языка**

Газета «Ведомости», учреждённая Петром I и издававшаяся с 1703 г., является ценным источником по истории русского литературного языка. Пётр I уделял газете большое внимание и принимал участие в создании отдельных её номеров. Он отбирал для перевода статьи из иностранных газет, редактировал текст, являлся автором некоторых материалов.

«Ведомости» предоставляют возможность изучить хронологию формирования и эволюцию новых норм литературного языка в первые десятилетия XVIII в.; конкретное лингвистическое содержание языковой политики Петра I; содержание новых норм в первые годы XVIII в. до появления изданий, напечатанных гражданским шрифтом; отличительные черты переводных и оригинальных фрагментов текста, а также фрагментов, напечатанных церковным кириллическим и гражданским шрифтами. Лингвистический анализ «Ведомостей», изданных в 1703–1709 гг., подтверждает предположение о том, что формирование литературного языка, появившегося под влиянием культурных реформ и языковой политики Петра I, начинается уже в первом десятилетии XVIII в.

Ключевые слова: русский язык, история литературного языка, XVIII век, газета «Ведомости», исторический синтаксис

В истории русского литературного языка Петровская эпоха является периодом окончательного разрушения славяно-русского двуязычия [1]. Хаотическое смещение старых и новых речевых элементов, борьбу церковной и «гражданской» языковых

систем, беспорядочное столкновение и механическое сцепление национальных и чужезычных форм речи увидел в языковой ситуации начала XVIII в. акад. В.В. Виноградов. Учёный считал, что уже на этом своеобразном фоне появляются «ростки новых стилей повествования

* **Круглов Василий Михайлович** — доктор филологических наук, заведующий лабораторией Института лингвистических исследований РАН, руководитель проекта «Эволюция норм русского литературного языка в эпоху Петра I (на материале газеты “Ведомости” 1703–1719 гг.)» (16-04-00385а).
E-mail: vmkruglov@yandex.ru

и лирического выражения», начинается постепенное формирование новых норм литературного языка [2, с. 75; 3].

Непосредственное влияние на процесс образования новых норм оказали культурные реформы и языковая политика Петра I, включавшая как события «внешние», символические, однако полные глубокого значения, — реформу азбуки и введение гражданского шрифта [2, с. 74], так и наполненное конкретным лингвистическим содержанием стремление «упростить» язык текстов светской тематики [4, с. 88–110], в связи с чем особого внимания исследователей заслуживают тексты, в которых языковые взгляды Петра I могли найти непосредственное отражение. К таким текстам несомненно относится газета «Ведомости» — первая печатная газета на русском языке, основанная именным указом от 16 декабря 1702 г. [5, с. 201].

«Ведомости» продолжали многолетнюю традицию «Курантов» — рукописной газеты, которая на протяжении всего XVII в. составлялась переводчиками Посольского приказа для царя и его окружения. Первоначально «Куранты» представляли собой собрание документов разных типов: писем иностранных корреспондентов, воеводских отписок из пограничных городов, расспросных речей лиц, побывавших за границей, записей бесед с иностранцами и т.п. С середины XVII в. это уже преимущественно подборка переводов из европейских газет [6, с. 3]. При подготовке «Ведомостей» привлекались те же немецкие, французские, голландские, итальянские и польские источники, что и при подготовке «Курантов». Сходство обеих газет этим, однако, не ограничивалось и касалось также формы изложения, подбора фактов и приёмов составления отдельных номеров. В «Ведомости» включались и оригинальные материалы. Это были письма и рапорты с рассказами о событиях из русской жизни, а также донесения послов о жизни западных государств [7, с. 39, 41, 48, 50].

Первые восемь лет «Ведомости» печатались на Московском печатном дворе, а с 1711 г. один и тот же номер (хотя и не во всех случаях) печатался и в Москве, и в Санкт-Петербурге. Номера, изданные в Петербурге, обычно появлялись позже московских и, как правило, представляли собой простую перепечатку последних. Иногда они могли содержать небольшие изменения и дополнения, а в редких случаях — и существенные отличия. С 1719 г. издание «Ведомостей» было перенесено в Петербург, а Фёдору Поликарпову в Москве было велено печатать и продавать их копии. В 1727 г., уже после смерти Петра I, издание газеты было передано в ведение Академии наук, и, таким образом, история «Ведомостей» распадается на два периода — до и после 1727 г. [7, с. 90, 91].

В разные годы тираж газеты составлял от ста (например, № 7 и 8 за 1710 г.) до нескольких тысяч экземпляров (например, номер от 22 марта 1703 г. — 4000 экз.). С 1703 по 1709 г. «Ведомости» печатались только церковным кириллическим шрифтом (фото 1). Первый номер, отпечатанный гражданским шрифтом, увидел свет только 1 февраля 1710 г., и в течение пяти лет одни номера печатались по-старому, другие — по-новому, пока в 1715 г. гражданский окончательно не вытеснил кириллический (фото 2, 3) [7, с. 77–84, 88].

По справедливому мнению А.Н. Неустроева, Пётр I может считаться не только основателем «Ведомостей», но и первым их редактором. Известно, что он «сам назначал карандашом для перевода и помещения в них места из голландских газет, даже сам занимался чтением корректуры» [8, с. 1]. Так, в письме от 4 марта 1709 г. И.А. Мусин-Пушкин сообщал Ф. Поликарпову, что «изволил великий государь говорить, не надобно писать Реляция, но Ведомости, писанные из которого места присланы». Сохранились экземпляры, свидетельствующие о том, что царь следил за изданием газеты в тече-

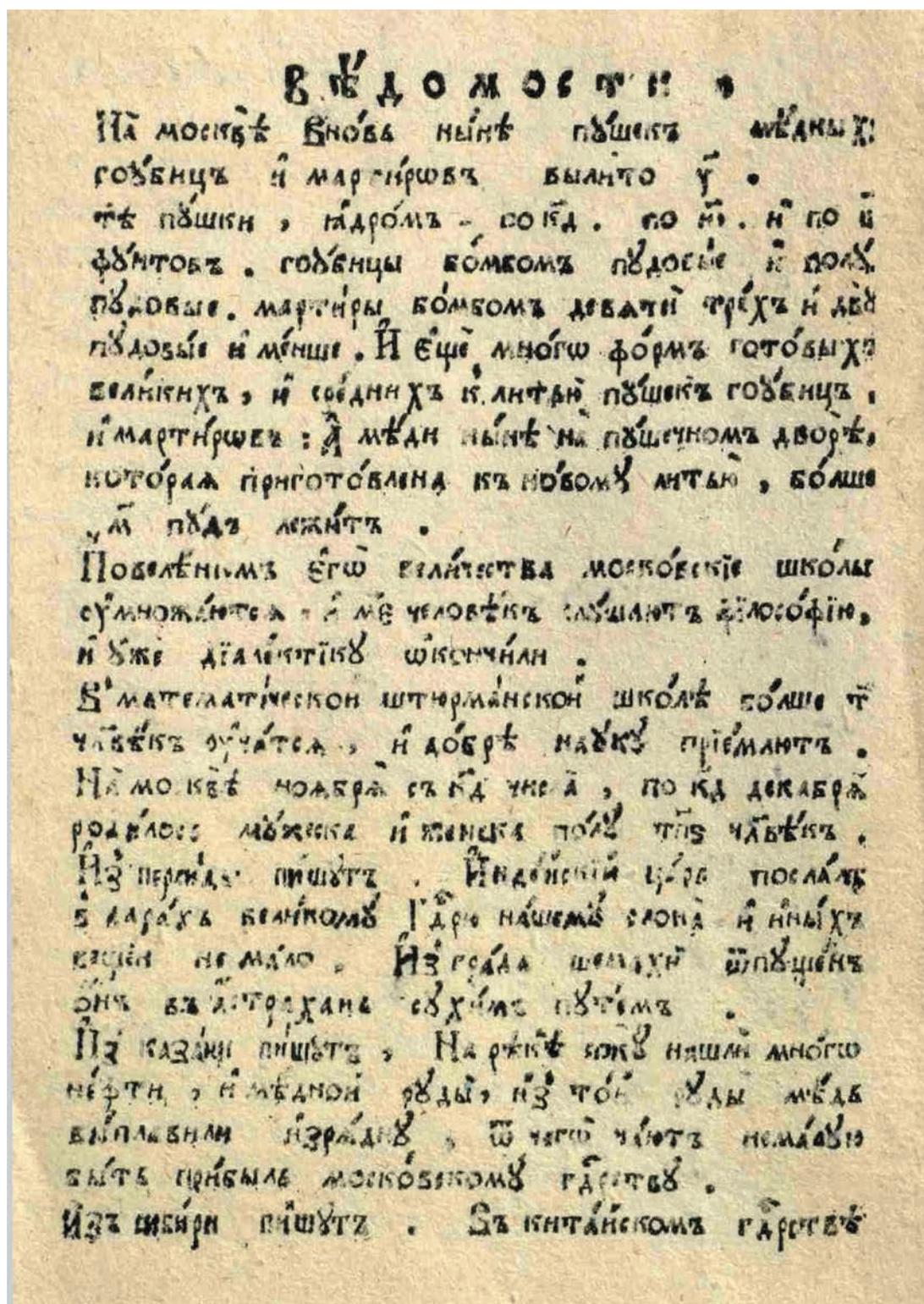

Фото 1. Напечатанный кириллицей первый номер газеты «Ведомости» за 1703 г.

ние долгого времени и собственноручно правил не только первый, но и другие, более поздние номера (в частности, № 1 за 1714 г.). Установлено также, что он яв-

ляется автором некоторых оригинальных материалов, относящихся к «русским известиям» и представляющих собой письма и донесения (например, № 16 за 1703 г.,

№ 11–14 за 1708 г.; № 9–12 за 1709 г.; № 15, 17, 19 за 1710 г.; № 1 за 1713 г.; № 13 за 1719 г.) [7, с. 49, 50, 55–56, 87].

В настоящее время экземпляры «Ведомостей» хранятся в нескольких собраниях: в Российской государственной библиотеке (РГБ), в Российской национальной библиотеке (РНБ), библиотеке Московского государственного университета, а также в Российском государственном архиве древних актов, где имеются и их рукописные оригиналы [9]. В начале XX в. к 200-летию юбилею газеты было осуществлено её двухтомное наборное переиздание. Первый том составили номера, вышедшие с 1703 по 1707 г., во второй — с 1708 по 1719 [10]. В качестве верхней хронологической границы 1719 год был выбран во многом случайно, о чём в предисловии ко второму тому сообщают сами издатели. Свой выбор они объясняют «чисто внешней технической стороной дела» — «равномерностью томов» (первого и второго. — В.К.), а в качестве возможного содержательного объяснения ссылаются на то обстоятельство, что уже в следующем, 1720 г., Посольский приказ был преобразован в Коллегию иностранных дел [7, с. 48]. Больше тексты «Ведомостей» не переиздавались. В 2004 г. к 300-летию газеты в рамках совместного проекта РГБ и РНБ на четырёх дисках была выпущена электронная коллекция, содержащая сканированные копии «Ведомостей» за 1703–1727 гг.

Таким образом, газета «Ведомости», издававшаяся в петровское время, является ценным источником по истории русского литературного языка. Она интересна тем, что позволяет, во-первых, изучить хронологию формирования новых норм и их эволюцию на протяжении первых

десятилетий XVIII в.; во-вторых, проанализировать языковую политику Петра I, изучить её конкретное лингвистическое содержание; в-третьих, изучить содержание новых норм в первые годы XVIII в. до появления изданий, напечатанных гражданским шрифтом; в-четвёртых, определить границы варьирования этих норм; в-пятых, провести сопоставительный анализ переводных и оригинальных фрагментов текста; в-шестых, сопоставить фрагменты, напечатанные кириллицей и гражданским шрифтом, и исследовать вопрос о характере влияния гражданского

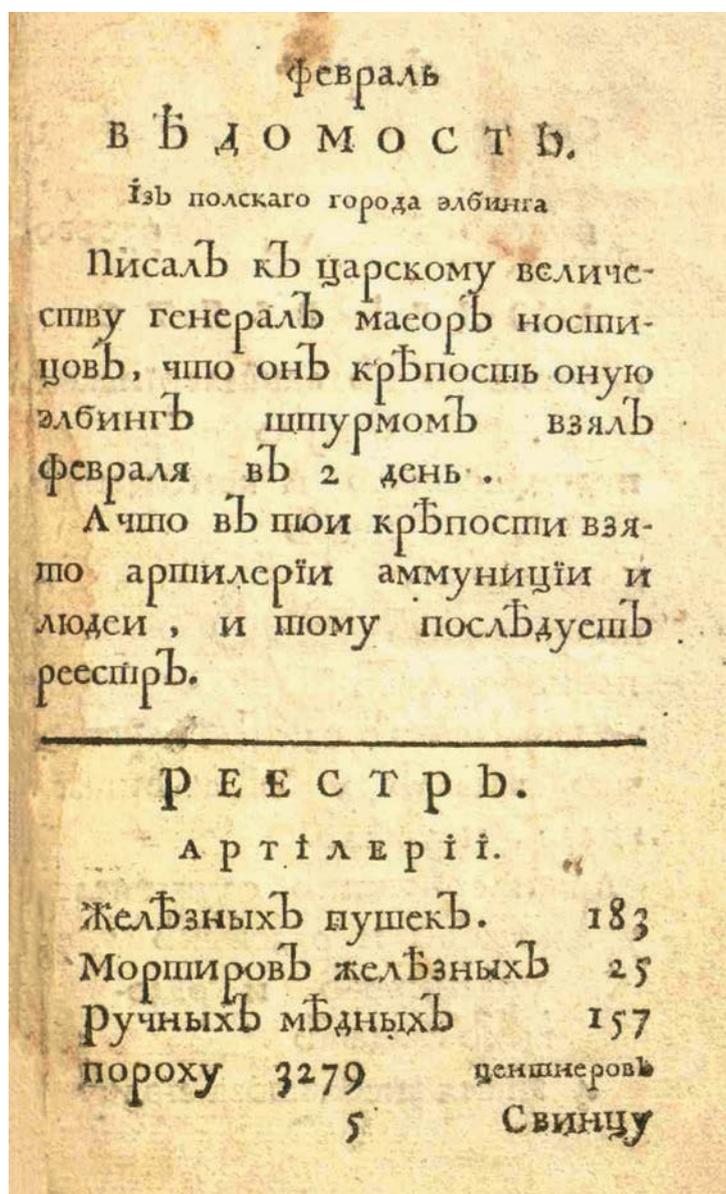

Фото 2. Один из первых номеров газеты «Ведомости», напечатанный гражданским шрифтом (17 февраля 1710 г.).

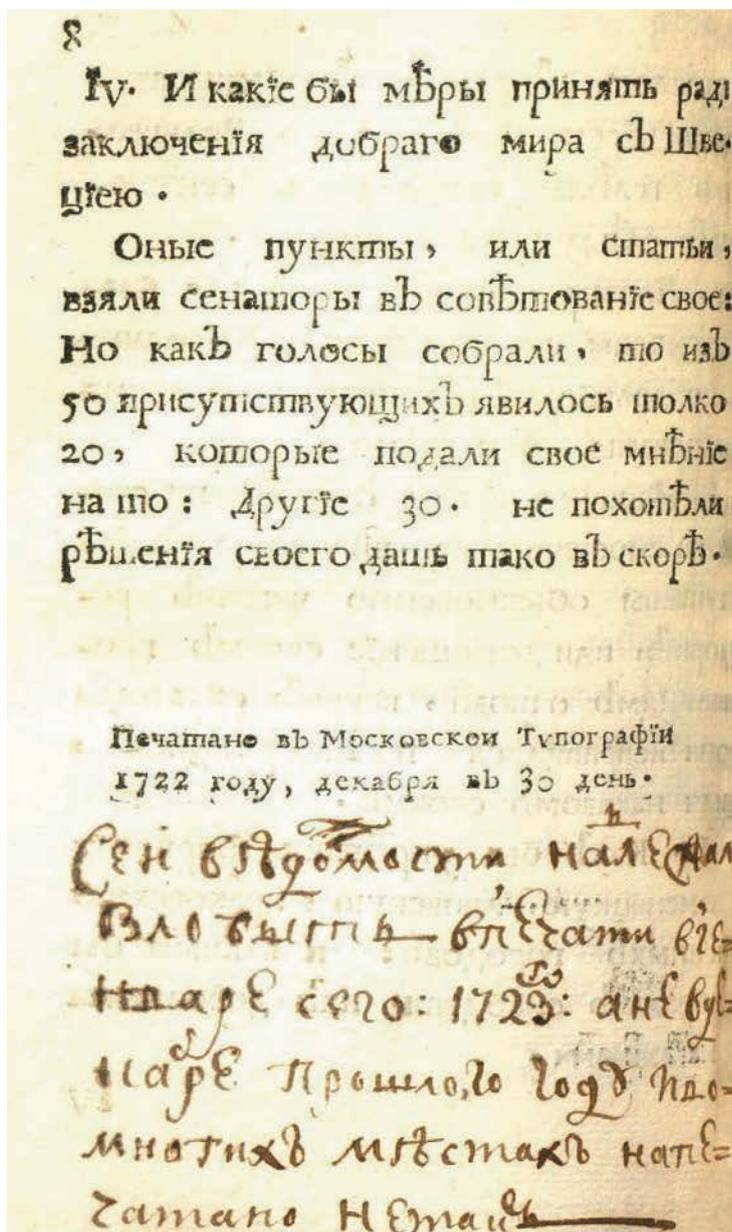

Фото 3. Экземпляр газеты «Ведомости» от 30 декабря 1722 г. с рукописным примечанием редактора: «Сей ведомости надлежало было быть в печати в генваре сего 1723го, а не в декабре прошлого году. И во многих местах напечатано не так»

шрифта на процесс формирования новых норм.

Текст петровских «Ведомостей» уже не раз привлекал внимание историков русского языка. Были изучены представленные здесь падежные формы имён существительных [11] и морфология глагола [12]. Позже полученные данные были осмыслены в широком контексте языковой ситуации начала XVIII в., в контек-

сте вопроса о преемственности литературного языка рассматриваемого периода по отношению к отдельным традициям древней и среднерусской письменности [13, с. 185, 320–322]. Теме преемственности в своих работах уделял внимание ещё В.В. Виноградов, который возводил новые нормы к приказному языку и отмечал, что основу новой, «европеизированной», системы русского литературного языка Пётр Великий видел «именно в светско-деловых стилях». По мнению академика, светско-литературный язык Петровской эпохи вырастал из деловой речи, и в роли средней нормы литературности в то время решительно выступал светско-деловой язык, ведь в многочисленных текстах рассматриваемого периода (в том числе, и в «Ведомостях») получили широкое распространение «характерные для старого, письменно-делового языка “присоединительные” разговорные бессоюзные или связанные союзами *и, а, да, но* конструкции» [2, с. 59, 63–64, 67].

Спустя более чем полвека это положение уточнил В.М. Живов, который считал, что культурные преобразования Петра I, по всей видимости, начинают реализовываться в языковой политике только с 1708 г., с появлением изданий, напечатанных гражданским шрифтом, что язык этих изданий

по ряду параметров отличается от всех регистров древнерусского языка и в этом смысле является оригинальным и что последние годы XVII в. вместе с первыми годами XVIII в. принадлежат в целом предшествующей эпохе [13, с. 320].

Для прояснения вопроса о времени появления новых норм и о степени влияния приказного языка на процесс их образования (носило ли это влияние характер

осмысленного заимствования либо являлось лишь слабым отзвуком вытесненной на периферию старой письменной традиции) обратимся к выпускам «Ведомостей», изданным с 1703 по 1709 г. (до появления в газете гражданского шрифта), и на фоне полученных ранее данных проанализируем закономерности употребления здесь одного из наиболее характерных признаков приказного языка XVI–XVII вв. [14, с. 150–151] – синтаксической конструкции с повтором существительного в постпозитивном придаточном предложении с относительным местоимением *который*.

Данная конструкция характеризуется ослабленной подчинительной связью и, занимая промежуточное положение между сочинением и подчинением, может рассматриваться как явление, относящееся и к синтаксису сложного предложения, и к средствам создания связей на уровне текста. Именно поэтому в памятниках начала XVIII в. придаточное, содержащее этот оборот, иногда может быть оформлено в виде отдельного предложения. Приведём примеры из «Ведомостей» 1703 и 1708 гг., где в придаточных предложениях при местоимении *который* повторяются соответственно существительные *войско* и *бой*. Во втором примере придаточное оформлено в виде отдельного предложения. Ср.:

(1) Генерал Старенберг *с войском* своим в походе в десяти тысящах человек, *из котораго войска* одна часть к Мантуе, другая к Парме пойдет (1703, I, 103)¹;

(2) И оных <неприятелей. – В.К.> по жестоком бою, которого с полтора часа с непрестанным огнем было, храбро с поля збила. *При котором бою*, чаем, неприятелей болши трех тысячь на месте боевом положено (1708, II, 8).

Известно, что в начале XVIII в. повтор существительного при местоимении *который*, как и прочие ранее стилистически маркированные синтаксические конструкции, лишается своей окраски и выходит за пределы приказного языка. Он начинает употребляться не только в деловых документах, но и в философских трактатах, памфлетах, литературных произведениях и технических инструкциях, напечатанных гражданским шрифтом. Это касается текстов, написанных на «гражданском посредственном наречии» – языке, в основе которого лежали новые нормы, и текстов, представлявших язык, близкий к гибриднему церковнославянскому [15, с. 82–83; 16, с. 169–170].

Частотность употребления повтора может существенно варьироваться в зависимости от того, к какому языковому типу тяготеет тот или иной памятник и является ли он переводным или оригинальным. Принимая во внимание разницу в объёме источников, можно сказать, что в переводах с французского языка, написанных на новом литературном языке (например, в «Рассуждении о оказательствах к миру» (1720)), повтор встречается крайне редко. В то же время в славянизированных переводах с латинского языка (например, в трактате «О должности человека» С. Пуфендорфа (1726)) он употребляется несколько чаще, что, по всей видимости, объясняется не столько силой традиций приказного языка, сколько тем, что эта традиция находит поддержку в сходных по структуре латинских конструкциях. В оригинальных (непереводных) текстах примеры с повторами встречаются гораздо чаще. Так, в рассуждении П.П. Шафирова (1717) о причинах войны со Швейцарией рассматриваемых конструкций в три с половиной раза больше, чем в «Рассужде-

¹ Здесь и далее примеры из «Ведомостей» приводятся в упрощённой орфографии: «парные» буквы не воспроизводятся, «ъ» на конце слов опускается, пунктуационные знаки, дефисы и заглавные буквы расставляются заново, титла раскрываются, словоделение осуществляется в соответствии с современными правилами правописания. Курсив в цитатах принадлежит автору статьи. Ссылки на текст «Ведомостей» даются в круглых скобках после примеров с указанием соответствующего года, тома и страницы по изданию «Ведомости» времени Петра Великого» [10].

Таблица

Употребление конструкций с повтором существительного в придаточном предложении с местоимением *который* в выпусках газеты «Ведомости» 1703–1709 гг.

Год	Объём текста в усл. страницах (x1800 зн.)	Всего конструкций <i>который</i> + сущ.	Собственно повтор	Отсылка к деривату	Обобщение смысла
1703	101	8	3	—	5
1704	103	8	7	—	1
1705	95	7	4	1	2
1706	53	3	1	1	1
1707	45	—	—	—	—
1708	14	3	3	—	—
1709	15	8	2	1	5
Всего:	426	37	20	3	14

нии о оказательствах к миру». Рукописные памятники демонстрируют сходную закономерность: в оригинальных текстах (например, в «Истории Свейской войны», 1720-е гг.) повтор существительного употребляется в несколько раз чаще, чем в переводах с французского языка (в частности, в «Правлении гражданском» Дж. Локка (1729) и романе Ф. Фенелона «Приключения Телемака» (1724), написанном на языке, близком к гибриднему церковнославянскому) [17; 18, с. 128–129].

Если обратиться к «Ведомостям» и рассматривать номера газеты за 1703–1709 гг. как единый текст, то можно заметить, что частотность употребления повтора сопоставима здесь с той, что характерна для переводов, напечатанных гражданским шрифтом в 1720-х гг. (в частности, «Рассуждения о оказательствах к миру» и «О должности человека и гражданина»). Принимая во внимание преимущественно переводной характер «Ведомостей» и возможное влияние на их язык культурных реформ Петра I, данное обстоятельство представляется вполне закономерным.

Всего в выпусках за 1703–1709 гг. конструкция с повтором представлена 37 примерами. При этом количество употреблений по годам не демонстрирует определённой тенденции и может варьироваться от трёх до восьми в зависимости от объёма текста, который также отличается: от 15 условных страниц (× 1800 знаков) в 1708–1709 гг. до 50 — в 1706–1707 гг. и до 100 — в 1703–1705 гг. Зависимость количества употреблений от объёма нарушается лишь два раза: в номерах за 1707 г. конструкции с повтором отсутствуют вообще, а в выпусках 1708 г. при наименьшем объёме текста зафиксировано наибольшее количество употреблений (табл.).

В нашем источнике представлены все три разновидности повтора существительного при местоимении *который*. Это, во-первых, случаи, где существительное в придаточном предложении обобщает смысл сказанного в главном и которые в строгом смысле повтором не являются. В этих случаях существительное, как правило, содержит характеристику описываемых действий. Ср.:

(3) В последнем сидении шведы принудили, чтоб во всей Полше им поволели люторские кирхи строить и свободно по их вере службу божию совершать, такожде чтоб и в Прусах уступили им все люторские кирхи, на которые статьи с католицкой страны еще не поволено (1705, I, 302).

(4) Яковлев <...> начал шанцы весть и промыслом доставать, и на судах и на лодках ко оному приступать приказал, которой штурм чрез три часа продолжился (1709, I, 19).

Повтор может выступать и в роли классификатора, указывая на родо-видовую отнесенность существительного из главного предложения:

(5) И говорят, что вскоре сюды привезут *триста тысяць ефимков, которыми денгами* коронному войску платить (1704, I, 154);

(6) Как его светлость князь Меншиков 28 июня за неприятелем вслед пошел, <...> однако ж неприятеля <...> не мог прежде 30 июня нагнати, котораго числа оный его недалеко от Переволочни в зело крепком месте под горою при Днепре стоящаго обрел (1709, II, 25);
либо выступать в роли уточняющего синонима:

(7) Сего дня посланы некоторые к королю Гишпанскому от галанских статив именем их с ним проститися и поздравствовать его счастливое *путешествие, в которой путь* завтра и пойдет (1703, I, 100).

В ряде примеров повтор содержит пояснение имени собственного. Ср.:

(8) Ординован был генерал-лейтенант Гетшхин в двух тысячах пятистах драгун и полком астраханским пешим (которой в том же числе) к старому *Сенжарасу, в котором городе* был генерал-маеор Круз с тремя тысячами пятиюсты шведами (1709, II, 19);

(9) Царь московский некую часть своя артиллерии, на озере Ладожском на корабли поставил велел, из чего мы рассуждаем, что он на *Кексгольм, которые крепостные строения* токмо деревянные суть, нападение учинит (1703, I, 8).

Вторая разновидность рассматриваемой конструкции объединяет немногочисленные случаи, когда существительное при местоимении *который* отсылает к однокоренному соответствию. Ср., например:

(10) С нашей стороны людей своих (оставя на нашей стороне обоз свой в 3000 телегах состоящий) к себе *переправит* велел, на которой *переправе* довольное число из шведов потонуло (1705, I, 268);

(11) *Предложено* <...> отаковать незапным нападением гаутв-квартир(!) неприятелскую, где и изменник Мазепа обретался, [по которому предложению] <...> зачали войска наши чрез мост в лице неприятеля переходить (1709, II, 17).

Третью разновидность демонстрируют примеры, содержащие собственно повтор существительного. В «Ведомостях» 1703–1709 гг. эта разновидность характеризуется наибольшей частотностью. Она составляет здесь почти половину всех употреблений рассматриваемой конструкции и может демонстрировать как дистантное, так и контактное расположение обоих существительных. В первом случае употребление повтора функционально обусловлено, он играет роль необходимого пояснения. Ср.:

(12) И к той отаке командировали генерала-маеора от гвардии нашей князя Голицына и с ним осмь баталионов *пехоты* из корпуса де Баталии, да с леваго крыла от команды генерала фон Алларта генерала-лейтенанта Флюка с тритцатью шкwadронами драгун, *которая пехота*, перебрався чрез те посажи, <...> оных <неприятелей. — В.К.> по жестоком бою <...> храбро с поля збила (1708, II, 8);

(13) Призваны господа генералы <...> на воинской *совет*, а имянно, господин генерал князь Репнин, господа генералы лейтенанты Брюс, Белинк, Ренцель, Долбон, господин генерал-маеор Шамбурх, на *котором совете* предложено, за милю в низ реки Ворсклы сильной партии конной и пешей переправитца и итти к Опошне (1709, II, 17).

В примерах, где представлено контактное расположение существительных и они отделены друг от друга только относительным местоимением либо не требующим пояснения минимальным контекстом, можно говорить об избыточном употреблении конструкции и её использовании в качестве устойчивой формулы канцелярского языка. Ср.:

(14) В Колывань тридесять галанских *кораблей* пришло, *из которых кораблей* осмь в Шлотбурх пойдут (1703, I, 85);

(15) Из Курляндии *корабль* сюды пришел, *на котором корабле* много саксонских полонеников было, и корабелщик возвестил, что свейская фрегата с сорок четырьмя пушками в пяти милях от Либау розбилася (1704, I, 123);

(16) Пишут о кровавом бою учиненном между французами и соединенными, *которой бой* зачался аугуста в 13 день поутру в девятом часу и был до вечера (1704, I, 178).

Таким образом, в тексте газеты «Ведомости» за 1703–1709 гг. ощущается влия-

ние традиций приказного языка. Конструкция с повтором существительного в придаточном относительном предложении с местоимением *который* — характерный признак этого языка — представлена здесь всеми своими разновидностями, включая контактное расположение существительных из главного и придаточного предложений, не несущего функциональной нагрузки и выступающего в роли устойчивой стилистически маркированной формулы. В то же время частотность употребления повтора в «Ведомостях» сопоставима с той, что демонстрируют переводные тексты, напечатанные гражданским шрифтом в следующем десятилетии. Это значит, что по степени влияния приказного языка «Ведомости» 1703–1709 гг. относятся к памятникам, написанным на «посредственном гражданском наречии», и этот факт может рассматриваться в качестве одного из аргументов в пользу того, что сложение новых норм русского литературного языка начинается уже в первом десятилетии XVIII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кутина Л.Л. Последний период славяно-русского двуязычия в России // Славянское языкознание: VIII Международный съезд славистов (Загреб-Любляна, сентябрь 1978 г.): Доклады советской делегации. М.: Наука, 1978. С. 241–265.
2. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1934.
3. Круглов В.М. О задачах изучения русского языка Петровской эпохи (Статья первая) // Acta linguistica Petropolitana: Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XIII. Ч. III. СПб.: Наука, 2016.
4. Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1996.
5. Полное собрание законов Российской империи (1649–1825). Т. IV. СПб., 1830.
6. Вести-Куранты: 1651–1652 гг., 1654–1656 гг., 1658–1660 гг. М.: Наука, 1996.
7. Покровский А. К истории газеты в России // Ведомости времени Петра Великого. Вып. II. С. 1–98.
8. Неустроев А.Н. Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 гг., библиографически и в хронологическом порядке описанных. СПб., 1874.
9. Долгова С.Р. Неизвестные петровские «Ведомости» и их рукописные оригиналы по материалам Центрального государственного архива древних актов // Рукописная и печатная книга. М.: Наука, 1975. С. 170–177.

10. Ведомости времени Петра Великого. Вып. I–II. М., 1903–1906.
11. Ладюкова А.Е. Из истории именного склонения в русском литературном языке XVIII в. (падежные формы имён существительных в петровских «Ведомостях»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1956.
12. Кожина М.Н. Морфология глагола в «Ведомостях» петровского времени: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1954.
13. Живов В.М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М.: Языки славянской культуры, 2004.
14. Троицкий В.И. Относительное подчинение в языке русской письменности XVI–XVII веков. Казань: Изд-во Казанского университета, 1968.
15. Круглов В.М. Русский язык в начале XVIII века: узус петровских переводчиков. СПб.: Наука, 2004.
16. Круглов В.М. О характере нормы в русском языке первой четверти XVIII века // Литературная культура России XVIII века. Вып. 6. СПб., 2015. С. 167–180.
17. Круглов В.М. Употребление относительных придаточных с местоимением «который» в русском рукописном переводе второго трактата «О правлении» Джона Локка // Zeitschrift für slavische Philologie. 2003. № 1. С. 61–81.
18. Круглов В.М. Исторический синтаксис и история русского литературного языка // Литературная культура России XVIII века. Вып. 5. СПб., 2014. С. 119–131.

ENGLISH

“Vedomosti” Newspaper from the Era of Peter I as a Source of the History of the Russian Standard Language

Kruglov Vasilii Mikhailovich is Doctor of Philology, head of laboratory, Institute for Linguistic Studies of the RAS, head of the project “Evolution of the Russian Language Literary Norms in the Era of Peter I (a study of the “Vedomosti” newspaper, 1703–1719)” (16-04-00385a).
E-mail: vmkruglov@yandex.ru

“Established by Peter I and published since 1703, “Vedomosti» newspaper has been a valuable source of history of the Russian literary language. Peter I paid great attention to the newspaper and took part in some of its issues. He selected articles from foreign newspapers for translation, edited the text, and was the author of some publications. The text of «Vedomosti» provides insights into (1) the chronology of formation and the evolution of new norms of the literary language in first decades of the 18th century; (2) the specific linguistic content of the language policy of Peter I; (3) the content of new norms in the early 18th century (before the first publications printed in civil font); (4) distinguishing features of translated and original pieces of text, as well as (5) fragments printed in the clerical Cyrillic and civil fonts. The linguistic analysis of «Vedomosti» published in 1703–1709 confirms that the formation of new literary language norms under the influence of the cultural reforms and the language policy of Peter I, begins in the first decade of the 18th century.

Keywords: Russian language, history of literary language, 18th century, “Vedomosti” newspaper, historical syntax

REFERENCES

1. Kutina L.L. Poslednij period slavyano-russkogo dvuyazychiya v Rossii // Slavyanskoe yazykoznanie: VIII Mezhdunarodnyj s'ezd slavistov (Zagreb-Lyublyana, sentyabr' 1978 g.): Doklady sovetskoj delegatsii. M.: Nauka, 1978. S. 241–265 (in Russian).
2. Vinogradov V.V. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vekov. M.: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 1934 (in Russian).
3. Kruglov V.M. O zadachakh izucheniya russkogo yazyka Petrovskoj epokhi (Stat'ya pervaya) // Acta linguistica Petropolitana: Trudy Instituta lingvistichestkich issledovanij RAN. T. XIII. CH. III. SPb.: Nauka, 2016 (in Russian).
4. Zhivov V.M. Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1996 (in Russian).
5. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (1649–1825). T. IV. SPb., 1830 (in Russian).
6. Vesti-Kuranty: 1651–1652 gg., 1654–1656 gg., 1658–1660 gg. M.: Nauka, 1996 (in Russian).
7. Pokrovskij A. K istorii gazety v Rossii // Vedomosti vremeni Petra Velikogo. Vyp. II. S. 1–98 (in Russian).
8. Neustroev A.N. Istoricheskoe razyskanie o russkikh povremennykh izdaniyakh i sbornikakh za 1703–1802 gg., bibliograficheski i v khronologicheskom poryadke opisannykh. SPb., 1874 (in Russian).
9. Dolgova S.R. Neizvestnye petrovskie «Vedomosti» i ikh rukopisnye originaly po materialam Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov // Rukopisnaya i pechatnaya kniga. M.: Nauka, 1975. S. 170–177 (in Russian).
10. Vedomosti vremeni Petra Velikogo. Vyp. I–II. M., 1903–1906 (in Russian).
11. Ladyukova A.E. Iz istorii imennogo skloneniya v russkom literaturnom yazyke XVIII v. (padezhnye formy imen sushchestvitel'nykh v petrovskikh «Vedomostyakh»): Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. L., 1956 (in Russian).
12. Kozhina M.N. Morfologiya glagola v «Vedomostyakh» petrovskogo vremeni: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. L., 1954 (in Russian).
13. Zhivov V.M. Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazyka XVII–XVIII vekov. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004 (in Russian).
14. Troitskij V.I. Otnositel'noe podchinenie v yazyke russkoj pis'mennosti XVI–XVII vekov. Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta, 1968 (in Russian).
15. Kruglov V.M. Russkij yazyk v nachale XVIII veka: uzus petrovskikh perevodchikov. SPb.: Nauka, 2004 (in Russian).
16. Kruglov V.M. O kharaktere normy v russkom yazyke pervoj chetverti XVIII veka // Literaturnaya kul'tura Rossii XVIII veka. Vyp. 6. SPb., 2015. S. 167–180 (in Russian).
17. Kruglov V.M. Upotreblenie otnositel'nykh pridatochnykh s mestoimeniem «kotoryj» v russkom rukopisnom perevode vtorogo traktata «O pravlenii» Dzhona Lokka // Zeitschrift für slavische Philologie. 2003. № 1. S. 61–81 (in Russian).
18. Kruglov V.M. Istoricheskij sintaksis i istoriya russkogo literaturnogo yazyka // Literaturnaya kul'tura Rossii XVIII veka. Vyp. 5. SPb., 2014. S. 119–131 (in Russian).

УДК 7.036
ГРНТИ 18.07.51

С.М. ГРАЧЁВА*

Основные тенденции современного академического изобразительного искусства Санкт-Петербурга

В статье рассматриваются проблемы современного академического изобразительного искусства на материале произведений художников Санкт-Петербурга. В профессиональной художественной среде ведутся дискуссии о том, современно ли академическое искусство. Академизм является обязательным условием развития современного изобразительного искусства и художественных коммуникаций между профессиональным сообществом и широкой аудиторией любителей искусства. Это помогает сохранить и поднять искусство на более высокий уровень, развивает художественную культуру в целом. Рассмотрены произведения художников А. Мильникова, С. Репина, Н. Фомина, А. Быстрова, Х. Савкуева, Ю. Калюты, А. Чувина и других представителей академической школы.

Ключевые слова: современное академическое искусство, изобразительное искусство Санкт-Петербурга, Академия художеств, академическая школа

Сегодня изобразительное искусство России переживает сложный этап, связанный с изменением всей социокультурной ситуации, с влиянием массовой культуры и новейших технологий и, наконец, с развитием художественного рынка. Рыночные законы диктуют свои условия как художникам, так и критикам, занимающимся проблемами современного искусства. Современное российское изобразительное искусство развивается сейчас в совершенно иных условиях, чем два-три десятилетия назад, когда только возникали и формировались новые обще-

ственные и рыночные ценности, происходила интеграция отечественного искусства в мировое художественное пространство и стремительно ускорили темп новые информационные технологии. Сейчас вновь приходит время осмысления прежних ценностей, отступивших на какой-то момент под натиском глобализации.

Одним из основных направлений в современном отечественном изобразительном искусстве стало академическое, которое играет заметную роль в художественной жизни. Как пишут современные авторы: «Не подлежит сомнению

* **Грачёва Светлана Михайловна** — доктор искусствоведения, профессор кафедры русского искусства Государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина РАХ, декан факультета теории и истории искусств, руководитель проекта «Современное академическое изобразительное искусство Санкт-Петербурга» (15-04-00118а).
E-mail: svetlana_grachva@mail.ru

суть Северной Пальмиры как имперского города, имеющего собственную академическую школу с богатейшей традицией, воспитавшую целую плеяду замечательных мастеров “трёх знатнейших художеств”, без которой немислима история всего российского искусства» [1, с. 76].

Академическое искусство можно рассматривать как одно из направлений современного реализма. Вокруг академизма немало споров и разногласий. Его противники полагают, что академическая школа тесно связана с реалистическим направлением и даже с соцреализмом, который воспринимается в наши дни несвободным от идеологии, чуть ли не аутсайдерским, являясь противопоставлением так называемому свободному искусству. Сторонники утверждают, что академизм является обязательным условием развития современного изобразительного искусства и художественных коммуникаций между профессиональным сообществом и широкой зрительской аудиторией, знатоками и любителями искусства, что он помогает сохранять и поднимать подлинное искусство на более высокий уровень и развивать художественную культуру в целом [2]. Известно, что академическое направление всегда претендовало на роль элитарного, «чистого» искусства, ориентированного на высокие идеалы. В то же время оно основано на профессиональном мастерстве, внимательном изучении природы и Человека, высокой художественной культуре, содержательности, принципах гуманизма и эстетики.

Девизом Императорской Академии художеств всегда были слова, начертанные на её стенах: «Живопись, скульптура, зодчество и воспитание». Лучшие достижения национальной художественной школы связаны с именами выпускников и педагогов Академии художеств: А. Лосенко, Ф. Шубина, М. Козловского, А. Воронихина, К. Брюллова, А. Иванова, И. Репина, А. Куинджи, И. Шишкина, П. Чистякова, В. Серова, М. Врубеля и многих других. После упразднения Императорской ака-

демии художеств в 1918 г. на её базе возникли различные учебные заведения — СВОМАС, ВХУТЕМАС, ВХУТЕИН, ВАХ [3, 4]. После многочисленных реорганизаций в стенах этого уникального архитектурно-художественного комплекса на Университетской набережной в Ленинграде был учреждён Государственный институт живописи, скульптуры и архитектуры, получивший в 1944 г. имя И.Е. Репина и ставший по существу одним из преемников Императорской Академии художеств, которая в этом году отмечает 260 лет со дня своего основания.

С академическим искусством связаны выдающиеся мастера XX в., составившие славу отечественного изобразительного искусства и архитектуры. Среди них И. Бродский, Б. Иогансон, А. Осмеркин, В. Орешников, И. Серебряный, А. Пахомов, Е. Моисеенко, М. Аникушин, П. Фомин, Б. Угаров, А. Мыльников. Мастера ленинградской-петербургской академической школы создали крупнейшие архитектурно-художественные ансамбли на территории нашей страны и за её пределами.

Каковы же современные тенденции Санкт-Петербургского академического изобразительного искусства? Что характерно для нынешней академической школы? В первую очередь хотелось бы подчеркнуть, что здесь по-прежнему большую роль играет академический рисунок — основа основ системы художественного образования в России (приходится констатировать, что Петербург остаётся одним из немногих мест в мире, где сохраняется эта школа, поскольку в большинстве Академий художеств Европы и мира обучение происходит на принципах «самовыражения», овладения свободными искусствами и создания творческих концепций).

Второй важной составляющей петербургского академизма является сохранение высоких требований к композиционным построениям произведений самых разных жанров изобразительного

искусства. Именно «картинность», завершённая художественных работ стала отличительной чертой этого направления. Сохраняется определённая иерархия жанров, в которых по-прежнему на первом месте находится сюжетная композиция и её разнообразные типы – исторический, религиозный, аллегорический, мифологический, бытовой. Но и другие жанры, такие как портрет, пейзаж, «ню» и натюрморт, динамично развиваются и отличаются разнообразием. Иногда жанры утрачивают свои чёткие границы, что соответствует актуальным тенденциям современного искусства [5–7].

Несмотря на влияния постмодернистских тенденций зачастую сохраняется приверженность изобразительности и фигуративному искусству. Современные академические художники работают во всех видах изобразительного искусства: в монументальных, станковых, миниатюрных формах живописи, скульптуры и графики. Они активно участвуют в формировании художественной среды всех городов и населённых пунктов России и нередко получают заказы за рубежом. Художники, сохраняющие приверженность петербургской академической традиции, работают почти во всех регионах России и во многих странах мира. В 2017 г. в Петербургском Манеже прошла юбилейная выставка, посвящённая 85-летию Санкт-Петербургского Союза художников, которая стала самой посещаемой за всю историю Манежа и Союза. Подавляющее большинство самых заметных участников этой экспозиции составляли выпускники и последователи академической школы. И хотя эту школу принято упрекать в консерватизме и косности, она по-прежнему находится на передовых рубежах в отстаивании гуманистических ценностей и высоких идеалов искусства.

Её представляют опытные и авторитетные специалисты в области изящных искусств, петербургские мастера: В. Песиков, В. Мыльникова, А. Блиок, В. Горевой, К. Ли, С. Кичко, В. Загонек, Н. Фо-

мин, С. Репин, И. Уралов, А. Быстров, А. Крылов, Ю. Калюта, А. Чувин, В. Свешников, А. Андреев, И. Корнеев, Х. Савкуев, А. Скляренко, Н. Лысак, П. Шевченко, Д. Коллегова, Н. Блохин, Ф. Иванов, К. Грачёв, Ю. Бехова, Е. Грачёва, М. Раздобурдин и другие художники. Нужно вспомнить и сравнительно недавно ушедших А. Мыльникова, О. Еремеева, А. Пахомова, А. Чаркина, И. Кравцова, П. Татарникова.

Исследование академического изобразительного искусства Санкт-Петербурга во всей совокупности его особенностей раскрывает новые грани этого явления и даёт возможность для нового осознания его роли и значения в отечественной культуре. Важно рассмотреть искусство именно современного периода, так как оно обладает уже рядом сложившихся свойств, повлиявших на формирование всей культуры. Но при очевидных достижениях академического искусства оно мало введено в научный оборот, из-за чего создаётся неверная картина, в которой доминирует актуальное искусство. Рассмотрим некоторые примеры удачных, на наш взгляд, проявлений академизма в современном станковом искусстве.

Уважение к лучшим образцам искусства русских и западноевропейских мастеров до последних дней своей жизни воспитывал в своих учениках недавно ушедший от нас выдающийся живописец А.А. Мыльников, руководитель монументального отделения Института им. И.Е. Репина [8]. Он бережно относился к историческому прошлому, к религии, демонстрируя «диалогичность» своего мировосприятия. Картины «Плач» и «Пиета» (фото 1) написаны в традиции реалистического искусства и одновременно с узнаваемыми современными интонациями. В этих полотнах есть мощная экспрессия, неутраченная боль и переживание большого художника за судьбу человечества, осознание огромных потерь и утрат, которые оно понесло в бурном XX столетии. Картины подводят своеобразный

Фото. 1. А.А. Мыльников. Пиета. 2011. 135×170. Х., м. Собственность семьи художника

итог творческого пути мастера, продемонстрировавшего подлинно виртуозное владение традиционными приёмами живописи, в пределах которой достигнута глубокая экспрессия образов.

А.К. Быстров — автор многих монументальных мозаичных и витражных композиций для станций Петербургского метрополитена, но он много трудится над станковыми произведениями, написанными на разнообразные сюжеты из русской истории. Его картины «Чёрный ворон» и «Заговор Софьи против Петра» посвящены извечной русской теме — бунту. Посаженный в клетку, закованный в кандалы Емельян Пугачёв, словно чёрный ворон, летящий рядом, распростёр свои руки, как крылья, и буквально «выплёскивает» на зрителя свою колоссальную необузданную энергию, полную жажды свободы (фото 2). Если в его картине «Плаха Пугачёва» герой представлен в трагический момент перед казнью, то на этот

раз перед нами предстают вечные оппозиции: жизнь и смерть, свобода и заточение, полёт и приземлённость. Художник решает эту тему скорее в философско-поэтическом, чем в социально-историческом плане, в отличие, например, от хорошо известной картины Т. Назаренко. Не случайно он почти отказывается от повествовательных деталей, свидетельствующих о конкретной исторической эпохе. Всё внимание сосредоточено на цветовой и композиционной экспрессии, выраженной мощными, лаконичными, пастозными мазками кисти.

С «Чёрным вороном» явно перекликается вторая его картина — «Заговор Софьи против Петра». А.К. Быстров опять же не боится возникающих аллюзий и параллелей с известными решениями этой темы. Как и Е. Пугачёв, Софья изображена в момент энергичного, даже резкого движения, далеко не свойственного женщинам эпохи домостроя. Она воссе-

дает за столом, покрытым красным сукном, в окружении стрельцов и обсуждает с ними детали заговора против брата. Её напряженное лицо выражает средоточие воли и решительности. Мощная энергетика главной героини поддержана образами второстепенных персонажей, в фигурах и лицах которых мы улавливаем ненависть и ярость, мужественность и благородство. Огненный колорит произведения способствует более мощному раскрытию силы данного образа. А. Быстров неоднократно обращался к образу Е. Пугачёва и каждый раз он искал в нём нечто, созвучное нашему времени.

В послевоенный период одной из главных тем петербургских художников-академистов становится тема войны и Победы. И это не случайно. История Академии тесно связана с историей России, и в годы Великой Отечественной войны многие художники ушли на фронт, познали ужасы и страдания военного лихолетья.

Оставшиеся в живых сохраняли священную память об этом времени и передавали свой опыт потомкам.

Многие современные мастера обращаются к теме войны и Победы. Рано ушедший из жизни И.М. Кравцов также опирался на завоевания русской реалистической школы. В картине «Взвод» (фото 3) развивается тема Великой Отечественной войны. Она построена как композиция-предстояние. Пять мужских фигур, олицетворяющих разные возрасты — от совсем юного романтически восторженного мальчугана до пожилого бывалого солдата, — стоят в полный рост, повернувшись к зрителю. Их уже нет, они не на земле, они словно спустились с небес. Их мужественные лица — это практически лики святых, окружённые фоном картины, как нимбами. Они смотрят одновременно и на нас, и куда-то вглубь себя, они ведут уже диалог с вечностью. Отметим, что творчество И. Кравцова оказало сильное

Фото 2. А.К. Быстров. Чёрный ворон. 2008. 200×265. Х., м. Собственность художника

Фото 3. И.М. Кравцов. Взвод. 2010. Х., м. 192×192.
Частное собрание. Китай

влияние на современных молодых авторов – Ф. Иванова, В. Каджаева, Р. Яхиханова, А. Новосёлова и др.

Нынешние художники работают над типическими образами современников. Сегодняшнего ветерана, пожилого инвалида, прожившего такую непростую, но героическую жизнь, не сломленного ни невзгодами военного лихолетья, ни несправедливостью современного прагматичного времени, представляет С.Д. Кичко в своей работе «Майские салюты» из цикла «Память». Ветеран слушает старинный патефон и слышит звуки праздничного салюта. Салют, орден на груди, патефон, тяжёлые, но вместе с тем ностальгические воспоминания о войне (времени его молодости, силы, весны) – это всё что у него осталось. Но его гордая осанка, выразительные жилистые руки, весь его силуэт характеризуют человека независимого и чрезвычайно сильного, на которого ещё и сегодня можно опереться. В одной из статей С.Д. Кичко, вспоминая своего учителя Е.Е. Моисеенко, пишет, что «художник должен иссле-

довать “нравственность человеческую” [...] со временем меняются условия, могут меняться пластические пристрастия, появляются новые идеи, которые требуют новых решений, но одно остаётся навсегда – искусство должно утверждать жизнь» [9, с. 5].

Один из самых заметных современных петербургских художников – Х.В. Савкуев [10, 11]. Его картина «Моление о мире» продолжает тему памяти, сохранения вечных человеческих духовных и нравственных богатств. В грандиозном по размаху, эпическом полотне (200 × 450 см), как в скульптурном фризе, развёрнуто бескрайнее пейзажное пространство, наполненное фигурами людей и животных. Представлен мотив национального эпоса – сильные, суровые, мощные духом

мужчины-горцы, легко сдерживающие природную стихию, которую олицетворяют покорно стоящие могучие быки, наклонились к быстрой горной реке. Горцы с трепетом опускают руки к плывущим по воде яблокам, как посланиям о мире, как письмам мира... Человечество устало от войн безжалостного XX в. и стремится заниматься своими исконными делами – растить детей, возделывать землю, пасти скот... Этот мифологически обобщённый и возвышенный образ наполнен поэзией и красотой родного края художника – Кабардино-Балкарии (фото 4).

Одним из распространённых жанров в современной академической школе является пейзаж, с помощью которого художники размышляют о духовных ценностях.

В этом жанре по-прежнему сохраняется импрессионистическая традиция, которая представляет одну из главных тенденций в изображении современного пейзажа. «Дорога к храму» (1999) – так называется одна из самых значительных работ народного художника России

Фото 4. Х.В. Савкуев. Моление о мире. 2010. 200×450. Х., м. Собственность художника

В.С. Песикова (фото 5). Картина построена на неспешном и, кажется, негромком, но очень внятном диалоге со зрителем. Здесь отразились основные тенденции живописи В.С. Песикова. Это одновременно и реалистическое произведение, созданное с натуры, на котором изображён знакомый вид на собор Святого Георгия в Старой Ладоге, на Кремль, на старинные постройки этого древнерусского города. Мягкая в своих очертаниях зелень, написанная маслом, но по акварельному прозрачно, буквально окутывает архитектуру и создаёт романтическое, чуть ностальгическое настроение. И вместе с тем это глубоко символический образ, так как в нём есть философское осмысление действительности, а мотив дороги, возможно, олицетворяет путь человека, путь художника.

Вторую линию развития пейзажа можно связать с условно-символическим пониманием образов. Пейзажи Н.П. Фомина наполняют чувством невероятного восторга мощью и силой русской земли, красотой её природы, даже когда красота эта поругана, а сама

земля почти опустошена («Вечная Россия», 2016, х., м.).

Мощь древних стен Псково-Печёрского монастыря («На западном рубеже», 2013), золотящиеся на фоне грозного северного неба купола храмов, огненно-красные кроны осенних деревьев — всё это вызывает восторг и гордость за красоту и величие Русской земли. Н.П. Фомин очень тонко передаёт сложные философские раздумья о современной жизни через архетипические образы. Он делает это с опорой

Фото 5. В.С. Песиков. Старая Ладога. Дорога к храму. 1999. 50×60. Х., м. Собственность художника

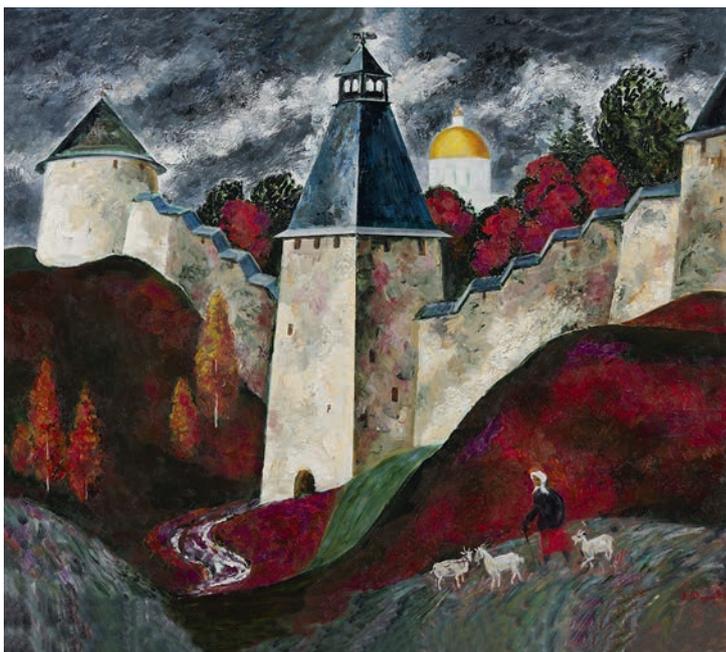

Фото 6. Н.П. Фомин. На западном рубеже. 2013. 90x160. Х., м. Собственность художника

на высочайшую живописную культуру, обращаясь к европейской художественной традиции, строго отбирая детали, используя звучное чередование цветовых ритмов, сложную фактуру и красоту напряжённого колорита (фото 6).

В традициях монументального символического пейзажа работает С.Н. Репин.

Фото 7. С.Н. Репин. Сжатые поля. 2016. Х., м. 120x120 Собственность художника

Тишина и молчание наполняют мир в его пейзаже «Первый снег», праздничной яркостью сияет «Озеро» с потрясающе прозрачной, доведённой до волшебного звучания гладью воды. С неизменным постоянством художник обращается к образам Псковской земли, находя в них истинную гармонию, создавая собственную картину мира, лишённую суетности, мелочности и лишних деталей. Пейзаж «Сжатые поля» (2016, х., м.) представляет знакомый мотив Псковщины, с необозримой панорамой земли, покрытой холмами, широкой рекой, с высоким грозным небом, частыми перелесками, стогами сена. Узнаваем и стиль художника, превращающий натуральный вид в иносказание, в особую рода «псковский» миф, наполненный глубинными энергиями этой исконно русской земли (фото 7).

Близок к своим коллегам А.В. Чувин, работающий в иной, более монументальной и вместе с тем лиричной манере. Главной темой его творчества стал «чистый» пейзаж. Его произведения отличаются лиризмом выбранных мотивов в сочетании с лаконичностью изобразительных средств и даже некоторой жёсткостью, монументальным размахом и чрезвычайно обобщённым характером композиционных построений, энергичностью линейных ритмов и при этом декоративной яркостью и эмоциональным напряжением колорита, отсутствием лишних деталей. Профессионализм мастера, основанный на совершенном, можно сказать, «волевом», владении формой, соседствует с тонкими, порой ничем не защищёнными переживаниями, что не оставляет даже намеков на сентиментальные настроения. Пейзаж «На Белогугле» (2009) связан

с Пушкиногорьем, со скупой красотой Псковской земли. В нём, как в стихах замечательного поэта Н. Рубцова, «золото зари упало на серебряную воду». Раскинулось безмятежное величественно-спокойное северное озеро, холодные воды его пронизаны вечной тайной, берега устланы скупой суровой растительностью. Пространственные построения как бы уходят от трёхмерности, а колорит — от пленэрности, превращаясь, как некогда определил М. Волошин, в «пейзаж как исторический портрет земли» (фото 8).

В 2013 г. появилась серия монументальных графических портретов «Лики Тибета» (бумага, уголь, соус), выполненных К. Ли. На огромных листах застыли в долгом молчании лики тибетских жителей: монахов, женщин, крестьян, выполненные быстрыми энергичными линиями, пятнами с растушёвкой, по-скульптурному объёмные, очень контрастные (фото 9). Это лики-знаки, быстротой росчерка руки художника напоминающие иероглифы. В этих портретах есть этнографическая точность: азиатские черты лиц, характерные скулы и носы, раскосые глаза. Но именно глаза притягивают, вовлекают зрителя в диалог, придают образам глубокий психологизм. На первый взгляд они кажутся сделанными очень быстро — за один сеанс, в них чувствуется почти «живописная» импрессия. Но при этом композиция, рисунок, форма в них — исключительно и абсолютно лишены случайности.

Одним из успешно развивающихся в последние годы мастеров академиче-

Фото 8. А.В. Чувин. На Белогуле. 2009. 90×100. Х., м.
Собственность художника

ского направления стал К.В. Грачёв. Большое место в его творчестве занимает натюрморт. Каждая из его картин представляет особое размышление о жизни, о собственной художнической судьбе, о красоте мира. Некоторые из них складываются в триптихи, как, например, «Неактуальный натюрморт», «Череп Тибетского буйвола»,

Фото 9. К. Ли. Лики Тибета. 2013. Б., соус. 50×65.
Собственность художника

Фото 10. К.В. Грачёв. Неактуальный натюрморт. 2016. 140×170. Х., м.
Собственность художника

«Два самовара» (все — 2016, х., м.). В натюрмортах экзотические диковины, привезённые из дальних странствий, соседствуют с самыми обычными предметами из повседневной жизни: металлическими рулетками, бумажными листами, изогнутой проволокой. Причём написаны все атрибуты с такой мощной осязаемостью и убедительной ясностью, что приобретают буквально символический смысл.

Натюрморт позволяет художнику освободиться от излишней повествовательности, соблюдения обязательных предписаний и норм, раскрепостить художническую волю, дав свободу своим впечатлениям и эмоциям. Появляется такое разнообразие форматов — от круга, через овал, к квадрату, и снова к «золотому сечению»; фактур — от прозрачной лёгкости и нежности к тяжеловесной, скульптурной пастозности мазков; цветовых отношений — от звонких сочных,

открытых цветов спектра к глубокому, «всепоглощающему» чёрному. Овальный мертвенно-бледный, «застывший», погружённый в прошлое натюрморт с вензианскими масками «После карнавала» (2015, х., м.); и, напротив, наполненные исполинской мощью «Неактуальный натюрморт» (фото 10), «Два самовара» с предметами русского народного быта (фото 11), превращёнными в почти одушевлённые образы (оба — 2016, х., м.), вписанные в безупречно круглые рамы «Хлеб и квас», «Хлеб и молоко», «Яблоки и тыква» (все — 2015, х., м.) — эти и другие натюрморты заставляют вспомнить лучшие традиции этого жанра в XX в.

Важно подчеркнуть, что в современном академизме наряду с традициями присутствует и то новое, что связано с изменениями в искусстве, осмыслением более широкого круга достижений отечественной и мировой культуры, включая опыт

художественного авангарда, модернизма и постмодернизма XX в., влияния тенденций актуального искусства и даже участие художников-академистов в современных художественных акциях. В условиях, когда мир стал «глобальной деревней», академическое искусство переживает определённые трудности, поскольку наиболее успешным в современном мире становится так называемое contemporary art, для которого, как известно, утрачивается своё первостепенное значение традиционное ремесло художника и понятие «школа», уходящее на дальний план (фото 12).

Современный зритель всё острее чувствует нехватку подлинно качественных, выполненных на высоком уровне художественных произведений. Поскольку в contemporary art по данному ему одному из определений «радикально концептуальное исключает любую работу руками, любые виртуозность, мастерство, поиск красоты и гармонии. Всё это рассматривается или как подражание действительности, пастиш прошлого, или как простое ремесленничество. [...] Таинственное единство художественного произведения, придававшее ему красоту, близкую тайне, разлетелось вдребезги» [12, с. 98–99]. Или, как с горечью отметил один из крупнейших современных искусствоведов В.А. Лентяшин, «...наступила странная пора: вся художественная деятельность поставлена под сомнение. Не левые или правые, не реалисты или авангардисты, а искусство в целом. Оно на наших глазах и с нашим участием утрачивает и авторитет, и значение» [13, с. 148].

Вместе с тем складывается парадоксальная ситуация, когда академическое искусство, которое принято упрекать в некоем универсализме и стирании индивидуального начала, в настоящее вре-

мя выступает за сохранение этой самой национальной культурной идентичности. Оно, с одной стороны, вбирает в себя и переплавляет достижения культуры разных народов и эпох, с другой – способствует бережному отношению и сохранению разных национальных традиций. Кроме того, академическое искусство, сохраняя свою элитарность, занимается важной проблемой формирования высокого вкуса, настоящего профессионализма в художественном деле, воспитания требовательной к себе и другим творческой личности, в противовес «китчу» и массовой культуре, заполонившей информационное пространство. Хотелось бы встать

Фото 11. К.В. Грачёв. Два самовара. 2016. Х., м. 160×100.
Собственность художника

Фото 12. А.Н. Блюк. Ностальгия. 2012–2015. 114×146,5. Х., м. Собственность художника

на защиту интересов академической школы, без которой, на наш взгляд, немислимо и развитие новейших течений, как без некоего фундамента и профессиональной основы искусства.

Давайте же заново пересмотрим специфику современного академического искусства и попытаемся более чётко вписать его в пространство российской художественной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитренко А.Ф., Бахтияров Р.А. Петербургская (ленинградская) художественная школа и современное искусство // Петербургский художник. 2017. № 1. С. 74–90.
2. Грачёва С.М. Грани современного академического реализма // Научные труды. Вып. 38. Вопросы художественного образования. СПб.: Институт им. И.Е. Репина, 2016. С. 108–127.
3. Грачёва С.М. «Сообразуясь с истинною и благороднейшею целию искусств...». Из истории Российской академии художеств первой половины XX века // Искусствознание. 2009. № 3–4. С. 568–585.
4. Императорская Академия художеств. Документы и исследования. К 250-летию основания / Сост. И.В. Рязанцев, О.В. Калугина, А.В. Самохин. М.: Памятники исторической мысли, 2010.
5. Манин В.С. Жанры искусства в свете их сущности // Советское искусствознание. М.: Советский художник, 1986. С. 196–227.

6. Яковлева Н.А. Жанры русской живописи. Основы теории и методики системно-исторического анализа. Л.: ЛГПИ им. Герцена, 1986.
7. Лентяшин В.А. Единица хранения. Русская живопись — опыт музейного истолкования. СПб.: Золотой век, 2014.
8. Мыльников А. Каталог выставки работ в залах Академии художеств в Санкт-Петербурге / Вступ. ст. А.Б. Алёшина. М.: Художник и книга, 2012.
9. Кичко С.Д. Диалог с памятью (о Е.Е. Моисеенко) // Из истории художественной школы. СПб.: Институт им. И.Е. Репина, 1999. С. 5–8.
10. Кутейникова Н.С. Хамид Савкуев. Уроки жизни и композиции // Хамид Савкуев. Альбом. СПб.: Artindex, 2009. С. 5–15.
11. Грачёва С.М. Ренессансные мотивы в изобразительном искусстве современных петербургских художников-академистов // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Международная научная конференция СПбГУ, МГУ, Музеи Московского Кремля. VI. Сборник научных статей. СПб.: НП «Принт», 2016. С. 706–714.
12. Де Керрос О. Что такое современное искусство? // Искусство или мистификация? Восемь эссе. М.: Русский Мирь, 2012.
13. Лентяшин В.А. Я всегда за художников // Петербургский художник. 2017. № 1. С. 147–153.

ENGLISH

Key Trends of the Modern Academic Art of Saint-Petersburg

Gracheva Svetlana Mikhailovna is Doctor of Art History, Professor of Russian Art Chair, Repin State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture, the Russian Academy of Arts, dean of the Department of Theory and History of Arts, head of the project “Modern Academic Art of St. Petersburg” (15-04-00118a).
E-mail: svetlana_grachva@mail.ru

The article focuses on the modern academic visual arts based on the works of artists from St. Petersburg. The professional artistic circles engage in a debate whether academic art is modern. Academism is a prerequisite for the development of modern visual arts and artistic communication between the professional community and the general audience of art lovers, helping to preserve and elevate the art to a higher level and develop an artistic culture as a whole. The article reviews the works of artists A. Mylnikov, S. Repin, N. Fomin, A. Bystrov, H. Savkuev, Y. Kalyuta, A. Chuvin and other representatives of the academic school.

Keywords: modern academic art, visual arts of St. Petersburg, the Academy of Fine Arts, academic school

REFERENCES

1. Dmitrenko A.F., Bakhtiyarov R.A. Peterburgskaya (leningradskaya) khudozhestvennaya shkola i sovremennoe iskusstvo // Peterburgskij khudozhnik. 2017. № 1. S. 74–90 (in Russian).
2. Gracheva S.M. Grani sovremennogo akademicheskogo realizma // Nauchnye trudy. Vyp. 38. Voprosy khudozhestvennogo obrazovaniya. SPb.: Institut im. I.E. Repina, 2016. S. 108–127 (in Russian).
3. Gracheva S.M. «Soobrazuyas' s istinnoyu i blagorodnejsheyu tseliyu iskusstv...». Iz istorii Rossijskoj akademii khudozhestv pervoj poloviny XX veka // Iskusstvovoznanie. 2009. № 3–4. С. 568–585 (in Russian).

4. Imperatorskaya Akademiya khudozhestv. Dokumenty i issledovaniya. K 250-letiyu osnovaniya / Sost. I.V. Ryazantsev, O.V. Kalugina, A.V. Samokhin. M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2010 (in Russian).
5. Manin V.S. Zhanry iskusstva v svete ikh sushchnosti // Sovetskoe iskusstvoznanie. M.: Sovetskij khudozhnik, 1986. S. 196–227 (in Russian).
6. Yakovleva N.A. Zhanry russkoj zhivopisi. Osnovy teorii i metodiki sistemno-istoricheskogo analiza. L.: LGPI im. Gertsena, 1986 (in Russian).
7. Lenyashin V.A. Edinitsa khraneniya. Russkaya zhivopis' – opyt muzejnogo istolkovaniya. SPb.: Zolotoj vek, 2014 (in Russian).
8. Myl'nikov A. Katalog vystavki rabot v zalakh Akademii khudozhestv v Sankt-Peterburge / Vstup. st. A.B. Alyoshina. M.: Hudozhnik i kniga, 2012 (in Russian).
9. Kichko S.D. Dialog s pamyat'yu (o E.E. Moiseenko) // Iz istorii khudozhestvennoj shkoly. SPb.: Institut im. I.E. Repina, 1999. S. 5–8 (in Russian).
10. Kutejnikova N.S. Khamid Savkuev. Uroki zhizni i kompozitsii // Khamid Savkuev. Al'bom. SPb.: Artindex, 2009. S. 5–15 (in Russian).
11. Grachyova S.M. Renessansnye motivy v izobrazitel'nom iskusstve sovremennykh peterburgskikh khudozhnikov-akademistov // Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya SPbGU, MGU, Muzei Moskovskogo Kremlya. VI. Sbornik nauchnykh statej. SPb.: NP «Print», 2016. S. 706–714 (in Russian).
12. De Kerros O. Chto takoe sovremennoe iskusstvo? // Iskusstvo ili mistifikatsiya? Vosem' esse. M.: Russkij Mir, 2012 (in Russian).
13. Lenyashin V.A. Ya vseгда za khudozhnikov // Peterburgskij khudozhnik. 2017. № 1. S. 147–153 (in Russian).

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

УДК 159.9.01
ГРНТИ 15.21.51

Е.Е. САПОГОВА*

Экзистенциальный опыт личности: возможности эмпирического анализа

В рамках разрабатываемого автором экзистенциально-нарративного подхода конкретизированы концепты опыта, жизненного и экзистенциального опыта. Определено психологическое содержание экзистенциального опыта как комплекса персонально значимых концептов, семантически соотнесённых с личностью и созданных как индивидуально значимое обобщение содержания и смыслов уникальных жизненных событий и обстоятельств, случившихся с человеком и раскрывших свои значения только ему, и экзистенциальной логики жизни как устойчивого персонального когнитивно-эмоционального конструкта (фрейма) сознания, в котором соединены процессы объяснения, понимания и истолкования самого себя и содержится принятый личностью способ самодетерминации и самоорганизации, выраженный в форме ответа на вопрос «Зачем/почему я делаю то, что делаю?».

Теоретически смоделированы и эмпирически выделены возможные варианты таких логик: функционально-гомеостатическая, индуцированно-императивная, стереотипно-нормативная, хронотопическая, вероятностно-возможностная, осмысленная, холистическая. Представлены результаты качественного анализа апробации авторской эмпирической методики «Экзистенциальные логики жизни» на выборках молодых (25–35 лет), взрослых (40–50 лет) и пожилых (55–65) респондентов и их интерпретация.

Ключевые слова: опыт, жизненный опыт, экзистенциальный опыт, экзистенциальная логика жизни, личность

* **Сапогова Елена Евгеньевна** — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития факультета психологии и педагогики Московского педагогического государственного университета (МПГУ), руководитель проекта «Психосемантическая организация экзистенциального опыта личности» (15-06-10028а).
E-mail: esapogova@yandex.ru

Опыт, жизненный опыт, экзистенциальный опыт

Категория опыта номинально философская, но её часто используют для понимания процессов индивидуации в психологии. Внутреннее содержание категории «опыт», его природа, механизмы удержания, упорядочивания и последующей актуализации изучены ещё недостаточно и зачастую используются как научные метафоры.

Мы понимаем опыт как основанное на практике чувственно-эмпирическое познание действительности, как совокупность всего того, что происходит с человеком в его жизни и что он осознаёт, а также как знание, которое непосредственно дано сознанию субъекта и сопровождается прямым контактом с познаваемой реальностью, будь то реальность внешних предметов и ситуаций (восприятие) или же реальность внутренних состояний самого сознания — «состояний меня» [1], куда входят представления, оценки, воспоминания, переживания, ассоциации, интуиции и пр.

Но психология, обращаясь к опыту существования человека в мире, больше апеллирует не к теории познания, а к экзистенциалу «жизнь», и тогда жизненный опыт есть опыт, накопленный в течение жизни и *имеющий значение для её осуществления*. И тогда он оказывается совокупным результатом анализа, обобщения и семантического «сжатия» (иногда — до мифологемы или символа) всего того, в чём участвовал, что видел, познавал, чувствовал на протяжении жизни человека. Одно из удачных определений жизненного опыта принадлежит Г.К. Серее: жизненный опыт есть *система смысловых отношений*, которые могут выражаться в интегративных стратегических целях, смысловых образованиях личности, задающих программы поведения и жизнедеятельности [2].

Как писала О.М. Фрейденберг, «опытом называется освобождение от факта и проникновение к фактору» [3, с. 216].

Обобщённый опыт «игнорирует все временные приметы, проходя сквозь историзм до рождения и сквозь прокреатизм до фактора» [Там же]. Но при попытке пересказать факт в форме опытно-нарративного сюжета он «выходит из недр скрытой образности представления в самостоятельную образность литературную. С этого момента он *перестает быть фактом и становится фактором*», «черпая материал не извне, а изнутри» [Там же, с. 223; выделено нами. — Е.С.]. Извлечение смысла из фактологии является *интерпретацией*, и, попадая в личностные контексты, реальное происшествие, случай, факт обретают новую причинность, окрашиваясь в цвета мировоззрения, религиозных и этических убеждений человека, его самооценки, образования, «образа мира» и пр.

Понятие жизненного опыта апеллирует преимущественно к опыту, *закреплённо-му в структуре личности*, и тогда психологически правомерно включать в него и умозаключения о самом себе и мире, и обобщение мыслей и чувств, связанных с рефлексией собственных поступков и действий, и индивидуальную семантизацию, концептуализацию и символизацию жизненных эпизодов в контексте целей собственного бытия. Исходя из этого, можно говорить о нём как о *внутренней жизненно-смысловой реальности конкретной личности*.

Но само содержание этой реальности двояко. С одной стороны, можно говорить о нём в контексте совпадающих по времени с жизнью субъекта социально-исторических процессов, свидетелем, творцом или участником которых он был и в обстоятельствах которых осознавал содержание собственного жизненного пути. И тогда он может быть понят как в той или иной мере *упорядоченный комплекс жизненно-смысловых связей и отношений* (доступных сознанию воспоминаний, переживаний, представлений и выводов, извлечённых из происшествий общего с другими повседневного историческо-

го существования), *выстроенных в уникальном существовании конкретного человека в конкретных исторических обстоятельствах и хромотопах*.

С другой стороны, далеко не всё из того, что «пришлось на жизнь» конкретного человека, становится необходимой и востребованной частью его личности. В потоке переживаний человек сохраняет и использует лишь то, что он воспринимает как имеющее к нему *непосредственное отношение*. Опираясь на категорию личностного смысла [4], указывающую на *субъективную пристрастность* отражения собственного жизненного пути, мы должны выделить специфический *экзистенциальный опыт* субъекта как комплекс *персонально значимых* концептов, семантически соотнесённых с личностью и созданных как индивидуально значимое обобщение содержания и смыслов уникальных жизненных событий и обстоятельств, случившихся с человеком и раскрывших свои значения только ему.

Последнее позволяет вводить категорию экзистенциального опыта личности. В отличие от жизненного экзистенциальный опыт всегда пристрастно истолкован, упорядочен, систематизирован, семиотизирован и обнаруживает себя в конкретном содержании внутренних убеждений, мнений, предпочтений, выборов и т.д. субъекта. Образуюсь посредством вторичной герменевтической работы сознания над доступным ему содержанием жизненного опыта, экзистенциальный опыт более символичен и одновременно более индивидуален, единичен — он ярче свидетельствует о самобытности и неповторимости индивидуального «Я».

Характеристики экзистенциального опыта

Экзистенциальный опыт, как правило, сильнее, чем жизненный, подвергается нарратизации, а собственная версия жизни выполняет для человека экзистенциальную функцию, раскрывая, семантически «распаковывая» для него динамику

его психологического мира [5]. Экзистенциальный опыт основывается на личных ответах на вопросы, «как этот человек любил, творил, как он относился к трансценденции, какой смысл (способ, стиль) жизни он для себя избрал, и почему всё сложилось именно так, а не иначе; сколько раз он выбирал для себя основной жизненный смысл, насколько следовал своему выбору; как, в итоге, он решал проблему адаптации к собственному небессмертию и решил ли» её [6, с. 351].

«Оперсональный» экзистенциальный опыт (события сознания) становится своеобразной фигурой на фоне опыта жизненного. Он «оседает» вокруг значимых, «горячих» точек существования конкретного человека и отражается в индивидуальных нарративах в форме событий текста. Историчность существования человека транскрибируется в них как «необходимость себя» [7] и самооправдание, а симбиоз реалистичности биографии и реалистичности «Я» становится *личной историей*. Если в жизненном опыте некий факт явлен, представлен, будучи определён системой неоспоримых факторов («я тогда-то появился на свет», «в такое-то время я жил в таком-то месте» и пр.), то в экзистенциальном на первый план выходит его восприятие, трактовка, объяснение, отношение к нему («я был *нежеланным* ребёнком», «я жил в *захолустье*» и пр.). И если сначала факт «единоличен и целостен», то в восприятии субъекта он уже «поставлен в ракурс», «взят внутрь авторской концепции» [3, с. 234–235], становится единицей индивидуальной онтологии и из самостоятельного состояния переходит в «среду субъекта».

Основными характеристиками экзистенциального опыта можно считать:

- ♦ *пристрастность* (отбирается лишь то, что «затрагивает за живое» и кажется имеющим к человеку непосредственное отношение);
- ♦ *персональность* (субъект склонен отождествлять такой опыт с самим собой, считать его своей жизнью);

- ◆ *осмысленность* (единицы этого опыта всегда истолкованы субъектом, понятны ему, «говорят ему о нём»);
- ◆ *символичность* (этот опыт имеет обобщённое значение для субъекта как символ его «Я» или его жизни в целом);
- ◆ *амплифицированность* (к этому опыту всегда «примешан» сам субъект со своей точкой зрения, системой отношений);
- ◆ *самобытность* (на его основе личность оказывается способной *выводить собственные законы жизни*, он призван подчеркнуть уникальность и значимость единичной жизни);
- ◆ *упорядоченность* (единицы опыта всегда образуют связную цепочку событий, смоделированной самим субъектом «жизненный путь»);
- ◆ *подчинённость единому модусу* (единицы опыта образуют «логику» жизни человека);
- ◆ *семиотизированность* (опыт истолковывается в индивидуальных семантиках личности);
- ◆ *интенсивность* (экзистенциальный опыт переживается как насыщенный, мощный, напряжённый);
- ◆ *относительную вербальную непередаваемость* (для него субъект затрудняется подобрать слова, и он существует в сознании как персональные образно-когнитивные ряды).

Событие жизни → событие сознания: трансформация жизненного опыта в опыт экзистенциальный

Чтобы жизненный опыт был трансформирован субъектом в экзистенциальный, он должен «задевать человека за живое», «иметь к нему непосредственное отношение», т.е. содержать нечто значимое для него. Для этого пережитый случай должен обладать признаками новизны, *расхождения* с привычным опытом, некоего открытия, «откровения», «прояснения»: то, что раньше не замечалось, не понималось или вытеснялось, «высвечивается» для него как ответ на некий сущностный

для личности вопрос. Это, как думается, и есть своеобразная ситуация зарождения смысла: поскольку смыслы *принуждены существовать через субъекта*, они всегда являются «продуктом его собственной активности» [8, с. 53].

Необходимый человеку «здесь-и-теперь» смысл начинает «проглядывать» из ситуации, схватывается через соответствующий фрагмент опыта и становится поводом для вопросов к самому себе и тем самым к рефлексии, интерпретации и/или амплификации. Из континуальности, процессуальности своего существования человек рефлексивно «выхватывает» те эпизоды, которые, с его точки зрения, лучше всего отвечают на вопросы, *зачем он делает то, что делает, и становится ли он таким, каким себя мыслит, если/когда делает это*. Превращая случаи и происшествия жизни в события сознания, человек самообъективируется в них, начинает отождествлять себя с их характеристиками, а свою жизнь — с внутренней логикой и обобщённым итогом этих событий.

Экзистенциальный опыт в качестве основы порождения «Я» как смысловой системы

Таким образом, экзистенциальный опыт образует все то, что человек способен отрефлексировать как *необходимое именно ему*, совершаемое *исключительно «ради самого себя»*, ради развития своей самости и «жизни духа» [9–13]. Осознавая своё существование как собственную задачу — «что нам, людям, можно и должно делать с нами самими» [14, с. 33], — «человек делает себя сам, формирует собственный этос, культивирует в себе субъекта действия» [15, с. 55] и при необходимости трансформирует «себя наличного» в «себя иного», руководствуясь при этом собственными целями и представлениями о том, кем он хочет, может и должен становиться как в определённый момент жизни, так и в долгосрочной транспективе. Факти-

чески речь идёт о «поставлении себя перед собственными глазами, *узревании себя*» и «постановке вопроса о себе: *что я есть как я?* или *что для меня значит быть собой?*» [16, с. 51]. Таким образом, экзистенциальный опыт становится основой *порождения себя как самобытной смысловой системы* – уникального комплекса символично-семиотических «единиц жизни сознания, восполняющих и замещающих собой систему жизненных отношений человека» [17, с. 93]. Эта система проецируется на реальные отношения человека с миром и определяет индивидуальный «способ жить».

Накапливая и используя экзистенциальный опыт, человек объединяет в сознании три семантические плоскости (*действительности, ценности как духовной цели личности и смысла*) и три соответствующих им герменевтических процесса (*объяснения, понимания и истолкования*) [18]. Это позволяет личности из огромного разнообразия случаев и происшествий созидать свой «круг значимого», внутренний мир, в котором действуют и подтверждаются выявленные ею закономерности и принципы.

В качестве «носителей» смысла выступают разнородные ментальные «единицы»: реальные жизненные эпизоды (некоторые случаи, происшествия), яркие персональные переживания, отдельные идеи и мысли, которые человек считает «своими», факты значимого взаимодействия с другими, воспоминания, образы сновидений, усвоенные культурные прецеденты, ассимилированные идентификационные образцы, семейные апокрифы и т.д. Самобытный комплекс этих пристрастно отобранных «единиц» отражает и определяет принятую субъектом *внутреннюю логику организации жизни (экзистенциальную логику, способ жизни)*, выведенные им для себя принципы поведения и деятельности, отвечающие на один из главных вопросов существования: *«зачем он делает то, что делает»*.

Экзистенциальные логики жизни: варианты и смысловые «ядра»

Мы определили *экзистенциальную логику жизни* как устойчивый персональный когнитивно-эмоциональный конструкт (фрейм) сознания, отражающий принятый личностью на данном этапе существования *способ самодетерминации и самоорганизации*. Содержательно развернув намеченную Д.А. Леонтьевым классификацию ответов на вопрос «зачем я делаю то, что делаю?» [16] и опираясь на материал накопленных в консультативной практике нарративов клиентов, мы выделили несколько возможных вариантов экзистенциальных логик с их системообразующими смысловыми «ядрами»:

- 1) *функционально-гомеостатическая жизнь* («Живу, удовлетворяя свои потребности»), системообразующая смысловая единица которой – «поддержание “психологического гомеостаза” как некоторого условного равновесия между «внутренним» и «внешним»;
- 2) *индуцированно-императивная жизнь* («Живу так, потому что жизнь заставила») с системообразующей смысловой единицей «делать, что должно, и будь что будет»;
- 3) *стереотипно-нормативная жизнь* («Живу так, как принято»): системообразующая смысловая единица – «следовать заданному образцу»;
- 4) *хронотопическая жизнь* («Живу так, потому что сейчас все так живут»): системообразующая смысловая единица – «быть как все сейчас», быть на пике актуальности;
- 5) *осмысленная жизнь* («Живу, делая то, что для меня действительно важно»): системообразующий смысловой конструкт – «следовать тому, что считаю значимым»;
- 6) *вероятностно-возможностная жизнь* («Почему бы не попробовать жить так?»): системообразующая смысловая единица – «искать иное, становиться иным», усложняя собственную организацию и принимая ответственность

за «творение» собственного «Я», за «авторство» жизни;

- 7) *холистическая жизнь* («Живу так, потому что так устроен мир»): такое «совмещение себя с бытием» [17, с. 87] предполагает смысловую единицу «быть частью всеобщего целого, исполнять предназначенное».

Эмпирический анализ принятых личностью логик жизни

Наша теоретическая модель потребовала разработки инструмента, с помощью которого в практике экзистенциального консультирования можно было бы анализировать возможные варианты логик, которым следуют клиенты в текущих обстоятельствах своей жизни. Им стала авторская эмпирическая методика «Экзистенциальные логики жизни» — опросник для взрослых респондентов, состоящий из 210 утверждений.

Для каждой из 7 логик было сформулировано по 30 утверждений, представленных в случайном порядке и равно распределённых по 6 «модальностям»:

- 1) *когнитивная* («Знания»), отражающая осознанность, обоснованность, интеллектуальную убеждённость личности в правильности и целесообразности выбранной логики;
- 2) *эмоционально-оценочная* («Чувства»), отражающая личностную вовлечённость субъекта в реализацию выбранной логики, оценку её правильности или неправильности в отношении жизни и характеристик собственной личности;
- 3) *ценностная* («Ценности»), очерчивающая внутреннее отношение субъекта к выбранной экзистенциальной логике, её соотносённость с собственными предпочтениями, мотивациями, потребностями;
- 4) *поведенчески-целевая* («Цели»), отражающая меру, с которой человек готов реализовать эту логику в своей жизни;
- 5) *сценарно-проективная* («Проекты»), выделенная для анализа плана вообра-

жения и представления, который отражает вероятностно-возможностный план принятия логики;

- б) *интуитивная* («Интуиция»), связанная со степенью уверенности/неуверенности субъекта в истинности и действенности выбранной логики.

Апробация методики была осуществлена в рамках проекта «Психосемантическая организация экзистенциального опыта личности» (15-06-10028а) в консультативной практике, на авторских мастер-классах, в образовательном процессе на трёх возрастных группах респондентов: по 30 человек 25–35-летнего, 40–50-летнего и 55–65-летнего возрастов. Результаты позволили сделать ряд заключений.

Молодые респонденты выбирали функционально-гомеостатический (40%) и хронотопический (53%) варианты логик, опираясь преимущественно на эмоционально-оценочный, сценарно-проективный и интуитивный компоненты выбора. Мы объяснили это следующим. По Д.Б. Эльконину, человек не является в полной степени взрослым, пока не включён в систему общественного производства [19], не владеет соответствующими средствами и способами труда, не умеет адекватно вписываться в актуальные социальные практики и жить самостоятельной, ответственной и осмысленной жизнью, управляя собственным развитием. Но современная, быстро усложняющаяся и предъявляющая многоплановые требования к способностям и возможностям личности жизнь увеличивает длительность периодов, предшествующих взрослости, тормозя переход к зрелости. В результате человек довольно долго остаётся в статусе *психологического потребителя*. Комфортно удовлетворяя свои потребности, он вполне легитимно может почти ничего не привносить в бытие и не чувствовать обязанности должностований.

Таким установкам вполне соответствуют «ядра» функционально-гомеостатической («Живу, удовлетворяя свои потреб-

ности») и хронотопической жизни («Живу так, потому что сейчас все так живут»). Современное конsumerистское общество порождает огромное количество соблазнов, ориентированных либо на возрастные группы подростков, юношей и молодых людей («Хочешь...?», «Звони прямо сейчас...»), к которым по своим психологическим характеристикам примыкают современные «young adults», либо на преуспевающих зрелых людей («Ты этого достоин», «Не говори себе “нет”»). Оно формирует в их сознании схему немедленно и незатруднительного удовлетворения любых потребностей и строит иллюзию возможности оставаться современным, «быть на гребне» и пр. Для молодых взрослых быть актуальным чрезвычайно значимо, поскольку это воспринимается как знак успешности, привлекательности и т.п. И только рефлексируя и удовлетворяя свои постоянно меняющиеся потребности, держа «нос по ветру», такой человек чувствует себя «живым» и удовлетворённым жизнью («жизнь удалась»).

Эта позиция создаёт также иллюзию лёгкости бытия, избыточную самоуверенность, эгоцентризм, нарциссизм, самопотакание, прозаичный материализм в действиях и отношениях, лишённый психологичности прагматизм и т.д. Постоянное ненасыщаемое желание яркой, весёлой, незатруднительной жизни приводит к тому, что повседневность с её заботами и обязательствами отрицается как способ жизни и заменяется карнавальностью, игрой, ритуалами. Повторяемость и монотонность повседневности кажутся невыносимыми, действуют угнетающе, но собственной асертивности часто не хватает, чтобы что-то изменить.

Невозможность осуществлять эти логики (не быть, как все, но не по собственному выбору) может приводить как к внутренним последствиям в форме депрессий, переживаниям себя неудачником, отчуждению, одиночеству и т.д., так и к внешнему их отреагированию (вербальной и поведенческой агрессии, поискам врага

в ближайшем окружении, пребыванию в озлобленной защитной позиции «против всех» и пр.).

Выбор эмоционально-оценочного, сценарно-проективного и интуитивного компонентов при осуществлении выбора также свидетельствует о том, что для этого возраста ещё характерно «равнение на всех», оценка себя со стороны, с позиции некоей «нормы», нацеленность на недостаточно конкретно определённое будущее.

В возрастной выборке 40–45-летних респондентов преобладали вероятностно-возможностная (30%) и стереотипно-нормативная (27%) логики жизни. Их дополнили индуцированно-императивная (23%) и осмысленная (20%) логики. Взрослые руководствовались по преимуществу когнитивным и поведенчески-целевым аспектами выбора.

Трезво относящиеся к своей жизни, сменившие «эмоцию» на «рацию», 40–45-летние люди стремятся реализовать возможные жизненные шансы и более асертивно относятся как к достигнутому, так и к возможному в плане самодетерминации, самоорганизации и достижения удовлетворения от жизни. Оказываясь более независимыми от внешней оценки, чем «young adults», они могут позволить себе делать то, что считают необходимым и интересным для самих себя, а это указывает на реализацию внутренней и психологически более свободной установки на «заботу о себе».

Но одновременно обнаруживается их внутренняя ориентация на образцы жизни и ценности старшего поколения. Поскольку молодость этих людей пришлась на советский период, когда жёсткая социализация прививала достаточно однозначные стереотипы успешности, достижений и верности «заветам отцов», сложившийся склад личности обуславливает некоторый консерватизм, стремление следовать оправдавшим себя правилам и моделям родительских и прародительских поколений в быту, личной жизни,

профессиональной сфере. Им свойственна некоторая ностальгия по прошлому, и — сознательно или бессознательно — они не дают в себе «заглохнуть эху СССР» и тогдашним образцам поведения, стилям жизни, жаргонам и т.д.

Также по объективным причинам взрослые респонденты чаще других оказывались в обстоятельствах индуцированно-императивной жизни. Эта логика не столько выбирается самим человеком, сколько навязывается ему факторами, избежать которых у него нет возможности, — заботами, связанными с взрослеющими детьми, принятием на себя новых социальных ролей (бабушки, тёщи и др.), состоянием здоровья и необходимостью ухода за пожилыми близкими людьми, а часто и началом совместной жизни с престарелыми родственниками и сломом привычного образа жизни, рефлексией индивидуальной успешности/неуспешности профессиональной карьеры, прохождением кризиса середины жизни. Ситуация вынужденно необходимой «экзистенциальной жертвы», совершаемой из чувства долга, вины, благодарности, страха и пр., осознаётся всеми респондентами данной группы. Это также объясняет преобладание когнитивной и поведенчески-целевой модальностей при совершении выбора логики, означающих, что выбор делается осознанно, часто вопреки планам и желаниям личности, но с известной долей смирения перед судьбой.

У респондентов 55–65 лет преобладал выбор стереотипно-нормативной (40%) и осмысленной (37%) жизни с ориентацией на ценностную модальность. Ряд выборов был сделан в пользу холистической жизни (23%), что несколько противоречит традиционному взгляду на пожилой возраст как на фазу универсализации, мудрости, гармонии с реальностью и пр. Кроме того, заметно больший разброс выборов вариантов логик в этой возрастной выборке свидетельствует о нарастании разнообразия способов развития личности

в пожилом возрасте: оно сильнее зависит от персонального опыта, чем от хронологического возраста или социально-экономических обстоятельств эпохи.

Выбор стереотипно-нормативной жизни объясняется следующим. Осуществлявшаяся с послевоенных лет в отношении детей, подростков и молодёжи достаточно строгая и унифицированная социализация сформировала устойчивый и осторожный тип ментальности, в котором следование правилу, закону, стереотипу воспринималось как надёжное и безопасное. Известная ностальгия по себе молодому и уходящему прошлому своего поколения также создаёт позитивный фон для того, чтобы не стремиться к изменениям в уже сложившейся жизни («искать добра от добра»), а наоборот культивировать в повседневной жизни «приметы милой старины».

Также объясним и выбор осмысленной логики жизни: к указанному возрасту жизненный путь уже неоднократно подвергался рефлексии и коррекции [20, 21, 22]: человек научился извлекать уроки из собственного опыта, овладел способностью ставить ориентированные на себя и обоснованные с точки зрения всей жизни цели, у него сложилась система проверенных собственным опытом принципов и т.д. Не случайно именно к этому возрасту люди чаще ощущают себя более удовлетворёнными сложившейся жизнью и даже счастливыми [23].

Выбор холистической логики, насколько можно судить по результатам апробации, принципиально является редким. Осознать себя частью мироздания, «сколком» универсума, проекцией своей этнической культуры и т.п. удаётся очень немногим людям. Такому выбору способствует индивидуально обретенная философичность, связанная, как правило, с образованием и профессией, с интересом к философской, теологической, этической литературе, а в ряде случаев — с религиозностью респондентов и опытом, который они именуют «необычным»,

«странным», «уникальным» (убеждающим их в том, что их жизнь в смысловом или бытийном плане есть нечто большее, чем повседневное существование).

Для группы пожилых респондентов была характерна преимущественная ориентация на ценностную модальность. Поскольку в распоряжении рефлексии респондентов находится практически вся прожитая жизнь, стремящаяся к своему завершению, человеку становится легче оценивать и наделять смыслом не только её отдельные, частные фрагменты, но их большую совокупность, охваченную индивидуально выстроенными и понятыми причинно-следственными связями. С высоты прожитых лет человеку легче сделать вывод, что же было для него главным, какие основные уроки он вынес из собственного опыта, что он готов передать тем, кто моложе, и т.д.

Выводы

Проведённый анализ позволяет сделать ряд предварительных заключений.

1. Феномен экзистенциальной логики жизни может быть описан как устойчивый персональный когнитивно-эмоциональный конструкт (фрейм) сознания, в котором соединены процессы объяснения, понимания и истолкования человеком самого себя и содержится принятый им способ самодетерминации и самоорганизации, выраженный в форме ответа на вопрос «Зачем/почему я делаю то, что делаю?».
2. В процессе поиска персонального ответа на вопрос «Зачем/почему я делаю то, что делаю?» осуществляется порождение

собственного «Я» как самобытийной смысловой системы, актуальной для текущего этапа жизни и становящейся основой самоорганизации и самоинтерпретации жизни.

3. Вариациями экзистенциальной логики жизни являются функционально-гомеостатический, индуцированно-императивный, стереотипно-нормативный, хронотопический, вероятностно-возможностный, осмысленный и холистический способы.
4. Информативным инструментом для их анализа, разработанным для практики экзистенциально-нарративного консультирования, может стать авторская эмпирическая методика «Экзистенциальные логики жизни».
5. Анализ результатов апробации методики на трёх возрастных группах по 30 испытуемых в каждой показал, что для респондентов 25–35 лет актуальны функционально-гомеостатический и хронотопический варианты экзистенциальных логик (при опоре на эмоционально-оценочный, сценарно-проективный и интуитивный компоненты выбора); для респондентов 40–50 лет характерны выборы вероятностно-возможностной, стереотипно-нормативной, индуцированно-императивной и осмысленной логик (при опоре на когнитивные и поведенчески-целевые модальности выбора); 55–65-летние респонденты выбирали стереотипно-нормативный, осмысленный и холистический способы жизни, руководствуясь при этом по преимуществу ценностной модальностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Три беседы о метатеории сознания. Краткое введение в учение виджнянавады // Труды по знаковым системам. Тарту: Тартуский государственный университет, 1971. Т. V. С. 345–376.
2. Середа Г.К. Теоретическая модель памяти как механизма системной организации индивидуального опыта // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2009. № 2. Электронный ресурс: <http://psyanima.su/journal/2009/2/2009n2a7/2009n2a7.pdf>. Дата обращения: 18.04.2017.

3. Фрейденберг О.М. Система литературного сюжета // Монтаж: Литература. Искусство. Театр. Кино / Сост. М.Б. Ямпольский. М.: Наука, 1988. С. 216–237.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
5. Володихин Д.М. Экзистенциальный биографизм в истории // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 1999. № 24. С. 256–260.
6. Репина Л.П. Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти // Сотворение Истории. Человек – Память – Текст. Казань: Изд-во КГУ, 2001. С. 344–360.
7. Мамардашвили М.К. Необходимость себя. Введение в философию. Доклады, статьи, философские заметки. М.: Лабиринт, 1996.
8. Бадью А. Делёз. «Шум бытия». М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Логос-Альтера, 2004.
9. Бабушкина Д.А. Понимание в структуре заботы о себе: обречённость на понимание // Философские и духовные проблемы науки и общества. VII Санкт-Петербургская Ассамблея молодых учёных и специалистов: Междисциплинарный семинар (23 ноября 2002 г.). СПб.: СПбГУ, 2002. С. 51–57.
10. Иванченко Г.В. Забота о себе: История и современность. М.: Смысл, 2009.
11. Петрова Г.И. «Забота о себе»: технология или антропология? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 2 (6). С. 136–143.
12. Пичугина В.К. Становление и развитие антропологического дискурса педагогики «заботы о себе» // «Письма в Эмиссия. Оффлайн (The Emissia. Offline Letters)»: электронный научный журнал. Май 2012, ART 1805. СПб., 2012. Электронный ресурс: <http://www.emissia.org/offline/2012/1805.htm>. Дата обращения: 16.04.2017.
13. Соловьёв А.Е. Историко-философский анализ феномена «заботы о себе»: Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03, 09.00.13. Ростов-на-Дону, 2006.
14. Рорти Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов // Вопросы философии. 2003. № 3. С. 30–41.
15. Лехциер В.Л. «Забота о себе» и проблема философского образования // Идея университета и топос мысли: Материалы конференции (3–5 октября 2005 г., Самара). Самара: Самарский государственный университет, 2005. С. 51–65.
16. Леонтьев Д.А. К дифференциальной антропологии // Наука и будущее: идеи, которые изменяют мир: Материалы международной конференции (15–16 апреля 2004 г., Москва). М.: МГУ, 2004. С. 107–109.
17. Кубарев В.С. Философско-психологическое содержание и перспективы исследования проблемы смысла жизни // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 2. С. 86–99.
18. Риккерт Г. Философия жизни. К.: Ника-Центр, 1998.
19. Эльконин Д.Б. Психология игры. М.: Владос, 1999.
20. Клементьева М.В. Биографическая рефлексия как ресурс саморазвития взрослых людей // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 1. С. 14–23.
21. Воля Е.С. Образовательная биография. М.: РГГУ, 2014.
22. Томэ Д., Шмид У., Кауфманн В. Вторжение жизни. Теория как тайная автобиография. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2017.
23. Новые теоретико-методологические подходы к исследованию в клинической психологии / Под ред. Т.Д. Шевеленковой. М.: ООО «Левъ», 2013.

ENGLISH

Personal Existential Experience: Empirical Analysis Attempt

Sapogova Elena Evgenyevna is DSc in Psychology, professor of Developmental Psychology, Department of Psychology, Moscow State Pedagogical University; head of the project "Psychosemantic Structure of the Person's Existential Experience" (15-06-10028a).

E-mail: esapogova@yandex.ru

Based on the author's existential-narrative approach, concepts of experience, life and existential experience are specified. The psychological content of existential experience is defined as a complex of personally significant concepts that are semantically correlated with the person and constructed as an individually meaningful generalization of the content and senses of unique life events and circumstances that happened to a person and disclosed their values only to him/her. The concept of an individual existential logic of life was proposed as a sustainable cognitive and emotional construct (frame) of consciousness. It unites self-explaining, self-understanding and self-interpretation and defines a personally assimilated mode of self-determination and self-organization stated in an answer to the question "What for and why do I do in my life what I do?". The author introduces, theoretically substantiates and with the help of own technique "Existential logics of life" empirically reveals some variants of such logics: functional-homeostatic, induced-imperative, stereotypically-prescriptive, chronotopic, probabilistic-possibilistic, comprehended and holistic. The paper contains results of a qualitative analysis of its testing in groups of young (25–35 years), adult (40–50 years), and elderly (55–65 years) respondents and their interpretation.

Keywords: experience, life experience, existential experience, existential logic of life, personality

REFERENCES

1. Mamardashvili M.K., Pyatigorskij A.M. Tri besedy o metateorii soznaniya. Kratkoe vvedenie v uchenie vidzhnyanavy // Trudy po znakovym sistemam. Tartu: Tartusskij gosudarstvennyj universitet, 1971. T. V. S. 345–376 (in Russian).
2. Sereda G.K. Teoreticheskaya model' pamyati kak mekhanizma sistemnoj organizatsii individual'nogo opyta // Psikhologicheskij zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshchestva i cheloveka «Dubna». 2009. № 2. Elektronnyj resurs: <http://psyanima.su/journal/2009/2/2009n2a7/2009n2a7.pdf>. Data obrashcheniya: 18.04.2017 (in Russian).
3. Frejdenberg O.M. Sistema literaturnogo syuzheta // Montazh: Literatura. Iskusstvo. Teatr. Kino / Sost. M.B. Yampol'skij. M.: Nauka, 1988. S. 216–237 (in Russian).
4. Leont'ev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M.: Politizdat, 1975 (in Russian).
5. Volodikhin D.M. Ekzistentsial'nyj biografizm v istorii // Informatsionnyj byulleten' Assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter». 1999. № 24. S. 256–260 (in Russian).
6. Repina L.P. Personal'nye teksty i «novaya biograficheskaya istoriya»: ot individual'nogo opyta k sotsial'noj pamyati // Sotvorenie Istorii. Chelovek — Pamyat' — Tekst. Kazan': Izd-vo KGU, 2001. S. 344–360 (in Russian).
7. Mamardashvili M.K. Neobkhodimost' sebya. Vvedenie v filosofiyu. Doklady, stat'i, filosofskie zametki. M.: Labirint, 1996 (in Russian).

8. Bad'yu A. Delyoz. «Shum bytiya». M.: Fond nauchnykh issledovanij «Pragmatika kul'tury», Logos-Al'tera, 2004 (in Russian).
9. Babushkina D.A. Ponimanie v strukture zaboty o sebe: obrechyonnost' na ponimanie // Filosofskie i dukhovnye problemy nauki i obshchestva. VII Sankt-Peterburgskaya Assambleya molodykh uchyonykh i spetsialistov: Mezhdistsiplinarnyj seminar (23 noyabrya 2002 g.). SPb.: SPbGU, 2002. S. 51–57 (in Russian).
10. Ivanchenko G.V. Zabota o sebe: Istoriya i sovremennost'. M.: Smysl, 2009 (in Russian).
11. Petrova G.I. «Zabota o sebe»: tekhnologiya ili antropologiya? // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2009. № 2 (6). S. 136–143 (in Russian).
12. Pichugina V.K. Stanovlenie i razvitie antropologicheskogo diskursa pedagogiki «zaboty o sebe» // «Pis'ma v Emissiya. Offlajn (The Emissia. Offline Letters)»: elektronnyj nauchnyj zhurnal. Maj 2012, ART 1805. SPb., 2012. Elektronnyj resurs: <http://www.emissia.org/offline/2012/1805.htm>. Data obrashcheniya: 16.04.2017 (in Russian).
13. Solov'yov A.E. Istoriko-filosofskij analiz fenomena «zaboty o sebe»: Dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.03, 09.00.13. Rostov-na-Donu, 2006 (in Russian).
14. Rorti R. Ot religii cherez filosofiyu k literature: put' zapadnykh intellektualov // Voprosy filosofii. 2003. № 3. S. 30–41 (in Russian).
15. Lekhtsier V.L. «Zabota o sebe» i problema filosofskogo obrazovaniya // Ideya universiteta i topos mysli: Materialy konferentsii (3–5 oktyabrya 2005 g., Samara). Samara: Samarskij gosudarstvennyj universitet, 2005. S. 51–65 (in Russian).
16. Leont'ev D.A. K differentsial'noj antropologii // Nauka i budushchee: idei, kotorye izmenyat mir: Materialy mezhdunarodnoj konferentsii (15–16 aprelya 2004 g., Moskva). M.: MGU, 2004. S. 107–109 (in Russian).
17. Kubarev V.S. Filosofsko-psikhologicheskoe sodержanie i perspektivy issledovaniya problemy smysla zhizni // Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. 2015. T. 11. № 2. S. 86–99 (in Russian).
18. Rikkert G. Filosofiya zhizni. K.: Nika-Tsentr, 1998 (in Russian).
19. El'konin D.B. Psikhologiya igry. M.: Vlados, 1999 (in Russian).
20. Klement'eva M.V. Biograficheskaya refleksiya kak resurs samorazvitiya vzroslykh lyudej // Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. 2016. T. 12. № 1. S. 14–23 (in Russian).
21. Volya E.S. Obrazovatel'naya biografiya. M.: RGGU, 2014 (in Russian).
22. Tome D., Shmid U., Kaufmann V. Vtorzhenie zhizni. Teoriya kak tajnaya avtobiografiya. M.: Izd. Dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2017 (in Russian).
23. Novye teoretiko-metodologicheskie podkhody k issledovaniyu v klinicheskoy psikhologii / Pod red. T.D. Shevelenkovej. M.: OOO «Lev», 2013 (in Russian).

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 902.2
ГРНТИ 03.41.91

М.С. ГАДЖИЕВ*

Дербентское поселение: некоторые итоги раскопок (2012–2016 годов)

В 2012 г. Дербентская археологическая экспедиция Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН возобновила исследования Дербентского поселения, которое предшествовало возведённому в правление шаханшаха Хосрова I Ануширвана (531–579) в конце 560-х гг. новому городу, получившему название Дербент (ср.-перс. Дарбанд). Поселение занимает доминирующую над Дербентским проходом вершину отрога Джалганского хребта, спускающегося своим восточным склоном к Прикаспийской равнине. С севера оно ограничено крутыми, обрывистыми склонами, с востока и юга — относительно пологими.

В 440-х гг. в правление шахиншаха Йездигерда II (438–457) на северной оконечности поселения была сооружена цитадель площадью около 3 га, возведённая из сырцовых кирпичей на каменном цоколе [см.: 1, с. 243–257; 2, с. 31–43; 3, с. 61–76; 4, с. 122–147]. Судя по материалам археологических исследований, древнее поселение занимало территорию будущей каменной цитадели Нарын-кала, повторившей очертания цитадели V в., и примыкающую к ней с юга территорию на общей площа-

ди около 6–7 га. Датировка поселения укладывается в рамки I–VI (VII) вв. н.э. (поздний албано-сарматский и сасанидский периоды). Отложения этого времени зафиксированы на территории цитадели VI в. повсеместно, где раскопки были доведены до материка — раскопки II, IV, XI–XIII, XXIII, а за пределами цитадели — в раскопах III, VII, XIV–XVII, XIX и в стратиграфических шурфах 10 и 11 (рис. 1).

Исследования на раскопе XXV дают возможность не только получить новые данные о материальной и духовной культуре, архитектуре, хозяйству и быту обитателей древнего поселения Дербента, но и уточнить его стратиграфию и хронологию.

В результате работ на раскопе XXV (рис. 2, 3), расположенном в 93 м к ЮВ от южной угловой башни цитадели Нарын-кала, были выявлены пять культурных напластований общей мощностью до 3 м и связанные с ними архитектурные и бытовые остатки, датируемые в диапазоне от I–II вв. н.э. до VI в. включительно. Культурный слой поселения потревожен впущенными в него средневековыми мусульманскими погребениями (погр. 1–21), объединёнными единым погребальным обрядом, харак-

* **Гаджиев Муртазали Серажутдинович** — доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом археологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (Махачкала), руководитель проектов «Археологические исследования в зоне Дербента» (12-01-18031e, 13-01-18008e, 14-01-18019e, 15-01-18016e, 16-01-18022e).

E-mail: murgadj@rambler.ru

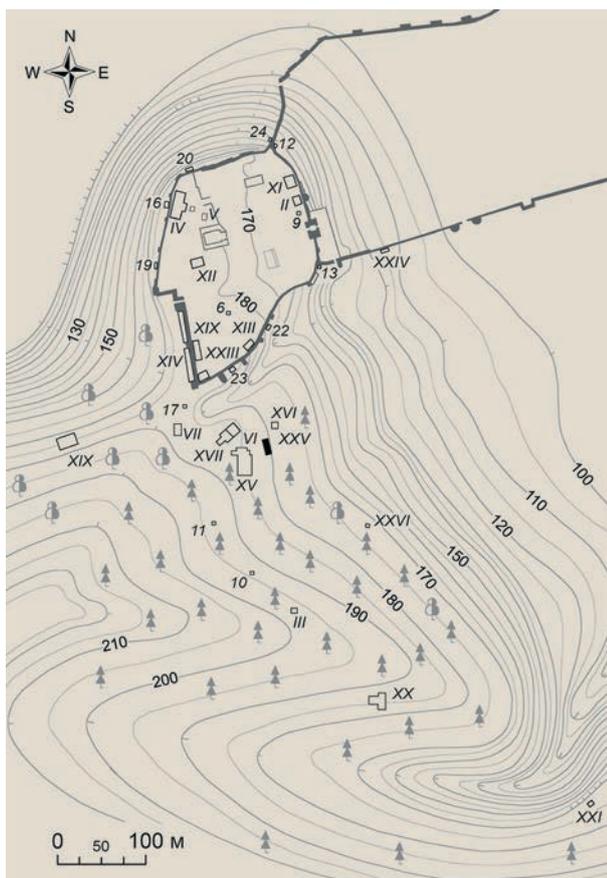

Рис. 1. Дербент. План цитадели Нарын-кала VI в. и Дербентского поселения с указанием места расположения раскопа XXV, а также ранее заложенных раскопов (обозначены римскими цифрами) и стратиграфических шурфов (обозначены арабскими цифрами)

теризующимся захоронением умерших в простой удлинённой грунтовой яме вытянуто на спине или на правом боку, голо-

вой на ЮЗ, с повёрнутым на юг (в сторону киблы) черепом [5, с. 108–129; 6, с. 144–173; 7, с. 168–187; 8].

С верхним слоем (слой 1), нарушенным современными пахотой и лесопосадками, связана хозяйственная яма 3, выделяющаяся устроенным в ней каменным ящиком для хозяйственных нужд (рис. 4) и датирующаяся по происходящему из неё керамическому комплексу VI–VII вв. В слое изредка встречается более поздняя средневековая керамика. В нём найден и хорошей сохранности уникальный медный фельс (диаметр 18–19 мм) (рис. 5, 2) наместника Арминии и Азербайджана Марвана ибн Мухаммада, чеканенный в 122 г. по хиджре / 740 г. в ал-Бабе (Дербент) (определение Г.В. Злобина).

С нижележащим слоем 2 связаны остатки стены, примыкающего глинобитного пола, база колонны, представляющая собой прямоугольный плинт (размерами 50–51 × 49–50 × 20 см) с установленным на нём полукруглым торусом ($d = 40–42$ см, толщиной 13–14 см) (рис. 6), очаг открытого типа, скопления керамических сосудов (рис. 5, 3–7). Среди серии индивидуальных находок из слоя 2 особый интерес представляет уникальная, не находящая аналоги бронзовая подвеска-амулет (высота 3,2 см; рис. 5, 1), которая имеет трёхчастную композицию, возможно, отражающую распространённые пред-

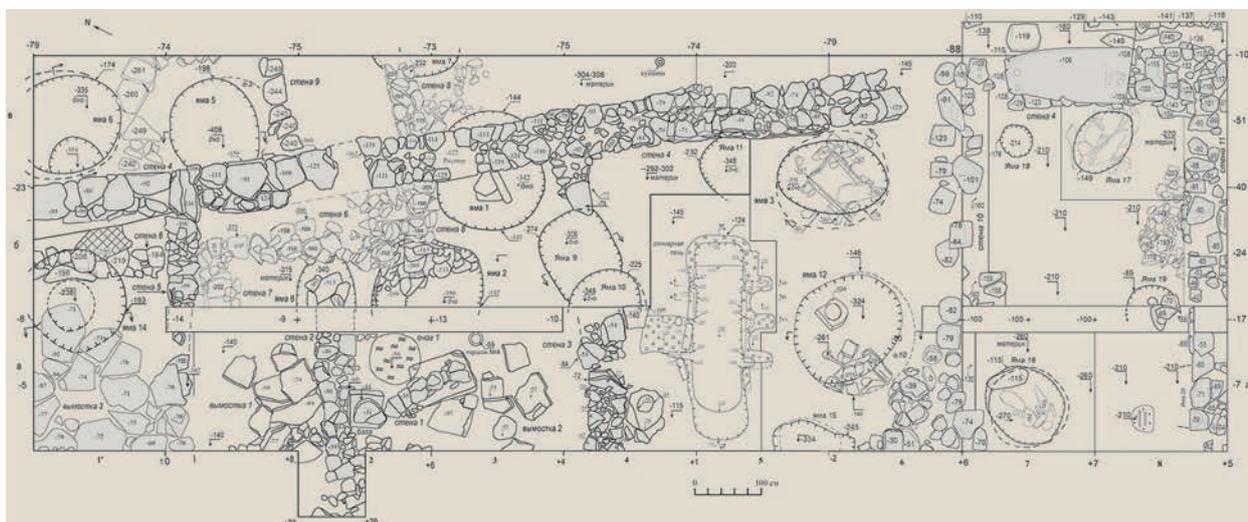

Рис. 2. Дербентское поселение. Раскоп XXV. Общий план (2015 г.)

Рис. 3. Дербентское поселение. Раскоп XXV. Общий вид с ЮВ (2015 г.)

ставления о трёхчастности мироздания: в центре её — куб ($1,1 \times 1,1$ см) со срезанными углами (четырнадцатигранник) и с отверстием в центре ($d = 0,5$ см); в верхней части подвески (на кубе) размещено изображение сидящей птицы (голубя?), в нижней части (под кубом) — обращённый лезвием вниз секировидный выступ.

На начало отложения слоя 2 и завершение отложения слоя 3 стратиграфически приходится хозяйственная яма 2, в которой наряду с многочисленными обломками керамической посуды были найдены предметы печного припаса, представленные керамическим штырём ($d = \text{ок. } 2$ см) (рис. 7, 10) и обломками двух кубовидных (со стороной 7–8,7 см) керамических изделий со сквозным отверстием ($d = \text{ок. } 2$ см) и прокалённой и частично оплавленной одной стороной (рис. 5, 8, 9).

Со временем отложения слоя 3 связаны остатки семи смежных

помещений, представляющих один архитектурный комплекс, нескольких хозяйственных ям и гончарной печи. Следует отметить, что все помещения имеют

Рис. 4. Дербентское поселение. Раскоп XXV. Каменный ящик в хозяйственной яме 3 (стрелкой показана бронзовая подвеска (рис. 7, 20) in situ)

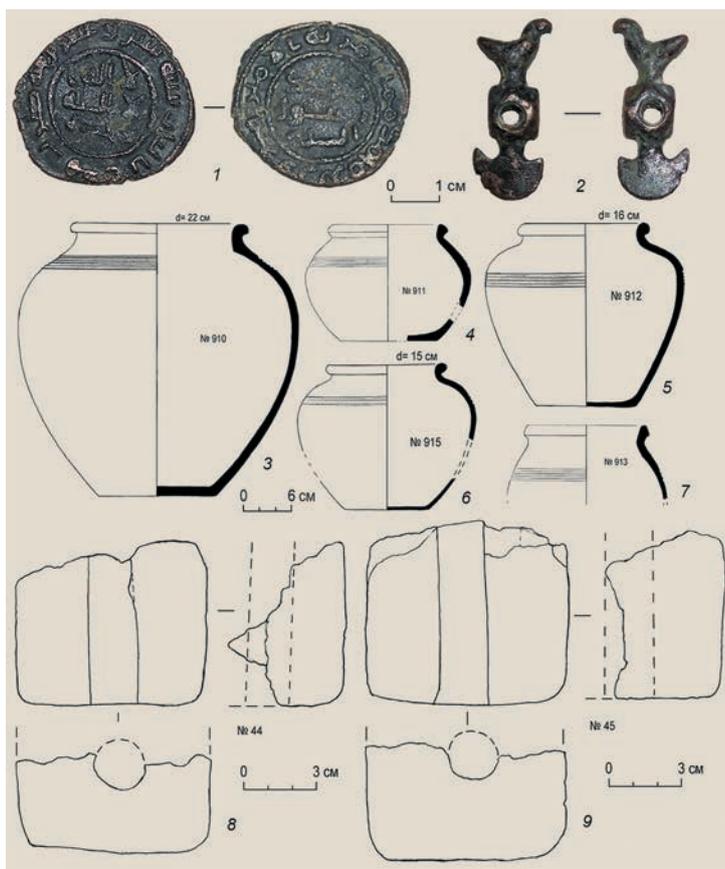

Рис. 5. Дербентское поселение. Раскоп XXV. Медная монета-фельс из слоя 1 (1), бронзовая подвеска из слоя 2 (2), горшки (3–7) из скопления керамики 1–4 и керамические предметы печного припаса (8, 9) из хозяйственной ямы 2

одну общую стену (стена 4), к которой они примыкают с западной стороны (см. рис. 2, 3). Стена пока прослежена в длину более чем на 22 м; она сложена на глиняном растворе двупанцирной или двурядной по толщине кладкой из крупных и средних необработанных или частично подправленных камней с использованием мелких камней во внутренней забутовке стены и при подкладке под крупные камни для их большей устойчивости; ширина стены 65–75 см при сохранившейся высоте max 68–95 см.

Необычная протяжённость стены, её более капитальный характер по сравнению с другими стенами, местоположение у начала склона, сооружение местами на эскарпированной площадке склона

с опорой на грань среза, примыкание к ней стен помещений с западной стороны дают основания считать, что эта стена, обращённая своей наружной (восточной) стороной к Прикаспийской равнине (Дербентскому проходу), служила наружной (внешней) фасадной стеной домостроений Дербентского поселения, выполняя тем самым и оборонительную функцию. Такой принцип архитектурно-пространственного оформления поселения характерен для традиционной горской архитектуры Дагестана, когда наружные фасадные стены домостроений, расположенных по периметру поселения, выделяются своей протяжённостью и толщиной, неся и оборонительную нагрузку.

Интерес представляет находка свыше десятка керамических сосудов, обнаруженных на уровне пола в помещении 6 (рис. 8), среди них столовые, тарные, кухонные (рис. 9). Значительное число сосудов в данном помещении (и в других секторах раскопа, связанных с функционированием данного строитель-

Рис. 6. Дербентское поселение. Раскоп XXV. База колонны in situ

хозяйственного комплекса на рубеже слоёв 2 и 3) может свидетельствовать о внезапности его оставления, вызванного какой-то угрозой, и последующей его гибели. Учитывая датировку слоёв 2 и 3, можно предварительно связывать этот акт с бурными военно-политическими событиями начала 450-х гг. (антисасанидское восстание закавказских стран).

Большое число хозяйственных ям, связанных с отложением слоя 3, говорит об активной жизнедеятельности на поселении. Помимо представительной керамической коллекции и серии индивидуальных находок, в ямах были обнаружены железная крица (яма 1), сасанидский кувшин (яма 6 – рис. 7, 9), фрагменты кубовидного изделия с отверстием, аналогичного найденным в яме 2 (см. рис. 5, 8, 9), 20 абразивов из пористого зернистого песчаника (яма 5 – рис. 7, 1–8), представляющих собой бруски подпрямоугольного сечения (3–4 × 4–4,5 см) длиной 9,5–13 см с одной рабочей гранью. Последние находки, оче-

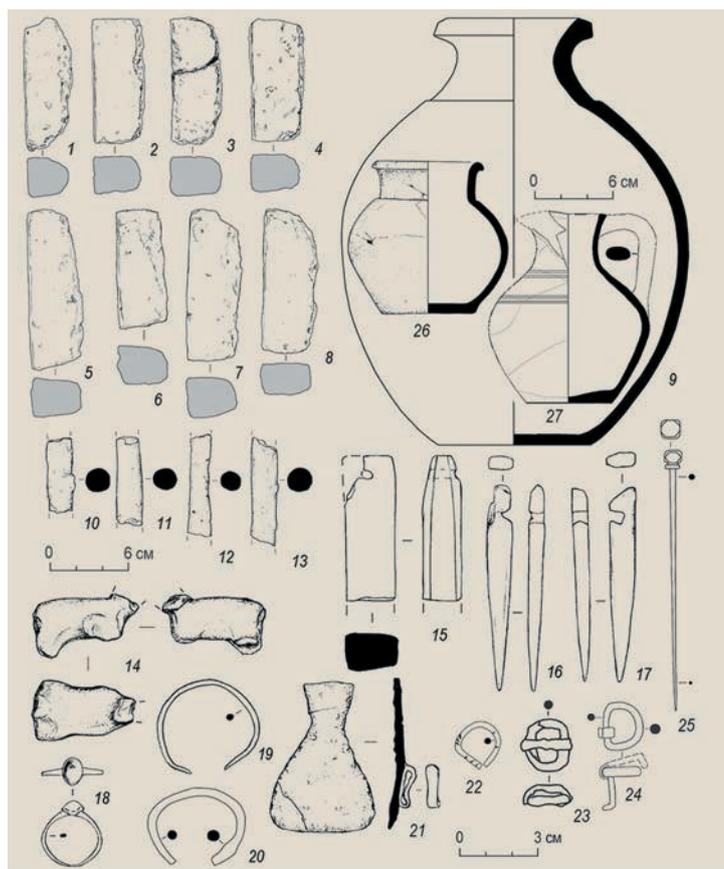

Рис. 7. Дербентское поселение. Раскоп XXV. Индивидуальные находки: каменные абразивы (1–8), сасанидские кувшины (9, 26, 27), керамические штыри (10–13), зооморфная статуэтка (14), каменный оселок (15), костяные иглы (16, 17), бронзовые кольцо (18), браслеты (19, 20), подвеска (21), серьга (22), поясные пряжки (23, 24), булавка (25)

Рис. 8. Дербентское поселение. Раскоп XXV. Скопление раздавленных сосудов в помещении 6

видно, использовались и в кузнечном производстве для шлифовки и заточки готовых железных изделий. 12 подобных абразивов ранее были найдены в Дербенте в хозяйственной яме 17 на раскопе XIV, где был исследован так называемый дом кузнеца, датируемый периодом от I в. н.э. до середины III в. н.э. (в комплекс были впущены погребения второй половины III – начала IV в. н.э.) [9, л. 27–28, рис. 73, 1–12, 75; 10, с. 125]. В обоих случаях бруски-абразивы обнаружены в хозяйственных ямах, причём в большом количестве.

Связанная со слоем 3 печь для обжига керамики (рис. 10А), от которой сохранились пред-

Рис. 9. Дербентское поселение. Раскоп XXV.
Целые сосуды из помещения 6

топочная (загрузочная) яма и топочная камера, представляла собой удлиненную яму с закругленными углами, длиной 3,0 м, шириной 0,74–0,82 м и глубиной 0,86–0,96 м. Боковые стенки топочной камеры были обложены прокаленными сырцовыми кирпичами (размером 40–42 × 40–42 × 10–12 см), которые соответствуют по размерам сырцовым кирпичам, использовавшимся, в частности, при сооружении сасанидских укреплений Дербента, городища Торпахкала середины V в., Гильгильчайской стены начала VI в.

Печь имела шесть вертикальных каналов-продухов, расположенных друг против друга по три с каждой продольной стороны топочной камеры, которые поднимались от дна камеры и в верхней её части наклонно выходили на древнюю дневную поверхность. Верхняя часть заполнения печи представляла собой сплошной слой пещины и обломков обожженных сырцовых кирпичей от рухнувшего пере-

крытия и свода. В этом слое были найдены фрагменты прокаленной саманной крышки ($d = \text{ок. } 55 \text{ см}$), которая, вероятно, использовалась для прикрытия отверстия в коробовом своде обжигательной камеры. Придонная часть заполнения печи представляла собой слой золы и древесного угля толщиной 20–30 см. В заполнении печи были найдены фрагменты керамической посуды, среди которой выделяются показательные обломки сасанидской керамики (рис. 10Б, 1–4), ручки кувшинов (рис. 10Б, 5–7), которые, судя по характеру их оснований, откололись от сосудов во время обжига, и фрагменты необожженной белоглиняной чаши (рис. 10Б, 8).

Данная конструктивно и технологически развитая печь, датированная V в. и находящая определенные аналоги, в частности среди гончарных печей Мингечаура VI–VII вв. [11, с. 170–171; 12, с. 42–54; 13, с. 31–79], отражает влияние Сасанидского Ирана на местное гончарное производство, что ранее отмечалось нами на основе изучения продукции гончарного ремесла Дербента и Южного Дагестана [14, с. 47–72].

Керамический комплекс трёх верхних слоёв характеризуется сочетанием различных диагностирующих, хронологически показательных технико-технологических и стилистических групп столовой, тарной и кухонной керамики, характерной в целом для IV–VI вв. (столовая красно- и коричневоглиняная лощёная каннелюрованная, бежево- и розовоглиняная красноангобированная керамика, красноглиняная гладкостенная керамика, в том числе кувшины-ойнохой с пуговичными налёпами-«глазками», сасанидская столовая и тарная посуда и др.).

Со слоем 4 связаны остатки трёх стен и нескольких хозяйственных ям. В комплексе керамики этого слоя отсутствует

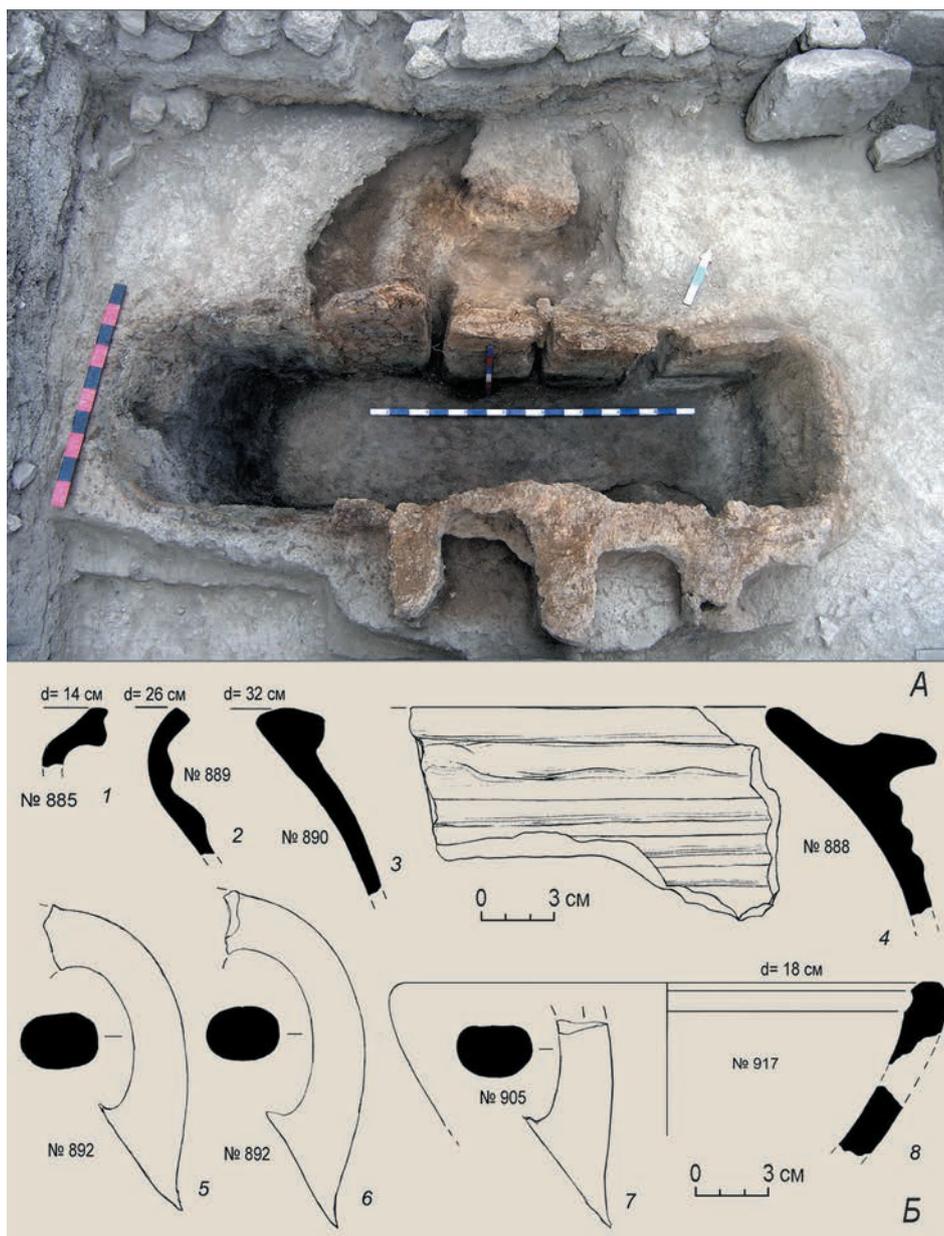

Рис. 10. Дербентское поселение. Раскоп XXV.

А — остатки печи для обжига керамики, Б — фрагменты керамической посуды из топочной камеры и загрузочной ямы

сасанидская посуда, большее представительство имеет серо- и коричневоглиняная керамика с наружной лощёной чёрной или серой поверхностью, типичная для албано-сарматского периода. Это позволяет, учитывая стратиграфическую позицию слоя и хронологию вышележащих слоёв, предварительно датировать его III–IV вв. Предматериковый слой 5, слабо насыщенный культурными остатками, вскрыт пока на небольшом участке,

предварительно датирован первыми веками нашей эры.

В ходе работ на раскопе XXV получен богатый археологический материал, представленный фрагментами керамической посуды, изделиями из керамики (пряслица, штыри, зооморфная статуэтка — см. рис. 7, 10–14), кости (иглы, проколки — рис. 7, 16, 17), бронзы (браслеты, кольцо, булава, подвески, пряжки, фибула и др. — рис. 7, 18–25), железа (гвозде-

видные и ножевидные предметы), камня (пряслица, оселки, жернова, зернотёрки и др.), стекла (бусы, фрагменты сосудов), зафиксированы гончарное, кузнечное и железоделательное производства.

Особую важность имеют находки в заполнении двух хозяйственных ям (соответственно 12 и 18), стратиграфически связанных с отложением слоя 3, бронзовых поясных пряжек (рис. 7, 23, 24) [7, с. 172, рис. 6, 16; 8], выступающих опорными хронологическими индикаторами. Обе пряжки представляют один тип — это овальнорамчатая пряжка, рамка слегка утолщена в передней части и немного утончена и выпрямлена в задней части, Г-образный язычок охватывает рамку на всю высоту, заходя за середину её сечения и примыкая к ней. По форме рамки и язычка они датируются последними десятилетиями IV в. — началом V в. н.э. и близки характерным для указанного времени пряжкам типа П11, по В.Ю. Малашеву [15, с. 196; 16, с. 139, рис. 1, б], которые выступают, в частности, хроноиндикатором финала черняховской культуры с датировкой последними десятилетиями IV — началом V в. н.э. [17, с. 51; 18, с. 268; 19, с. 22, 24, рис. 12, 19–22, 13, 2, 14, б]. Вместе с другими хронологически показательными находками (в том числе

образцами так называемой сасанидской керамики) они служат опорой для датировки культурных напластований раскопа и связанных с ними строительных и хозяйственных объектов, а также для разработки хронологии вещевых комплексов.

Полученные материалы характеризуют культуру и быт обитателей Дербентского поселения, идентифицируемого с известным по письменным источникам V–X вв. (Бузанд, Егишэ, Парпеци, Агатангелос, Хоренаци, Ширакаци, Каланкатуаци, Цуртавели, Прокопий Кесарийский, Михаил Сириец, Табари, Хордадбех и др.) городом-укреплением Чор — предшественником Дербента (об идентификации Чора и Дербента см.: [10, с. 10, 45–48; 20, с. 423; 21, с. 120–121; 22, с. 38–45; 23, с. 166–167]), который выступал важным военно-стратегическим, административно-политическим и религиозным центром Восточного Кавказа. Вместе с тем полученные археологические материалы подтверждают отсутствие на территории Дербентского поселения слоёв, относящихся к последним векам до н.э. и более ранним периодам (предскифскому, скифскому), а также фиксируют непрерывное и преемственное развитие поселения с первых веков н.э. до VI в. включительно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудрявцев А.А. О датировке первых сасанидских укреплений в Дербенте // Советская археология. № 3. 1978. С. 243–257.
2. Кудрявцев А.А. «Длинные стены» на Восточном Кавказе // Вопросы истории. № 11. 1979. С. 31–43.
3. Гаджиев М.С. Исследования сырцовой фортификации цитадели Дербента сасанидского времени (по материалам раскопов Р–XI и Р–XIII) // Древняя и средневековая архитектура Дагестана. Махачкала, 1989. С. 61–76.
4. Гаджиев М.С. Раскопки в цитадели Дербента в 2011 г. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. Махачкала, 2013. № 1. С. 122–147.
5. Гаджиев М.С., Будаичиев А.Л. Раскопки Дербентского поселения в 2012 г. // Там же. № 4. С. 108–129.
6. Гаджиев М.С., Будаичиев А.Л., Абдулаев А.М. Раскопки Дербентского поселения в 2013 г. // Там же. 2016. № 1. С. 144–173.

7. Гаджиев М.С., Будаичиев А.Л., Абдулаев А.М., Шаушев К.Б. Раскопки Дербентского поселения в 2014 г. // Там же 2016. № 3. С. 168–187.
8. Гаджиев М.С., Будаичиев А.Л., Абдулаев А.М., Шаушев К.Б. Раскопки Дербентского поселения в 2015 г. // Там же. 2017. № 1 (*в печати*).
9. Кудрявцев А.А. Отчёт о работе Дербентской археологической экспедиции в 1987 г. // Архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 670.
10. Гаджиев М.С. Древний город Дагестана: Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа. М.: Восточная литература, 2002.
11. Ионе Г.И. Об обжигательных печах Мингечаура // Вестник древней истории. 1948. № 3. С. 170–171.
12. Ионе Г.И. Гончарные печи древнего Мингечаура // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Вып. 24. 1949. С. 42–54.
13. Ионе Г.И. О гончарных обжигательных печах Мингечаура // Материальная культура Азербайджана. Т. 3. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1953. С. 31–79.
14. Гаджиев М.С. Столовая керамика Южного Дагестана рубежа албанского и раннесредневекового времени // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984. С. 47–72.
15. Малашев В.Ю. Периодизация ремённых гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–232.
16. Кривошеев М.В., Малашев В.Ю. Хроноиндикаторы середины III–IV вв. н.э. из степных памятников Волго-Донского региона // Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвящённой 70-летию юбилею Б.А. Раева (Кагальник, 20–21 октября 2016 г.) / Отв. ред. С.И. Лукьяшко. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. С. 138–147.
17. Гавритухин И.О. Хронологические индикаторы финала черняховской культуры. I. Толстостенные кубки со шлифованной и пластической орнаментацией: конические и с выделенной ножкой (Eggers 236–238, 195; Straume IV–XI) // Сто лет черняховской культуры. Киев: Ин-т археологии НАН Украины, 1999. С. 48–86.
18. Гавритухин И.О. Финал традиций культур римского времени в Восточном Прикарпатье // Die spätromische Keiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittele- und Osteuropa. Kongreß Łódz. 9.–11. November 1996. Maczynska M., Grabarczyk, T.W. [Hrsg.]. Łódź: Wydaw. Uniw., 2000. S. 261–320.
19. Гавритухин И.О. Глава 1: Днепровское лесостепное левобережье. 1.2: Финал черняховской культуры // Раннеславянский мир. Вып. 9: Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. С. 9–24.
20. Кузнецов Н. Дербент // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. X(19). СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1893. С. 423–424.
21. Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.
22. Кудрявцев А.А. К отождествлению раннесредневековых городов Чора и Дербента // Историко-археологический альманах. Вып. 6. Армавир: Армавирский краеведческий музей, 2000. С. 38–45.
23. Гаджиев М.С. Миссия епископа Исраела и вопросы исторической географии Кавказской Албании // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки / Материалы и исследования по археологии России. 2001. № 3. С. 162–170.

**А.А. КАДИЕВА,
С.В. ДЕМИДЕНКО***

Раскопки комплекса археологических памятников близ селения Заюково (Кабардино-Балкарская республика)

Проблема хронологии и периодизации культур эпохи раннего железного века – раннего средневековья сегодня является одним из наиболее актуальных вопросов археологии центральных районов Северного Кавказа и особенно территории современной Кабардино-Балкарской республики. Несмотря на полтора столетия его изучения, сегодня археолог-кавказовед по-прежнему вынужден строить свои выводы либо на материалах частично раскопанных памятников, либо на предметах из грабительских раскопок. Исправить ситуацию можно только проводя регулярные археологические исследования на современном научном уровне. При этом памятники должны содержать выразительный материал, который можно использовать как эталон для сравнения.

На сегодняшний день для территории Кабардино-Балкарии таким памятником является комплекс археологических памятников близ села Заюково, который с 2014 г. изучает Объединённая Северокавказская археологическая экспедиция Государственного исторического музея, Кабардино-Балкарского государственного университета и Института археологии РАН.

Комплекс состоит из трёх объектов: могильника Заюково-3 (VIII в. до н.э. – V в. н.э.), поселения Заюково (основной период бытования – сарматская эпоха, встречается незначительное количество кобанского материала) и скального могильника Заюково (VIII–XI вв.) (фото 1).

Комплекс находится на высоком скальном мысу, расположенном на правом берегу реки Гунделен (левого притока реки Баксан). Географически этот район относится к Центральным районам Северного Кавказа и является переходной зоной от предгорий к горам.

Памятник был открыт в 1933–1934 гг., когда Государственная академия истории материальной культуры организовала охранные работы в районе реки Баксан. В 1933 г. в районе селения Заюково работал отряд под руководством Б.Е. Деген-Ковалевского. В 1934 г. эти работы были продолжены отрядом под началом А.А. Иессена [1, с. 220]. На археологической карте Республики, составленной И.М. Чеченовым, памятники, входящие в комплекс, значатся под номерами 80, 81 и 159 [2, с. 36, 56].

В начале 2000-х гг. грабители обратили внимание на могильник Заюково-3 и разрушили существенную его часть.

* **Кадиева Анна Анатольевна** — научный сотрудник Государственного Исторического музея, руководитель проекта «Раскопки комплекса археологических памятников у с. Заюково» (16-01-18057е).
E-mail: adelgeida85@mail.ru

Демиденко Сергей Викторович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН, исполнитель того же проекта.
E-mail: svdemid@hotmail.ru

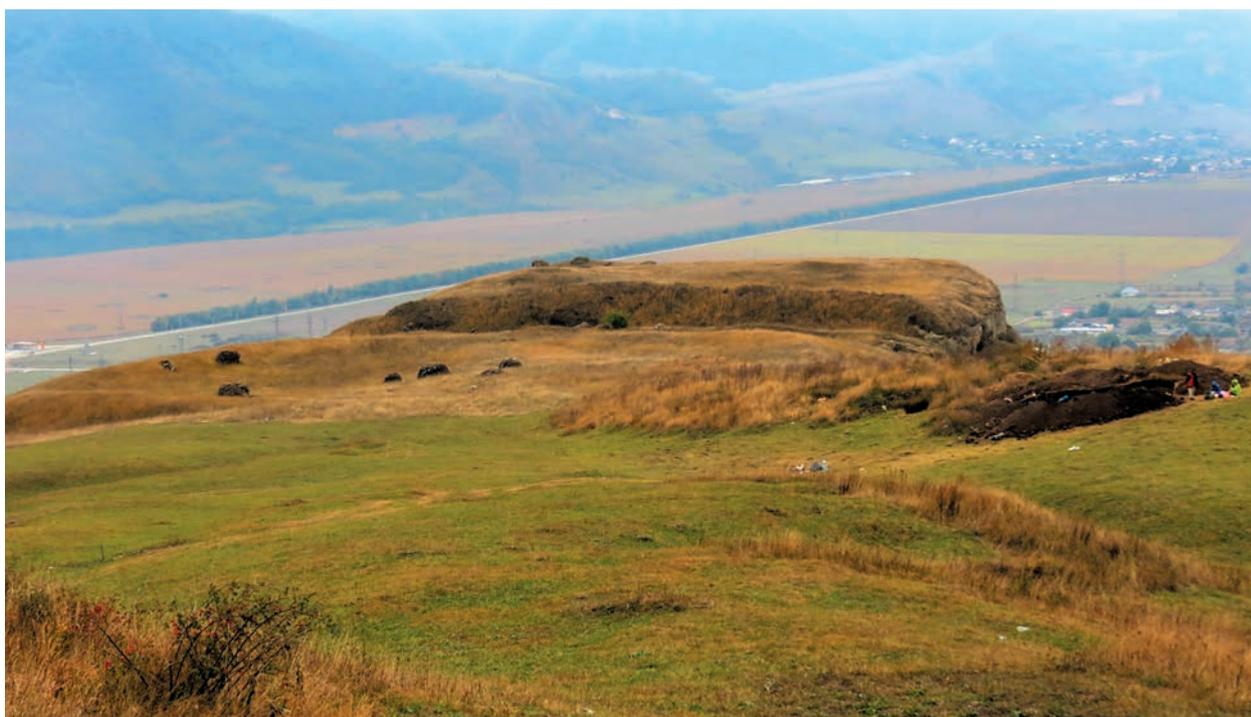

Фото 1. Комплекс археологических памятников Заюково. Вид с севера

Об их находках стало известно нальчикскому краеведу В.Н. Котлярову. Последний смог уговорить грабителей позволить сфотографировать их находки. После этого В.Н. Котляров обратился к С.Л. Дудареву с просьбой атрибутировать памятник. Проанализировав запечатлённые на фотографиях предметы из Заюково (шлем «ассирийского» типа, бронзовый топор, украшения и амулеты), исследователь пришёл к выводу, что могильник можно датировать периодом VIII–V вв. до н.э. Именно С.Л. Дударев дал памятнику название Заюково-3 [3, с. 184].

Поскольку материалы, выявленные В.Н. Котляровым, представляли высокую научную ценность, было решено принять меры по спасению памятника. Осенью 2014 г. экспедиция ГИМ, КБГУ и ИА РАН под руководством А.А. Кадиевой начала работы на памятнике. В полевых сезонах 2014–2016 гг. на участке площадью 200 квадратных метров были исследованы 70 погребений, а на скальном могильнике Заюково – 7 катакомб.

Могильник Заюково-3 имеет весьма сложную стратиграфию. Территория не-

крополя делилась на участки, разграниченные насыпанными из спрессованной супеси стенами. Участки имели сравнительно небольшую площадь, потому члены семьи, владевшей участком, хоронили своих родственников весьма компактно. Настолько, что в ряде случаев дно погребения оказывается перекрытием более ранней могилы (фото 2). Ситуация осложняется тем, что катакомбы сарматского времени впущены под кобанские погребения.

За три года раскопок прослежены шесть этапов функционирования некрополя: 1 – (IX?)VIII – первая половина VII в. до н.э., 2 – вторая половина VII – первая половина V в. до н.э., 3 – вторая половина IV–III в. до н.э., 4 – I–II вв. н.э., 5 – III–V вв. н.э., 6 – эпоха Средневековья.

Первый этап (43 погребения) делится на два подэтапа: 1а и 1б. Для первого из них характерны погребения в грунтовых ямах в вытянутом положении на спине. Единственное погребение взрослого мужчины (погребение 600) содержало несохранившийся колчан с пятью стрелами: четырьмя плоскими и одной втульчатой ромбовидной. Три погребённые взрослые

Фото 2. Взаиморасположение погребений 25–28

женщины были захоронены в богатых уборах. Каждый из них был индивидуален, однако прослежены и общие черты: наличие ожерелья, состоящего из бронзовых бус или витых пронизок, и две бронзовые булавки на плечах. Примечательно, что все булавки были направлены острием вверх, что затрудняло ношение закреплённого таким образом костюма в бытовых условиях. Вероятно, здесь мы сталкиваемся с деталью погребального обряда.

Наиболее представительный убор погребения 55 (фото 3) состоял из бронзовых булавок, многочисленных спиральных пронизей, крупной нагрудной бляхи и подвески в виде птицы с головой барана. Судя по обилию бронзовых изделий в погребении, социальный или имущественный статус захороненных женщин был достаточно высок. Примечательно, что все три погребённые были уложены вытянуто на спине, что нехарактерно для кобанской эпохи, но является продолжением традиций северо-кавказской археологической культуры.

Бронзовые уборы, состоящие из бус, витых пронизок и полусферческих бляшек, обнаружены также в двух детских погребениях. Кости детей не сохранились, но о возрасте погребённых можно судить по размерам могильной ямы. Наличие бронзовых уборов свидетельствует, что дети были женского пола.

Сенсационная находка была обнаружена в погребении младенца. Вероятно, умерший ребенок был захоронен в люльке, от которой сохранилась одна деталь — костяная мочеотводная трубка. Этот древний прототип современного подгузника указывает на то, что у представителей кобанской культурно-исторической общности существовали люльки, конструктивно схожие с теми, что известны по этнологии современных кавказских народов. Эта находка является уникальной для раннего железного века Северного Кавказа. Вдоль длинной стены погребальной ямы лежал наконечник железного дротика, возможно, игравшего роль апотропея (оберега).

На этапе 16 прослеживаются существенные изменения в погребальном об-

Фото 3. Погребение 55. Бронзовый убор

Фото 4. Погребение 19. Остатки косяка погребённого после ритуального разрушения

ряде. Появляется традиция ритуального разрушения тела или скелета погребённого. При этом каменный заклад над погребением восстанавливается, а инвентарь остаётся в могильной яме. Так, в погребении 19 косяк подростка был практически полностью уничтожен (фото 4), однако бронзовый пояс и фибула лежали на своих местах.

Захоронения осуществлялись как в грунтовые ямы, подобно захоронениям предыдущего этапа, так и в каменные ящики. В отдельных случаях обнаружены вытянутые косяки, однако в целом преобладает скорченное положение погребённых.

К мужскому инвентарю относятся бронзовый пояс, фибулы и ворворки (подвески). В трёх случаях под тазовыми костями мужских скелетов обнаружены бронзовые слитки, которые могли играть роль оберегов или указывать на связь погребённых с бронзолитейным производством. В пользу последнего предположения говорит и то, что ни в одном из захоронений мужчин не обнаружено предметов вооружения (фото 5).

Женские погребения выделяются наличием бронзовых уборов, которые разделены на два ранга: стандартный и богатый. Стандартный убор (встречен в 11 погребениях) мог включать набор бус, бронзовые булавки, железные булавки, соединённые бронзовой цепью, перстни, браслеты, подвески, бляшки или сочетание этих элементов. Богатый убор (обнаружен в трёх погребениях) составляли бронзовые и железные булавки или бронзовая фибула, нашивные бляшки различной формы, бронзовые и стеклянные бусы. В двух случаях убор включал ожерелья из спиральных биконических пронизей, подвесок в форме пестиков и в виде бараньих головок (фото 6). В одном случае убор находился непосредственно на косяке погребённой (фото 7), в двух — лежал на полу погребения, ещё в одном — ожерелье было обнаружено в разрушенной могиле.

Скифская эпоха (VII – начало V в. до н.э.) была представлена двумя воинскими погребениями с железными мечами-акинаками. В одном случае воина в загробный

Фото 5. Погребение 28. Захоронение мужчины с бронзовыми слитками под тазовыми костями

мир сопровождало ещё и копьё (фото 8). Показательно, что в обоих воинских погребениях были обнаружены женские браслеты и перстни, вероятно, являющиеся заупокойными дарами.

Женских погребений этой эпохи обнаружено четыре. Все они расположены последовательно друг над другом. Наиболее полно сохранилось нижнее, где захоронена женщина с бронзовым убором, состоящим из перстня, двух браслетов и нагрудной цепи, закреплённой двумя железными булавками. Примечательно, что в районе пояса женщины были обнаружены железный нож и оселок — атрибуты, более типичные для мужских погребений.

Кроме захоронений людей кобанской эпохи на могильнике обнаружены две жерт-

венные ямы с захоронениями животных. В обоих случаях в яму по линии запад — восток были уложены кости коня и быка, причём бычий череп лежал перед конским так, что последний примыкал к затылочной части. Из костей животных в жертвенных ямах были обнаружены только черепа и кости ног, из чего можно сделать вывод, что в обряде использовались не целые туши, а только шкуры животных. Поскольку таких жертвенных ям три, можно говорить об устойчивости этой детали обряда для населения, оставившего могильник Заюково-3.

Помимо отдельных жертвенных ям животных хоронили в погребениях людей: в двух погребениях были обнаружены скелеты собак.

К третьему этапу — концу IV—III вв. до н.э. — относятся 10 погребений, из которых четыре являются мужскими, четыре — женскими, в двух случаях пол погребённого определить не удалось.

Захоронения осуществлялись в грунтовых ямах, каменных ящиках и ямах с каменной обкладкой. По-прежнему сохраняется традиция ритуального разрушения костяков, причём женские костяки подвергались ему в большей степени, чем мужские. Поза погребённых (в тех случаях, где её представлялось возможным проследить) определялась как «скорченно на боку» или «на спине с подогнутыми ногами».

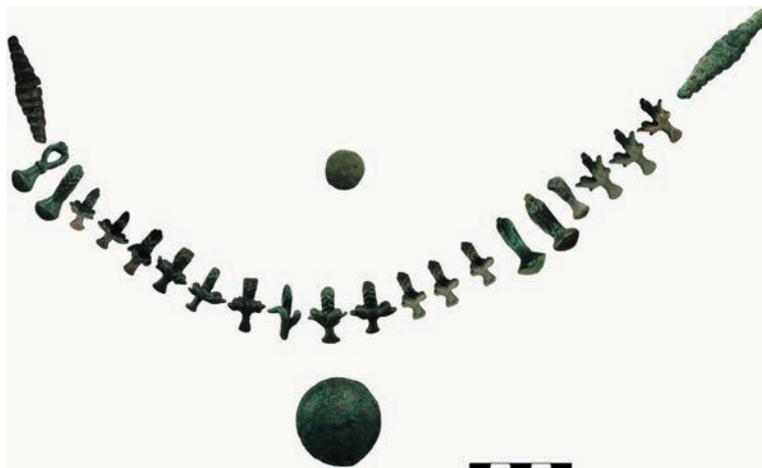

Фото 6. Нагрудный убор из погребения 33. Реконструкция

Для мужских погребений были характерны предметы вооружения, как правило, представленные стрелами. В двух случаях при погребённых лежали колчаны, от которых сохранились железные наконечники стрел, расположенные рядами. В одном из этих двух погребений мужской скелет сопровождался также мечом синдо-меотского типа (фото 9).

Женские костяки, как правило, были разрознены или полностью разрушены. Для сопровождающего их инвентаря характерны бронзовые булавки и бусы из сердолика, стекла и раковин каури.

В четырёх случаях в могилах были обнаружены бараньи туши. В отличие от них захоронение мула было осуществлено в отдельной яме. В зубах мула были зажаты железные удила, на шее висел бронзовый колокольчик, а вдоль костяка лежал каменный оселок.

Погребения четвёртого этапа (I–II вв. н.э.) в ходе работ экспедиции не обнаружены. Однако среди предметов собрания В.Н. Котлярова имеются две фибулы-авциссы и фрагменты двух зеркал с боко-

Фото 7. Погребение 33

Фото 8. Погребение 49

вой петель. Таким образом, погребения этого этапа на могильнике были разрушены грабителями.

Весьма представительными были захоронения позднесарматской эпохи (III–V вв.), к которой относятся 9 погребений. В погребении женщины с ребёнком были обнаружены серебряные обувные пряжки, подвязная лучковая фибула с верхней тетивой и кувшин с растробовидно расширяющимся горлом. Сочетание этого инвентаря указывает на первую половину III в. н.э. К этому же периоду относится погребение ребёнка с железными пряжкой и сильно профилированной фибулой, а также бронзовым браслетом. Наличие инвентаря в детском погребении указывает на высокий социальный статус родителей этого ребёнка.

Восемь погребённых из могил сарматского времени имели деформированные черепа. Шесть из них принадлежали мужчинам из одной катакомбы (фото 10).

Фото 9. Погребение 11

На висках погребённых были обнаружены калачевидные серьги. В этом же погребении находились железный меч и бронзовая фибула. Погребение датируется V в.

Ещё одним видом погребально-поминальных конструкций, обнаруженных в сезоне 2016 г., были две тризновые ямы эпохи Средневековья. Одна из этих ям представляла собой кувшин VII–VIII в., поставленный рядом с каменной плиткой. Вторая тризновая яма была организована существенно более сложно. Яма состояла из поквдратной конструкции, выложенной из окатанных речных камней в 2–3 ряда. В пространстве, ограниченном конструкцией, лежали две разбитые корчаги и один кувшин. Поверх фрагментов керамики находилась ручная мельница (жернов и мельничная пята). Камень, из которого были сделаны составные части мельницы, был довольно хрупок, что заставляет предположить использование предмета исключительно в обрядовых целях. После разбора конструкции было обнаружено крупное пятно золы. По керамическому набору тризновая яма датируется X–XI вв.

Это не единственный случай использования мельницы в погребальном ритуале. В погребении 14 под ручной мельницей лежал скелет младенца. В погребении 52, датированном II–III вв., была обнаружена лежащая поверх могильной ямы зернотёрка. Таким образом, мы можем говорить об устойчивой детали погребально-обрядового ритуала.

С большой долей вероятности можно предположить, что комплексы эпохи Средневековья связаны уже не с могильником Заюково-3, а со скальным могильником Заюково, вплотную примыкающим к могильнику Заюково-3 с запада. В погребении 3 этого могильника были обнаружены фрагмент клинка бронзового кобанского кинжала и фрагмент бронзового браслета II в. Таким образом, населению, оставившему скальный могильник, было известно о присутствии в непосредственной близости от их кладбища некрополя более древней эпохи. Вполне вероятно, что это место было сакрализовано. Очевидно, поздние тризновые ямы относятся к скальному могильнику, но вероятна и опосредованная связь их с могильником Заюково-3.

Фото 10. Погребение 70. Катакомба

Все семь исследованных экспедицией катакомб скального могильника были разграблены. Тем не менее, даже небольшое количество незамеченного грабителями погребального инвентаря оказалось весьма информативным. В погребениях были обнаружены золотые бляшки, пряжки, многочисленные стеклянные и янтарные бусы, пряжка и фибула. Все эти находки позволяют отнести скальный могильник концу VII–XI вв.

Исследования комплекса археологических памятников близ села Заюково проливают свет на несколько проблем археологии эпохи раннего железа – раннего Средневековья. Прежде всего, это проблема хронологии классического этапа кобанской культурно-исторической общности. Благодаря сложной стратиграфии памятника, удалось выявить отдельные этапы в развитии погребальных традиций и материальной культуры киммерийской эпохи, которая ранее рассматривалась как единый период.

Среди погребальных традиций некрополя Заюково-3 отмечен обычай вытянутых захоронений в грунтовых ямах, не свойственный кобанским могильникам. Наиболее вероятным источником этих обычаев является погребальный обряд северо-

кавказской культуры, могильник которой располагается в непосредственной близости от могильника Заюково-3.

Немногочисленные погребения сарматской и раннесредневековой эпохи образуют единственный памятник типа Нижний Джулат-Чегем-Заманкул¹, выделенного В.Ю. Малашевым [4, с. 157], в горной зоне Кабардино-Балкарии. Показателен большой процент деформированных черепов, что нехарактерно для погребений этого типа.

На сегодняшний день могильник Заюково-3 является единственным памятником, где обнаружен заключительный этап кобанской культурно-исторической общности, а именно комплексы конца IV–III в. до н.э., чье выявление справедливо считается одним из ключевых вопросов в истории народов, населявших горную зону центральных районов Северного Кавказа в раннем железном веке. Суть проблемы наиболее полно сформулировал А.П. Мошинский: «В результате существования двух нестыкованных археологических шкал – В.И. Козенковой и М.П. Абрамовой – образовался разрыв». Благодаря находкам на некрополе Заюково-3 этот разрыв устранён.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иессен А.А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии (Значение памятников республики) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 3: Материалы по археологии Кабардино-Балкарии / Под ред. М.И. Артамонова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 7–50.
2. Чеченов И.М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969.
3. Дударев С.Л. Новые данные о шлемах ассирийского типа на Северном Кавказе // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации // XVII Крупновские чтения: Тезисы докладов. Махачкала: Издательский дом Мавраевъ, 2012. С. 183–185.
4. Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус. 2009.

¹ В.Ю. Малашев доводит период бытования выделенной им в предкавказских степях группы памятников до I в. н.э. Катакомбы могильника Заюково-3 относятся к более позднему времени, однако на основе аналогий с керамическими сосудами могильников Нижний Джулат и Чегем мы считаем правомерным относить их именно к этой группе.

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

Е.А. МЕЛЬНИКОВА*

Восточная Европа в древности и средневековье: XXIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто (Москва, 19–21 апреля 2017 г.)**

Ежегодно проводимая Институтом всеобщей истории РАН при поддержке Фонда конференции «Восточная Европа в древности и средневековье» в 2017 г. была посвящена проблеме античных и средневековых общностей — проблеме, казалось бы, достаточно изученной в отечественной историографии, в том числе применительно к Древней Руси. Однако в действительности — особенно с учётом новейшей зарубежной историографии, в которой ей уделяется значительное внимание, — многие аспекты этой проблемы остаются неясными. Именно они и были выдвинуты организаторами конференции на первый план: механизмы формирования и функционирования общностей различных типов (социальных, профессиональных, конфессиональных и др.), специфика окказиональных общностей, формы идентификации и самоидентификации общностей и ряд других.

В конференции приняли участие более 80 учёных из научных и учебных учреждений страны (Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Тюмени, Сим-

ферополя, Севастополя и др.), а также из Украины, Литвы, Молдовы, Польши, Чехии, Словакии (фото). Большое число участников конференции, специализирующихся в различных областях исторической науки (антиковедов, русистов, кочевниковедов, медиэвистов и др.) и принадлежащих к различным историографическим школам, обусловило, с одной стороны, плодотворность дискуссий по докладам, с другой — возможность сопоставления сходных явлений в различных регионах средневекового мира.

Наибольшее число докладов было посвящено трём основным вопросам: формированию социально-потестарных общностей и их отражению в письменных источниках; возникновению этнокультурных общностей в иноэтничной и инокультурной среде; самоидентификации и особенно экзоидентификации общностей различных типов. Наряду с этими обсуждались и другие вопросы: конфессиональных общностей (древнерусского монашества: к.и.н. Ю.А. Артамонов, Москва, д.и.н. П.И. Гайденко, Ка-

* Мельникова Елена Александровна — доктор исторических наук, заведующая сектором Института всеобщей истории РАН, член Оргкомитета конференции.
E-mail: melnikova_2002@mail.ru

**Проект 17-01-14030г.

Фото. Открытие конференции

заны; византийских монашеских общин: к.и.н. А.Б. Ванькова, Москва; христианских общин Исландии: д.ф.н. Н.Ю. Гвоздецкая), родственных коллективов знати (д-р Д. Домбровски, Польша, к.и.н. Д.Е. Мишин, Москва), окказиональных (д.и.н. Т.Н. Джексон, Москва, В.М. Хусаинов, Москва, к.и.н. М.В. Земляков, Москва и др.) и культурных (к.и.н. А.А. Сеницын, СПб, В.С. Ленская, Москва) общностей.

В рамках первой проблемы — формирования и функционирования социально-потестарных общностей — первостепенное значение имели доклады, посвященные догосударственным и раннегосударственным этнопотестарным структурам: славянским «племенным» образованиям, кочевническим общностям античного и раннесредневекового времени, территориальным общинам. Принципиально важное значение имели доклады к.и.н. А.С. Щавелева (Москва) и д.и.н. Е.А. Шинакова (Брянск) и А.В. Григорьева (Тула), посвященные проблемам реконструкции сложения, развития и уничтожения славянских этнополитических общностей в Восточной Европе IX — начала XI в. на основании совокупности данных письменных источников и археологии. Как эти два, так и ряд других докладов отличались остро критической направленностью и стремлением верифицировать

либо аргументированно опровергнуть устоявшиеся концепты. Доклад Е.А. Шинакова и А.В. Григорьева подвёл итоги историко-археологического изучения эталонной для славяно-русской археологии роменской культуры Левобережья Днепра.

В докладе А.С. Щавелёва был поставлен под сомнение ряд попыток идентификации и локализации некоторых общностей славян (так называемых летописных племён) по археологическим данным. Методологически доклад А.С. Щавелёва перекликался с выступлением к.и.н. В.С. Флёрова, посвящённым обоснованию не-

возможности идентификации «этнических» хазар по археологическим материалам, полученным в ходе раскопок на территории Хазарского каганата. А. Юсупович (Польша) критически проанализировал предположения о существовании города Лысеца, упоминаемого в Галицко-Волынской летописи, и соответствующей городской общины — исследователь увидел здесь лишь сообщение о городище-убежище и культовом центре. Механизмы «учёного» возникновения этнопотестарных общностей продемонстрировал к.и.н. П.В. Шувалов (СПб) на материале «скифов» Приска. Трансформация семиреченского племени *чу-му-кунь* как этнополитической общности была освещена в докладе к.и.н. В.В. Тишина.

Сходный аспект изучения общностей был представлен в докладах, посвящённых политическим образованиям от античности (д.и.н. И.Е. Суриков о типичности и специфике Спарты как полисной общности; к.и.н. И.М. Никольский о королевстве вандалов в Северной Африке как специфической политической общности) до XIII в. Традиционную, но далеко не исчерпанную проблему Русь/Русская земля в IX–X вв. вновь поднял к.и.н. Д.М. Котышев (Троицк, Челябинская обл.), рассмотрев это образование как своеоб-

разную общность. И.А. Дружинина (Москва) выделила в качестве трансформирующейся политической общности упоминаемую Константином VII Багрянородным Папагию на кавказском побережье Чёрного моря.

Следующая группа докладов рассматривала различные типы социальных общностей, прежде всего в составе государственных элит. Д.В. Обрезкова охарактеризовала придворных служащих в позднем Риме в параметрах социального сообщества. Аналогичную общность — но на материале Древней Руси — исследовал чл.-корр. НАНУ Н.Ф. Котляр (Киев), посвятивший свой доклад княжескому двору и его составу. Учёный подробно остановился на вертикальных и горизонтальных связях, обеспечивавших функционирование двора. Особенности древнерусских воинских общностей, отражённым в их летописных наименованиях, посвятила свой доклад д.ф.н. В.Ю. Франчук (Киев). Византийское село как социокультурная и психологическая общность стало предметом исследования к.и.н. Ю.Я. Вина. Вопрос о характере норвежского хирда в XIII в. как социальной общности рассмотрел к.и.н. С.Ю. Агишев (Москва), выделив возможные интерпретации королевских «дружинников» как подданных короля, его вассалов и сопоставив общность «хирд» с гильдиями и братствами. Формированию военной элиты и её роли в политической истории Хорезма накануне и в период монгольского завоевания был посвящён доклад к.и.н. Д.М. Тимохина (Москва).

Формирование территориальных и городских общин обсуждалось на материале нескольких регионов: Древней Руси, Англии, Исландии, Испании. Чрезвычайный интерес представлял доклад д.и.н. П.В. Лукина (Москва) о выражении «весь Новгород» в новгородских документах как репрезентации «воображаемого сообщества», т.е. о создании и поддержании представлений о существовании единой городской общности. К докладу П.В. Луки-

на примыкало выступление М.Л. Лавренченко (Москва) о характере связей новгородцев и общин новгородской округи. Неменьший интерес вызвали доклады к.и.н. О.В. Аурова (Москва) о сложении и функционировании территориальной общины в Кастилии и Леоне и к.и.н. А.А. Анисимовой (Москва) об уникальном для средневековой Англии случае объединения нескольких торговых портовых городков в единую общину. Образование территориальных общин в Исландии после её заселения и ослабление кровно-родственных связей за счёт территориальных было прослежено к.и.н. Е.В. Литовских (Москва).

Вторая обширная группа докладов касалась образования и функционирования этнокультурных общностей в иноэтнической и инокультурной среде. Наибольший интерес представляли наблюдения, касающиеся методов приспособления и последующей трансформации таких общностей в новой среде. Эти явления были прослежены на протяжении всего рассматриваемого времени в нескольких регионах. В первую очередь были рассмотрены варварские общности в позднеримском мире: готов-трапезитов в Крыму (к.и.н. С.В. Ярцев, Тула) и готов черняховской археологической культуры (к.и.н. С.В. Матвеев, Кишинёв). Автор последнего доклада, обратившись к такому нетрадиционному источнику, как строительные практики черняховцев, убедительно показал, что специфика некоторых памятников отчётливо указывает на присутствие в черняховской общности римских архитектурных традиций. Формы интеграции в византийском обществе армян-халкидонитов исследовала д.и.н. В.А. Арутюнова-Фиданян (Москва), подчеркнув, что они связывали себя скорее с имперской идеей и конфессией, чем с греческим этносом или политическими структурами. Иностранцам на византийской службе в Таврике был посвящён доклад к.и.н. Н.А. Алексеенко (Севастополь), который на основании херсонских моливдовулов показал актив-

ное участие местных, подчас варварских, элит в управлении византийскими владениями в Крыму, причём процесс их интеграции проходил в несколько этапов.

Особое внимание было обращено на кочевые сообщества XIII в. в их связях с Древнерусским государством и на восприятие службы русских князей татарам в первые десятилетия после монгольского нашествия. Д.и.н. О.Б. Бубенок (Киев) и д.и.н. А.А. Кузнецов (Нижний Новгород) обратились к издавна дискутируемой проблеме бродников. Первый подчеркнул их специфику как хозяйственно-культурной общности, тогда как второй, проанализировав скудные сведения о них в письменных источниках, пришёл к выводу, что вряд ли можно рассматривать их как особую общность. К.и.н. А.А. Кузьмин рассмотрел социальные и конфессиональные факторы при формировании иноэтничной военно-служилой знати Северо-Восточной Руси. Проблеме службы русских князей татарским ханам были посвящены доклады к.и.н. В.И. Ставиского (Киев) и д.и.н. Ю.В. Селезнёва (Воронеж). В.И. Ставиский охарактеризовал отношения галицкого князя Даниила Романовича с татарскими властями, Ю.В. Селезнёв исследовал участие русских князей в походе Менгу-Тимура на Деяков в 1276/77 г.

Наконец, третий комплекс вопросов был связан со способами выделения и идентификации – внешней и внутренней – различных общностей. Теоретическому осмыслению способов формирования идентичности в Древней Руси, сочетающих дописьменный, основанный на фольклорной памяти, и письменный, историю, и отражаемых в (само)названиях, был посвящён доклад д.и.н. В.Я. Петрухина (Москва). Подробно на проблеме многоуровневости самоидентификаций остановился д-р М. Лысы (Словакия), исследовавший соотношение понятий «славяне» (вообще) и «мораване» (в частности).

Восприятие и идентификация иноэтничных и инокультурных общностей обсуждались прежде всего на античном и постантичном материале. Д.и.н. А.В. Подосинов (Москва) рассмотрел выделяемые античными писателями этнические общности Скифии, к.и.н. А.В. Короленков (Москва) – принципы обособления и сегментации этнических общностей у Саллюстия, к.и.н. И.Е. Ермолова – у Аммиана Марцеллина. Подробно исследована д.и.н. М.В. Бибиковым (Москва) трансформация «скифской общности» у византийских писателей – устойчивый этнокультурный концепт, использовавшийся для описания различных народов в разные периоды времени. Конструированию «общности тюрок» арабскими географами математической и классической описательной школ был посвящён доклад к.и.н. Т.М. Калининой (Москва). Легенда о происхождении народа (*origo gentis*) как один из способов этнокультурной идентификации получила оригинальную интерпретацию в докладе И. Комендовой (Чехия), которая исследовала этнокультурные общности в древнерусском летописании и «Чешской хронике» Козьмы Пражского.

Различные способы формирования идентичности были освещены в докладах о мосарабах Испании к.и.н. Г.А. Поповой (Москва) и Тевтонском Ордене к.ф.н. В.И. Матузовой (Москва) и к.и.н. Д.В. Байдужа (Тюмень).

Таким образом, в ходе конференции был обсуждён обширный круг фундаментальных проблем, актуальность которых особенно велика в современных условиях. Материалы конференции были опубликованы в виде препринта докладов (Восточная Европа в древности и средневековье: XXIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто: античные и средневековые общности / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: ИВИ РАН, 2017), что позволило более продуктивно вести дискуссии.

А.И. КОБЗЕВ*

47 (ежегодная) Научная конференция «Общество и государство в Китае» (Москва, 27–29 марта 2017 г.)**

За почти полвека существования конференция «Общество и государство в Китае» (далее — ОГК) [1] превратилась в самый представительный и авторитетный съезд китаеведов сначала СССР, а ныне — России и постсоветского пространства. Она охватывает все отрасли синологии, включая маньчжуристику, тибетологию, тангутоведение и киданеведение, а отчасти — изучение сопредельных и культурно близких стран — Японии, Кореи, Монголии и Вьетнама. Традиционно на форуме обсуждается самый широкий круг проблем истории, философии, филологии, экономики, политики, искусства, других аспектов культуры Китая и всего дальневосточного региона. В работе конференции принимают участие сотрудники различных институтов РАН, преподаватели, студенты, магистранты и аспиранты ведущих востоковедных вузов России и других стран, прежде всего ближнего зарубежья и Китая.

Сборники материалов конференции хорошо известны в мире, представлены в главных научных библиотеках многих стран и являются основным в России периодическим изданием по китаеведению, отражающим его ведущие, в том числе общемировые, тенденции. За 48 лет изданы 97 сбор-

ников, в которых опубликовано около 3500 докладов, статей и других материалов более 700 авторов.

Все материалы последних конференций размещаются на сайте Synologia.ru в рамках также поддержанного Фондом проекта «Электронная научно-информационная база данных “Русский Китай”». Обзоры конференций неизменно появляются на страницах ведущего востоковедного журнала «Восток» («Oriens»), а 44-я была освещена в «Вестнике РГНФ» (№ 3, 2014 г.).

В нынешней, 47-й конференции, организованной Отделом Китая ИВ РАН, приняли участие сотрудники учреждений РАН (ИВ, ИДВ, ИПЭЭ, ИВР, ИИЕТ, ИИАиЭНДВ ДВО, ИЯ, БАН), преподаватели и учащиеся вузов (преимущественно Москвы — ИСАА МГУ, МГУ, НИУ ВШЭ, МГЛУ ИМОиСПН, РГГУ, ВУМО, Академии СК РФ, а также Санкт-Петербурга — СПбГУ, СПбПУ, Тюмени — ИИиПН ТюмГУ и зарубежных — Латвийского института востоковедения, Городского института Гонконга, Университета Осаки); представители иных учреждений: НИИ военной истории Военной академии Генштаба ВС РФ, Посольства КНР в РФ, Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, Китайского патриаршего подворья, учреждений китайской медицины, школ китайского

* **Кобзев Артём Игоревич** — доктор философских наук, заведующий Отделом Китая ИВ РАН, директор УНЦ гуманитарных и социальных наук и заведующий департаментом культурологии МФТИ (ГУ), руководитель УНЦ «Философия Востока» РГГУ, председатель Оргкомитета конференции. arkobzev@gmail.com

** Проект 17-01-14028г.

языка, международного радио Тайваня и прочих, а также независимые исследователи.

Конференция открылась вступительным словом автора статьи, определившим её уникальное научное значение, и приветственной речью советника по культуре Посольства КНР в РФ, директора Китайского культурного центра в Москве Чжан Чжунхуа (фото 1), отметившей высокий уровень российско-китайских отношений и важную роль в этом ОГК.

Затем состоялась презентация книг, выпущенных Отделом Китая за предыдущий год при поддержке Фонда и Посольства КНР в РФ [2] (фото 2). В.Ц. Головачёв (ИВ РАН) рассказал о достижениях и перспективах также поддержанного грантом Фонда международного проекта «Российское китаеведение – устная история» (фото 3) и презентовал изданный с помощью Посольства КНР в России 2-й том одноимённого издания (М., 2017) с 10 интервью ведущих отечественных синологов.

Фото 1. Выступление советника по культуре Посольства КНР в РФ Чжан Чжунхуа

Историографическая тема нашла продолжение в выступлениях В.Я. Портякова (ИДВ РАН) о противоречивых оценках Чжоу Эньлая российскими исследователями, А.А. Дмитренко (Городской ин-т Гонконга) – об истории перевода Нового Завета на китайский язык свт. Гурием Карповым, К.Д. Гордицы (Китайское подворье) – о представляемом им патриаршем подворье, его миссионерской и пере-

Фото 2. Презентация новых книг

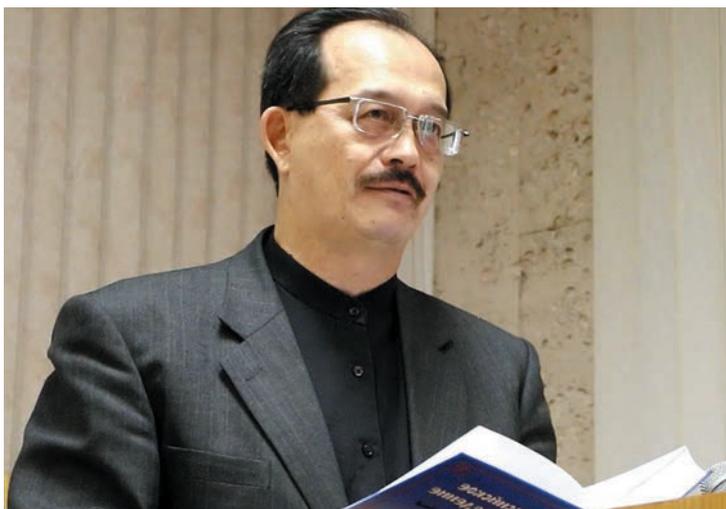

Фото 3. Сообщение В.Ц. Головачёва о проекте «Российское китаеведение — устная история»

водческой деятельности, Т.И. Виноградова (БАН) — о проявлениях юмора в Синологической картотеке ак. В.М. Алексеева.

Согласно многолетней традиции одними из первых прозвучали доклады о современности. Л.В. Забровская (ИИАиЭНДВ ДВО РАН) рассказала о роли богатых при китайском социализме, И.И. Грузинов (ИСАА) — о влиянии традиционной идеологии на концепцию «китайской мечты», А.В. Виноградов (ИДВ РАН) — о политической ситуации в КНР накануне XIX съезда КПК, В.Л. Нежданов (Тюмень) — об общественных и экономических взаимоотношениях КНР с китайской диаспорой в мире, Д.В. Мосяков — об актуальных политических проблемах в треугольнике Россия — Китай — Вьетнам, а Н.А. Замаева (оба ИВ РАН) — об итогах первого года реализации китайско-пакистанского экономического коридора.

Как всегда, стержневой темой конференции была древняя и средневековая история. Ей были посвящены доклады Г.С. Поповой (ИВ) о трудностях перевода описаний жертвоприношений в «Шу цзинь», М.Ю. Ульянова — о жречестве периода Чунь-цю (771–453 до н.э.), М.С. Целуйко (НИУ ВШЭ) — о структурно-жанровых группах в «Основных записях о деяниях дома Цинь» Сыма Цяня, В.В. Башкеева — о политической борьбе в Западной Хань

(206 г. до н.э. — 8 г. н.э.) согласно «Хань шу», А.К. Коробицыной (оба ИВ РАН) — об основных участниках политической борьбы при становлении Восточной Хань (23–29) по «Хоу Хань шу», А.Э. Терехова (ИВР) — об образе мифического создателя иероглифической письменности Цан-цзе в эпоху Восточной Хань (25–220), С.В. Дмитриева — об изображении империи Хань в букваре «Цзи-цзю пянь», О.А. Бонч-Осмоловской (ИВР РАН) — об оригинальном тексте «Кун-цзы ши лунь» («Рассуждения Конфуция о “Песнях”») и Е.С. Скрыпник (ИВ РАН) — о мавзолее Цяньлин как историческом памятнике правления императрицы У Цзэтянь (624–705).

В ряде выступлений шла речь об исторических взаимодействиях Китая с другими странами. Д.А. Худяков (НИУ ВШЭ) сообщил о предикативности в тангутском языке, В.В. Тишин (ИВ РАН) — о постханьском термине *цзяодуань* как первом письменном упоминании о домашнем яке в Центральной Азии, Е.Ю. Кнорозова (СПбГУ) — о вьетнамских религиозно-мифологических представлениях, отразившихся в «Правдивом повествовании [о восстании в] Ламшоне», В.А. Перминова (ИВ РАН) — о японских переселенческих деревнях на Тайване (195–1945), Д.А. Милеев (ИВ) — о внешней политике Германии в Китае во время японо-китайской войны (1894–1895), Е.Н. Касимова (Тюмень) — о подвигах милосердия американской миссионерки в Китае Минни Вотрин (1886–1941) во время Нанкинской резни (1937–1938).

Значительное внимание, как и прежде, было уделено китайско-российским связям. Д.А. Баюк (ИИЕиТ) прочёл доклад «Первые российские академики при Пекинской императорской обсерватории», А.М. Куликов (ИВ РАН) — «Неизвестные дневники барона Ф.Р. Остен-Сакена», Е.Г. Калкаев (ИВ РАН) — «Китайская

кооперация при НЭПе», Е.Н. Наземцева (НИИ военной истории) — «Проблема правового статуса бывших русско-подданных в Синьцзяне в советско-китайских отношениях первой половины 1920-х гг.», Л.П. Черникова (ИВ) — «Русская эмиграция в Китае: популярность эзотерики и мистики», В.Ц. Головачёв — «Советские и итальянские синологи в Китае: миссия культурного посредничества в годы “культурной революции” (по материалам проекта “Китаеведение — устная история”)».

Традиционные религиозно-философские учения нашли отражение в выступлениях Т.П. Чибисова (Центр китайской медицины «Тайшань», Воронеж) о связи 12 гексаграмм системы *сяо-си* с «Тай сюань цзином» Ян Сюна, С.Ю. Рыженкова (ИВР РАН) — о рукописях «Нирвана-сутры» в Дуньхуане V–X вв., Е.Ю. Стабуровой (Латвийский институт востоковедения) — о буддийских категориях *ти* («тело») и *юн* («применение»), И.В. Белой (Курск) — о женском подвижничестве в даосской школе Цюаньчжэнь, Н.В. Руденко (ИВ РАН) о «разнородном изложении» из «Книги для сожжения» Ли Чжи (1527–1602).

Литературе и искусству в прошлом и настоящем посвятили свои доклады

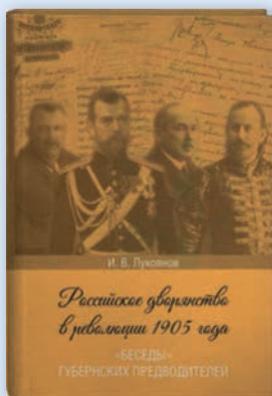
К.В. Антонян (ИЯ РАН) — «Жанр *цзацзуань* в китайской литературе и словарь “Эр я”», Н.А. Орлова (ИВ РАН) — «Проблемы поэтического перевода четверостиший (*цзюэцзюй*) Бо Цзюйи», Ю.А. Дрейзис (ИСАА) — «Декламационные практики в современной китайской поэзии: текст и звучание», Э.А. Синецкая — «Индивидуальный случай рождения китайского миллиардера (по роману Юй Хуа “Братья”)», М.Е. Кузнецова-Фетисова (ИВ РАН) — «Человек в искусстве Великого города Шан», С.-Х.Д. Сыртыпова (ИПЭЭ) — «Влияние эстетики монгольских кочевников на буддийское изобразительное искусство эпохи Юань (1279–1367)», Т.Б. Будаева (ИВ) — «Китайский императорский театр Дэхэюань вчера и сегодня».

Число и тематическое разнообразие прозвучавших на конференции выступлений, репрезентативность состава докладчиков, представлявших все основные синологические учреждения России и многие зарубежные институты, живой интерес участников, среди которых (как и среди докладчиков) было много опытных специалистов и молодежи, в очередной раз подтвердили заслуженный статус конференции ОГК как крупнейшего форума отечественного китаеведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Подробно см.: Кобзев А.И. Драмы и фарсы российской китаистики. М., 2016. С. 148–158.
2. Общество и государство в Китае. Т. XLVI. Ч. 2 / Сост. А.И. Кобзев. М., 2016; Архив российской китаистики. Т. III, IV / Сост. А.И. Кобзев. М., 2016; Цзинь, Пин, Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе. Т. 4. Кн. 1, 2 / Сост. А.И. Кобзев. М., 2016.

МИР КНИГИ РФФИ

Д.Н. ШИЛОВ*

Российское дворянство в революции 1905 года. «Беседы» губернских предводителей / Изд. подгот. И.В. Лукоянов. СПб.: Нестор-История, 2016. — 512 с.**

В отличие от многих других периодов и событий российской истории эпоха первой русской революции никак не может быть названа бедно представленной в документальных публикациях. Достаточно напомнить, что к её полувековому юбилею были подготовлены и затем в течение десяти лет изданы 18 томов серии «Революция 1905–1907 гг. в России: Документы и материалы» [1], подробно отражавших различные этапы революционных событий начала XX в. и сохранивших своё научное значение до сих пор (хотя и редко теперь используемых историками). Не была революция 1905–1907 гг. обойдена вниманием публикаторов и в постсоветское время. Наиболее фундаментальное документальное издание этого периода – серия «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в.», выпускаемая издательством «Российская политическая энциклопедия» [2].

Однако сборник документов, подготовленный И.В. Лукояновым, без сомнения займёт особое место в общем документальном массиве, раскрывающем различные стороны жизни российского общества в эту многогранную и противоречивую эпоху. Он посвящён совещаниям представителей дворянства из разных регионов страны (в основном губернских предводителей) по вопросам преобразований государственного устройства Российской империи, проходившим в Петербурге и Москве в 1904–1906 гг. В советской историографии политическим и идеологическим исканиям членов дворянских корпораций не уделялось, по понятным причинам, должного внимания. Но и в последующий период документация, отложившаяся в результате неформальных встреч дворянских предводителей, редко вызывала интерес исследователей. Наверное, отчасти это можно объяснить тем, что материалы дворянских «бесед» отложились

* **Шилов Денис Николаевич** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российской национальной библиотеки.
E-mail: shildn@mail.ru

** Проект 16-01-16131д.

в основном в городских исторических архивах, к фондам которых исследователи политической истории дореволюционной России обращаются значительно реже, нежели к фондам крупных федеральных архивохранилищ.

Публикуемые в сборнике документы извлечены в основном из двух однотипных фондов Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга и Центрального исторического архива Москвы — фондов Петроградского и Московского губернских дворянских собраний. В издание включены также материалы из фонда канцелярии министра внутренних дел по делам дворянства в Российском государственном историческом архиве и из фонда генеалога А.А. Сиверса в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН.

Издание открывается вступительной статьей И.В. Лукоянова (с. 3–36), представляющей собой фактически небольшое монографическое исследование темы. Автор подробно рассматривает все этапы истории «бесед» губернских предводителей, от момента их возникновения в 1896 г. и вплоть до падения монархии. Главное внимание при этом уделено им периоду 1904–1906 гг., к которому относятся публикуемые в издании документы. Подготовленный подробный исторический очерк в данном издании представляется и уместным, и необходимым для читателя, поскольку существенно дополняет комментарий публикатора к текстам документов.

И.В. Лукоянов дал подробное источниковедческое и археографическое описание публикуемых документов, что выгодно отличает этот сборник от многих других современных изданий такого жанра. Он проследил процесс формирования источника — от черновых записей по ходу заседания до рассылки его участникам отпечатанного типографским способом журнала. Интересен и сам факт выбора дворянскими предводителями формы журнала — традиционной для бю-

рократической практики — для фиксации результатов «бесед» (с. 33).

В сборнике публикуются материалы только тех «бесед», на которых обсуждались вопросы политического характера. За его рамками остались документы дворянских встреч, которые были посвящены узким внутрикорпоративным вопросам (благотворительность, участие в государственных юбилеях и т.д.). Такой подход представляется оправданным. Издание получилось тематически цельным, однородным.

Тексты журналов «бесед» и сопутствующих им материалов изданы полностью, без сокращений, что также является сильной стороной рецензируемой книги. Принцип расположения документов в рамках публикации строго хронологический. Все документы озаглавлены. После текста каждого приводится археографическая легенда, включающая указание на характер документа (подлинник, копия, рукопись, машинопись и т.д.), его архивный шифр, а также имеющиеся на нём резолюции и пометки. Необходимые археографические и исторические комментарии даны под строкой. Поскольку их количество не очень велико, подобный подход приемлем и для данного издания вполне оправдан.

В целом археографическая и источниковедческая работа И.В. Лукоянова представляется выполненной на высоком научном уровне. Позволю себе высказать лишь одно соображение с оттенком критики. Неясно, почему заголовки одних документов даны в обычном виде, а других — в квадратных скобках. Ведь очевидно, что и первые (например «Письмо А.А. Киреева П.Н. Трубецкому 13 ноября 1904 г.»), и вторые (например [«Памятная записка по итогам встречи губернских предводителей дворянства 15–19 ноября 1904 г.»]) даны самим публикатором. В предисловии принцип разделения никак не объяснён.

Публикуемые документы не только значительно расширяют имеющиеся пред-

ставления о дворянских «беседах» в годы первой русской революции, но и дают возможность опровергнуть некоторые суждения, высказанные в литературе. Так, в предисловии подробно сопоставляется описание одной из бесед 1905 г., данное в воспоминаниях самарского губернского предводителя дворянства А.Н. Наумова, с журналами её заседаний, вследствие чего делается вывод о значительном отклонении мемуариста от истины.

Журналы «бесед» открывают иногда удивительные переплетения разных взглядов близких друг другу людей, даже членов одной семьи. В начале 1911 г. более сотни профессоров Московского университета вышли в отставку в знак протеста против распоряжений министра народного просвещения Л.А. Кассо, ущемлявших университетскую автономию и возлагавших на педагогов фактически полицейские функции по отношению к студентам. А менее чем за шесть лет до того на заседании предводителей и депутатов бессарабского дворянства 21 апреля 1905 г. его отец, А.С. Кассо, заявил, что «прежде всего нужно добиться свободы слова и неприкосновенности личности» (с. 141).

Как отмечает И.В. Лукоянов, публикуемые документы убедительно доказывают, что «в дворянстве отсутствовало единство по основным вопросам политического развития самодержавного строя» (с. 31). Кроме того, материалы «бесед» предводителей дворянства опровергают тезис советской историографии об общей реакционности российского «первого сословия». Документы демонстрируют, что большинство активных политиков из среды дворянства в этот период придерживались умеренных взглядов,

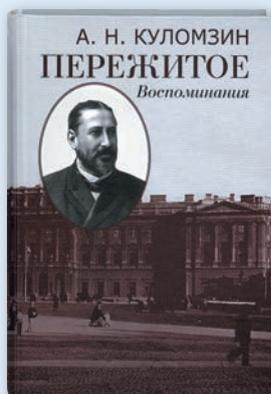
признавая необходимость преобразований в государственном строе империи и введения института народных представителей.

Книгу завершает аннотированный указатель имён. И.В. Лукоянов попытался придать ему исследовательский характер, ввести в него ранее не публиковавшиеся данные. При этом он избрал для указателя расширенный формуляр, включающий множество разнообразных сведений, например, места рождения и смерти лиц, что для именных указателей редкость. Но обратная сторона такого подхода — необходимость выявления определённого набора данных по каждой персоне. Оставляя за пределами пожеланий поиск недостающих сведений в архивах, отмечу, что и имеющаяся литература использована не в полной мере. Например, губернские памятные книжки помогли бы установить имена-отчества и чины ряда служащих дворянских учреждений (А.И. Виноградова, А.В. Макарова, Н.Д. Решетинского и др.), печатные списки чинов — годы производства в чины некоторых губернских предводителей и т.д.

Высказанные соображения относятся, безусловно, к частностям оформления научно-справочного аппарата издания, общий высокий уровень подготовки которого не вызывает никаких сомнений. Как уже отмечалось выше, подготовленный И.В. Лукояновым сборник документов открывает для нас малоизвестную страницу истории Российской империи в одну из наиболее сложных и противоречивых её эпох. Издание будет востребовано и полезно как профессиональному научному сообществу, так и всем, кто интересуется историей первой русской революции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Начало первой русской революции. Январь–март 1905 года. М., 1955; Революционное движение в России весной и летом 1905 года. Апрель–сентябрь. Ч. 1; Ч. 2, Кн. 1. М., 1957–1961; Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года. Ч. 1, 2. М.; Л., 1955; Высший подъём революции 1905–1907 гг. Вооружённые восстания. Ноябрь–декабрь 1905 года. Ч. 1, 2; Ч. 3, Кн. 1, 2; Ч. 4. М., 1955–1957; Второй период революции. 1906–1907 годы. Ч. 1, Кн. 1, 2; Ч. 2, Кн. 1–3; Ч. 3; Ч. 4, Кн. 1, 2. М., 1957–1965.
2. Меньшевики: Документы и материалы. 1903–1917 гг. М., 1996; Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы. 1900–1925 гг. Т. 1, 2; Т. 3, Ч. 1, 2. М., 1996–2000; Правые партии: Документы и материалы. 1905–1917 гг. Т. 1–2. М., 1998; Партия «Союз 17 октября»: Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. 1905–1915 гг. Т. 1–2. М., 2000; Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905–1920 гг. Т. 1, 2; Т. 3, Кн. 1, 2. М., 2000; Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001; Объединённое дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ, 1906–1916 гг. Т. 1–3. М., 2001–2002; Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов: Документы и материалы. 1906–1916 гг. М., 2002; Союз эсеров-максималистов: Документы, публицистика. 1906–1924 гг. М., 2002; Трудовая народно-социалистическая партия: Документы и материалы. М., 2003; Партии российских промышленников и предпринимателей: Документы и материалы. 1905–1906 гг. М., 2004; Бунд: Документы и материалы. 1894–1921. М., 2010; и др.

А.С. ТУМАНОВА*

Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания / Сост., автор предисл. и коммент. К.А. Соловьёв. М.: Политическая энциклопедия, 2016. — 1037 с.**

Пожалуй, немного найдётся современных изданий источников личного происхождения, которые по информативности и объёмности могут соперничать с рецензируемым изданием воспоминаний. Известный английский историк Доминик Ливен считает А.Н. Куломзина одним из наиболее значимых государственных деятелей второй половины XIX – начала XX в. из тех, кто находился в центре принятия политических решений и знал все тайные пружины власти в России. Такого же мнения придерживается и публикатор воспоминаний К.А. Соловьёв. Историк также признаёт Куломзина чиновником, заслужившим большой авторитет среди высшей бюрократии. Оба ведущих специалиста по политической истории России последних десятилетий существования империи – западный и российский – подчёркивают, таким образом, колоссальную научную ценность мемуарного наследия Куломзина, хранящегося в архивах Москвы и Петербурга. Соловьёв справедливо задаётся вопросом, как могло так случиться, что имя Куломзина «не на слуху» у многих историков.

Осуществлённое им издание призвано разрешить эту проблему.

Автор воспоминаний Анатолий Николаевич Куломзин – видный представитель высшей российской бюрократии последней трети XIX – начала XX в. Куломзин получил классическое образование на юридическом факультете Московского университета в 1850-е гг. Там он посещал лекции Т.Н. Грановского, С.М. Соловьёва, М.П. Погодина и С.П. Шевырёва. Закончив университет, Куломзин продолжил образование за рубежом: в 1858–1861 гг. он прослушал курсы юриспруденции, экономики и истории в Лейпцигском, Гейдельбергском, а также Оксфордском университетах, изучал банковское дело во Франции, Бельгии, Германии, Великобритании. Будучи знакомым с английским политическим и общественным строем, Куломзин с симпатией к нему относился. По его словам, англичанами он был «хорошо принят». Здесь имелся в виду 1860 г., когда Куломзин принял участие в Лондонском статистическом конгрессе в качестве избранного секретаря юридической секции.

* **Туманова Анастасия Сергеевна** — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: anastasiya13@mail.ru

** Проект 16-01-16038д.

Наряду с этим Куломзин описал устройство благотворительных учреждений и системы школьного обучения в знакомых ему европейских государствах, процесс разверстания угодий в германских сельских общинах, а также организацию французских тюрем и др. В описаниях европейских порядков организации культурных учреждений Куломзин предстаёт наблюдательным человеком, заинтересованным в заимствовании передового европейского опыта.

Вернувшись в Россию на заре Великих реформ, Куломзин активно занялся общественной деятельностью. Он принимал участие в реализации положений крестьянской реформы 1861 г. В 1861–1864 гг. он служил мировым посредником в Кинешемском уезде Костромской губернии. Эта работа потребовала существенных усилий: Куломзин улаживал противоречия между помещиками и крестьянами, проезжал более 4000 вёрст по губернии ежегодно. К тому же он строил школы для крестьянских детей, закупал для них книги, руководил работами по ремонту дорог.

Благодаря знакомству с государственным секретарём В.П. Бутковым в 1864 г. Куломзин перешёл на государственную службу, став секретарём при председателе Департамента государственной экономики. Начиная с середины 1870-х гг. он занимал крупные государственные должности: руководил канцелярией Комитета министров, являлся товарищем председателя министра государственных имуществ, затем – председателем Государственного совета. Куломзин был глубоко информирован о положении дел в бюрократических эшелонах, и его воспоминания являются авторитетным источником по истории государственного управления Российской империи в течение трёх последних царствований, серьёзным подспорьем для специалистов по политической истории.

Будучи видным представителем бюрократической корпорации, Куломзин при-

надлежал к так называемой либеральной бюрократии. Он был сторонником принудительного отчуждения помещичьих земель, расширения полномочий Государственной думы, высказывал критические замечания относительно политического курса властей в царствование Александра III. В апреле 1906 г. Куломзин откровенно объявил себя конституционалистом.

Характеризуя положение в крупных государственных ведомствах, мемуарист создаёт портреты известных министров (в их числе Н.Х. Бунге, А.А. Абаза, С.Ю. Витте, М.Т. Лорис-Меликов, Д.Н. Набоков и др.), анализирует скрытые от непросвещённого взгляда межведомственные интриги и противоречия.

В 1890-е гг. Куломзин работал в тесном контакте с председателем Комитета министров Н.Х. Бунге, которому посвятил существенную часть своих воспоминаний. Их связывали неформальные товарищеские отношения; неудивительно, что после смерти Бунге именно Куломзин разбирал его бумаги и способствовал распространению «Загробных записок» бывшего министра финансов.

Известна аттестация, данная А.Н. Куломзину другим его видным современником – министром финансов С.Ю. Витте. Во многом благодаря Витте Куломзин не стал министром путей сообщения в 1894 г. Витте охарактеризовал его тогда как кабинетного человека и хорошего докладчика, однако поставил ему в вину отсутствие распорядительности – качества, не позволявшего ему, с точки зрения министра финансов, вести большие практические дела.

Важным источником, на основании которого Куломзин подготовил воспоминания, стали журналы учреждений, в которых он служил. Составление журналов являлось важной функцией сотрудников канцелярии Комитета министров, и Куломзин придавал этому большое значение. Подготовка журналов определяла ритм его жизни на протяжении многих

лет. Существовало правило, согласно которому сотрудники канцелярии должны были уметь прилично писать. Куломзин лишь немного редактировал журналы, после чего они отсылались Н.Х. Бунге как председателю Комитета министров, который их внимательно просматривал и вносил в них правки.

В воспоминаниях А.Н. Куломзин анализирует механизм функционирования государственного аппарата поздней имперской России. Благодаря тяге мемуариста к прогрессу и пониманию этого многосложного явления, а также его службе на должностях (мировой посредник, Министерство государственных имуществ), игравших ключевые роли в проведении реформ, рецензируемые воспоминания справедливо можно назвать важным источником по истории правительственного реформаторства.

Кроме того, А.Н. Куломзин имел опыт и общественной деятельности. Выше отмечалось, что свою службу он начал в качестве мирового посредника в родной ему Костромской губернии. Наряду с этим Куломзин состоял членом Русского исторического и Русского географического обществ. Зарисовки общественной жизни составляют существенную часть воспоминаний и являются бесценным источником для специалиста по социальной истории Российской империи трёх заключительных царствований. Кулом-

зин представил также содержательный с точки зрения микроистории обзор состояния сословий Кинешемского уезда перед отменой крепостного права, характеризующий интересы и настроения в Центральной России в канун реформы и в период её проведения.

Отдельно следует отметить сложность работы с воспоминаниями А.Н. Куломзина. Их автору — признанному и весьма результативному специалисту по истории правительственной политики К.А. Соловьёву — пришлось использовать материалы четырёх архивохранилищ России: РГИА, ГА РФ, НИОР РГБ и ОПИ ГИМ. Поскольку воспоминания являются чрезвычайно объёмными и подробными, то очевидно, что публикатором была проделана трудоёмкая работа по подготовке их к изданию. Именно благодаря кропотливому труду этого историка нам посчастливилось получить первую полную публикацию воспоминаний, передающих дух эпохи модернизации российской жизни.

Не вызывает сомнения, что воспоминания А.Н. Куломзина являются бесценным источником для российских историков, занимающихся поздней имперским периодом, чрезвычайно насыщенным событиями и наиболее дискутируемым сегодня. Выход в свет данных воспоминаний в год столетия 1917 г. следует признать важным историографическим фактом.

И.К. ЛИСЕЕВ*

Овчинников Н.Ф. Поиски понимания: избранные труды по истории и философии науки.

М.: Новый хронограф, 2016. — 650 с.**

Николай Фёдорович Овчинников (1915–2010) — известный отечественный философ, методолог, историк науки. В связи с его 100-летием в 2015 г. в Центральном Доме учёных РАН в Москве, на заседании секции «Философия» состоялся большой и интересный разговор о жизни и творчестве этого замечательного человека. В 2016 г. вышла в свет книга избранных трудов учёного.

Как отметила ответственный редактор книги д.ф.н. Н.И. Кузнецова: «Избранные труды — это не хронологическая, но смысловая подборка статей, подчёркивающая основной вектор научных интересов автора, его удачные результирующие находки» (с. 5). Именно это определяет предложенную структуру книги, делает её весьма интересной и актуальной.

Лейтмотив научного творчества Н.Ф. Овчинникова, несмотря на всё его многообразие, — *знание о знании*. Позиция эта прекрасно отражена в рецензируемой книге. Обращаясь к анализу природы научного знания, изучая структуру, генезис и развитие научных теорий, Николай Фёдорович оказался

одним из первых в нашей стране создателей новой философской дисциплины — эпистемологии.

Автор вычленяет, анализирует и систематизирует основные методологические принципы физики. Обращаясь к фундаментальным закономерностям познания, он ищет ответы на исходные вопросы: что такое знание? что такое наука? как развивается наука? что такое рациональность? каковы виды и типы знания? и т.д. Ответы на эти вопросы, по мнению Н.Ф. Овчинникова, можно получить погрузившись в анализ фундаментальных понятий физики и выявляя ключевые принципы теоретизации этой самой развитой в XX столетии научной дисциплины. Он показывает, что методологические принципы теоретизации знания можно подразделить на три взаимосвязанных, взаимозависимых, но одновременно и самостоятельных подраздела: 1. Порождающие принципы (сохранение, симметрия, дополнительность). 2. Принципы связности (математизация, соответствие, единство). 3. Целеполагающие принципы (объяснение, простота, наблюдаемость).

* **Лисеев Игорь Константинович** — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН.
E-mail: liseev@iph.ras.ru

** Проект 16-03-16029д.

Всесторонне рассматривая каждый из названных принципов, Н.Ф. Овчинников выполняет поставленную перед собой цель — обозначить исследовательскую программу и указать возможные пути методологического движения в этом направлении. Роль и значение каждого принципа, по мнению автора, зависит от конкретной ситуации в развитии научной мысли. Попытаться всмотреться в некоторые из таких ситуаций и оценить место рассматриваемого принципа в решении непрестанно возникающих теоретических проблем — его задача (с. 191). Надо сказать, что эта задача успешно решается и даёт ясные ориентиры для рефлексивной оценки современного состояния любой дисциплины, нацеленной на создание «высокой теории» в той или иной области познания.

Многообразие историко-научного наследия Н.Ф. Овчинникова отражено в отдельном разделе книги, где помещены статьи о людях науки, творчество которых особо привлекало его внимание. Удивителен рассказ об одной из последних работ К. Поппера «Мир Парменида», центральной идеей которой является проблема инвариантов. Обсуждая главную идею Поппера, Н.Ф. Овчинников ищет иное её словесное воплощение и предлагает говорить не о принципах инвариантов, но о принципах сохранения, что более соответствует его собственной методологической схеме «порождающих принципов». На богатейшем историко-культурном материале автор показывает, как Поппер рисует впечатляющую картину испытаний, которым подвергалось учение Парменида. Достижения науки XX в., резюмирует Н.Ф. Овчинников, прописаны Поппером как решающий вклад в «апологию Парменида», высказавшего мысль о вечности и неизменности бытия (с. 385–408).

Весьма интересны соображения Николая Фёдоровича об «эпистемологическом уроке» Макса Планка. Как известно, открытие Планка символизирует начало квантовой теории, начало нового исторического периода в судьбе научной мысли,

идушей по пути поисков достоверности. Вместе с тем, как показывает Н.Ф. Овчинников, «эпистемологический урок», который всем ходом своей теоретической мысли преподавал нам классик физики XX в., состоит в том, чтобы не искать — во что бы то ни стало — теоретические «инновации». Подлинно творческая задача серьёзного учёного заключается в том, чтобы основательно погружаться в существующее знание, исследовать многообразные его формы и настойчиво искать нерешённые пока проблемы, сосредоточивая усилия над их решением (с. 418).

Показательно то, какие именно философские размышления вызывает у автора обращение к личностям великих учёных. Говоря об А. Эйнштейне или В. Гейзенберге, он сразу акцентирует внимание на теме творчества (новаций) и сохранении традиции в научном исследовании. Это даёт возможность размышлять о поисках истоков научного творчества, о феномене творческой личности, об условиях приобщения к миру культуры, формировании интереса к научному исследованию и т.д. Всё это сделано очень ярко, неповторимо, самобытно, личностно окрашено (с. 419–462).

Неожиданный для отечественного читателя анализ предлагает Н.Ф. Овчинников в статье «Карл Поппер и Джордж Сорос: встреча философии и экономики». Углублённое освоение идей выдающегося философа XX столетия, а затем и близкое общение с ним оказали, как считает автор, решающее воздействие на формирование личности известного экономиста, предопределили поразительные успехи в избранной области деятельности, способствовали устойчивости мировоззрения, сохранению своих убеждений в периоды неизбежных просчётов и неудач. Настаивая на подверженности нашего знания ошибкам, полагает Н.Ф. Овчинников, Сорос хотел бы идти дальше Поппера, и поэтому он стремится сформулировать принцип «радикальной ошибочности», а затем

применить этот принцип в своей деятельности в качестве экономиста.

Автор критически обсуждает эти положения Сороса, формулируя собственную, оригинальную позицию. Признание нашей предрасположенности к ошибкам, рефлексивности всех наших решений, осознание того, что мы — «обременённые личности» и поэтому не можем существовать как «робинзоны», ибо больше не можем жить исключительно как отдельные личности, считает Н.Ф. Овчинников, — всё это ведёт нас к концепции «открытого общества». Определяющим фактором в движении к открытому обществу, утверждает он, оказывается «тяжкая ноша сознания» каждого человека (с. 499–535).

Отдельным обертоном в этой гармоничной симфонии смыслов звучит работа о Борисе Пастернаке, поэтический голос которого «спасает нас в дни отчаяния». От нас самих зависит, уверен Н.Ф. Овчинников, найдём ли мы созвучие в тех людях, которые встречаются нам в жизненной суете, зазвучит ли в нас при встрече с ними, с результатами их трудов неискажённый голос жизни (с. 541).

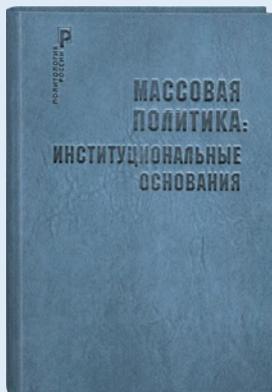
Можно смело предсказать, что в рецензируемой книге особое внимание читателя привлечёт раздел «Знаки памяти». При этом он будет интересен для всех: и тех, кто пережил события, описываемые здесь, и тех, кто знаком с ними по литературе или вообще не знаком. Яркие приметы времени, в котором довелось

автору родиться и жить, почти зримо возвращают нас в это недалёкое, но уже такое далёкое прошлое. События, имена, факты, человеческие отношения, социальный контекст — всё это историческая и одновременно очень личная летопись тех дней, рассказанная умным, рефлексивным, глубоко сопереживающим человеком — очевидцем всего, о чём рассказано.

Книга оставляет глубокое впечатление: она заставляет восхищаться глубиной проработки историко-научных и философских проблем, ясностью и тонкой литературной стилистикой авторского изложения разнообразных теоретических сюжетов, искренностью личностных «знаков памяти». Хотелось бы выразить искреннюю признательность всем, кто принял участие в её подготовке, — членам семьи Николая Фёдоровича, коллегам и друзьям из Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, а также Российскому гуманитарному научному фонду (ныне РФФИ), поддержавшему издание данной монографии.

Нельзя не отметить прекрасную работу издательства «Новый хронограф». В книге много фотоиллюстраций, интересная обложка, красивый и нестандартный шрифт, безупречная полиграфия. Издание оформлено изящно, с искренней любовью к автору и читателям.

Уверен, что книгу ждёт заслуженный успех у серьёзной читающей публики.

И.Б. ФАН*

Массовая политика: институциональные основания / Под ред. С.В. Патрушева. М.: Политическая энциклопедия, 2016. — 286 с.: ил. — (Политология России)**

Осмысливая содержание рецензируемой монографии, уместно вспомнить знаменитую мысль Ю. Андропова о том, что мы не знаем общества, в котором живём. Из этого тезиса можно было извлечь не только выводы об идеологических преградах на пути познания в то время, о недооценке властью общественного мнения, о призвании социологии и необходимости её развития, но и обозначить цели и задачи будущих исследований. Результаты теоретических и эмпирических исследований оснований и проблем вовлечённости тех или иных групп и общностей в российскую политику, представленные в этой книге авторским коллективом, — это весомый и аргументированный ответ на вызов, содержащийся в упомянутой фразе. Прочтение книги предоставляет читателю возможность узнать сегодняшнее российское общество, получить целостное представление о политических аспектах его жизни во всей их сложности и неоднозначности. Работа выполнена в рамках политической социологии, институционального и гендерного подходов, на основе

современной методологии политико-социологического анализа.

Одним из основных достоинств данной монографии является её ясная, прозрачная, рациональная структура, направляющая и акцентирующая внимание на главных проблемах при обилии взаимосвязанных с ними тем, аспектов, сторон, при множестве полученных авторами значительных результатов исследований. Монография состоит из двух разделов, первый из них посвящён концептуальным основам изучения массовой политики, второй — результатам эмпирических исследований массовой политики в России, изучению её состояния и перспектив. Эта структура даёт возможность последовательного сопоставления степени теоретического осмысления той или иной проблемы и результатов эмпирических исследований. Так читатель может видеть «ключи» к овладению материалом. Чрезвычайно важной представляется параллель главы 6 первого раздела — «Эмпауэрмент как предпосылка и результат политики граждан» и главы 16 второго раздела — «Эмпауэрмент как проблема российской мас-

* **Фан Ирина Борисовна** — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН.
E-mail: irina-fan@yandex.ru

** Проект 16-03-16042д.

совой политики». Вторая значимая параллель — главы 7 («Массовая мобилизация и массовые протесты») первого раздела и глав 11 («Мобилизация масс в представлениях россиян») и 12 («Массовая мобилизация в регионах России»). Ещё одна параллель — между главой 8 («Политическое представительство») и главой 13 («Представительство и выборы по-русски»). В то же время эта структура не жёсткая, а гибкая и живая, в монографии основные проблемы находят разработку в ряде вариаций — параграфах, которые представляют результаты рассмотрения проблем, связанных со стержневыми.

Безусловной научной новизной обладает институциональная модель массовой политики, предложенная авторским коллективом. Предпосылками её создания являются представленные в первом разделе концептуальные основы: осмысление понятий «масса», «массовая политика», выделение критериев и признаков массы, рассмотрение динамики общности, выявление акторов массовой политики, исследование доверия как её основания. Формулируя собственный концептуальный аппарат, авторы опираются на теоретические достижения мировой политической науки, связанные с данной проблематикой. Основная дилемма массовой политики, с позиций современных подходов, состоит в том, что, с одной стороны, массовая политика рассматривается как «процесс, развивающийся “снизу” на основе “эмпваэрмента”, эмансипации и самоорганизации “множеств” граждан, включённых в диалог с государством», а с другой — как «процесс мобилизации масс, народного “большинства”, выстраиваемый “сверху” Хозяином, лидером, на основе его воли и видения мира, что, скорее, исключает “эмпваэрмент”» (с. 73).

«Эмпваэрмент» как концепт и как стратегия определяется одновременно и как «критическая теория», и как «антидискриминационная практика», нацеленная на расширение массового участия в соци-

альной и политической жизни не только в форме массовых протестов, но и в различных видах участия в повседневной жизни местных сообществ, коммун, в гражданских объединениях, движениях, в экспертной деятельности, в расширении возможностей общественного контроля и т.д.» (с. 56). Главный смысл данного концепта — «самостояние акторов, вовлечённых в тот или иной процесс, их сотрудничество поверх иерархических и бюрократических барьеров» (с. 69). Этот концепт акцентирует демократическую направленность современной массовой политики.

Отмечая тенденцию поляризации социально-политической ситуации в России накануне 2014 г., связанную с кризисными явлениями в экономике, с одной стороны, и ростом рейтингов одобрения власти — с другой, авторы формулируют собственный подход к теоретическому и эмпирическому анализу общностей и множеств. Они подчёркивают важность научного прогноза развития политических настроений большинства населения и ставят перед собой цель — «выявление структуры этих исполненных восторгом (имеется в виду 86% населения, поддерживающего президента. — И.Ф.) социальных слоёв и оценку перспектив последующей трансформации их настроений и запросов» (с. 34). По мнению авторов монографии, «просматриваются возможные направления и сценарии размывания легитимности политической системы в условиях инерционного курса власти» (с. 35). В целях изучения траектории процесса размывания легитимности исследовательский коллектив формулирует основные положения собственного концептуального подхода — элементы институциональной модели массовой политики. Авторы предлагают «анализировать массовую политику (и политику масс) как процессы, разворачивающиеся в институциональном пространстве мобилизации, представительства, участия и действия.

«Мобилизация рассматривается нами как процесс включения индивидов в институты участия, действия и представительства, иными словами, в политику; представительство — как совокупность механизмов, позволяющих индивидам трансформировать свои интересы в управленческие решения, участие — как деятельность, связанная с воспроизводством политического порядка и обеспечивающая социальную и политическую стабильность, а действие — как деятельность, направленная на трансформацию порядка» (с. 36).

В монографии проводится дифференциация типов массовой политики на основе критерия «характер субъектности участников и оснований их вовлечения в участие» (Там же). В ходе исследования авторы приходят к выводу о необходимости «глубокой дифференциации типов политики на основе различения понятий «масса», «граждане» и «множество» (с. 36). В табл. 1 на с. 37 представлены и охарактеризованы три типа массовой политики: политика масс(ы), политика граждан, политика множеств(а).

Далее следуют пояснения. «Классическая» политика граждан... означает конституирование политического, институтов представительства, политического участия и политического действия и потому императивна политической демократии. Для неё эффективна стратегия «empowerment» («эмпауэрмент»)» (с. 36). «Классическая» политика масс возникает в условиях слома социальных структур, сопровождается (или инициирует) деструктивные процессы и ведёт к деинституционализации, упразднению политического с возможной перспективой его восстановления в новых формах и с новым содержанием» (с. 37–38).

Описан и потенциал становления политики множеств. Видя возможную опасность политики масс, авторы монографии считают необходимым провести анализ различных форм массовой политики «с точки зрения их нормативно-

ценностных оснований, целей и последствий» (с. 38). Приступая к эмпирическому анализу, развёрнутому во втором разделе, авторы ставят задачи исследования рисков формирования политики масс и оценки перспектив формирования в России политики граждан (с. 41).

Институциональная модель массовой политики, погружённая в эмпирический материал, определяет структуру второго раздела монографии. На основе данных Опроса ОСПИ ИС РАН 2014 г. концепт «эмпауэрмент» был применён к анализу политического поведения россиян. Условием политики граждан, возникающей «снизу» на основе «эмпауэрмента», является актор, наделённый гражданской компетентностью, ответственностью, способностью влиять на принятие решений, готовностью к участию и действию.

Наличие этих качеств у россиян, как и в целом их способность к «самостоянию», были изучены в ходе исследования. Также анализировались особенности политической мобилизации, представительства, политического участия и действия в России, влияние маркетизации общества и гендерного дискурса власти на российскую политику. Получены чрезвычайно показательные результаты, способные заинтересовать не только научных сотрудников и преподавателей вузов, но и политологов-практиков, социологов, специалистов в области государственного и муниципального управления. В выводах исследования выражены научная объективность, взвешенное отношение авторов к полученным данным без категоричных суждений и тотальных обобщений.

Рецензируемый труд во многих отношениях является новаторским. Достоинство данного коллективного исследования заключается в том, что это не просто привлечение новейшей зарубежной и отечественной литературы данной проблематики, но систематическая проработка теорий, концепций, моделей, представленных в мировой политиче-

ской социологии, разработка на их основе собственных авторских моделей описания и объяснения, а также погружение их в российский контекст, изучение с их помощью российской политической реальности в целом и феномена «возвращения масс в политику» в частности. Это было бы невозможно без применения авторами их собственного тонкого инструментария для реализации дифференцированного подхода к сложноорганизованному обществу. Благодаря этому авторами были выделены дифференцированные основания и, соответственно, разные типы политического поведения у различных групп общества.

Одним из ярких фрагментов монографии, на наш взгляд, является параграф 3 главы 10 «Самооценка политических возможностей. Мобилизация в логике политики масс, граждан и множеств», поскольку в нём показаны результаты исследования, свидетельствующие о противоречивости и неоднозначности представлений людей о своей политической роли. Такая самооценка разнится у выделенных авторами групп. Тем не менее, стоит отметить и общие тенденции отсутствия политических амбиций и ресурсов для полноценной политической активности у большинства населения. Напрашиваются выводы о серьёзной зависимости населения от вла-

сти и отсутствии у большинства возможности на неё влиять.

Необходимо отметить и высокий уровень наглядного материала, представленного в монографии. Диаграммы, схемы, таблицы (с. 30, 31, 32, 39–40 и т.д.) дают читателю возможность чётко, кратко, образно представить содержание основных понятий, соотношение и взаимосвязь элементов институциональной модели массовой политики, структурные и динамические параметры её действия.

Интересной представляется и внутренняя связь данного исследования с предыдущими работами этого научного коллектива, наличие определённой преемственности проблематики, теоретико-методологической оснастки, достаточно вспомнить уже получившие признание труды [1].

Каждый читатель воспринимает книгу сквозь оптику своих научных интересов и политических пристрастий. Невозможно осветить все интересные повороты и стороны главной проблемы монографии, поскольку в ней отображены результаты исследований по многим аспектам массовой политики. Она представляет целостную картину состояния общественного мнения россиян по поводу отношения к политике и политического поведения. Книга приглашает к неоднократному и вдумчивому прочтению и осмыслению.

В.П. АБРАМОВ*

**Валентинова О.И., Денисенко В.Н.,
Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А.
Системный взгляд как основа
филологической мысли.
М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. —
440 с. — (Язык. Семиотика. Культура)****

Монография посвящена обсуждению объяснительных и прогностических возможностей системного подхода при изучении настолько разных и одновременно не частных, а объёмных объектов интереса лингвистики и шире — филологии, что в конечном счёте системному переосмыслению в этой книге подвергаются основные современные направления науки о языке и слове.

Системный взгляд на историю типологических учений о языке и историю лингвистики в целом; системный подход в понимании одной из наиболее абстрактных, а потому одной из наиболее сложных для объективирования универсального, типологического и конкретного (значимого именно для определённого языка) значения грамматических категорий — категории падежа; системная трактовка семантической типологии языков, обсуждаемая на уровне семантических полей, который выводит на наиболее сложный системный объект — языковые картины мира: разработка системных принципов оценки исторических изменений

литературного языка; обоснование системного подхода в исследовании художественного текста; рассмотрение стиховедения с позиций системной лингвистики — такой масштаб исследований, представленных в книге, позволяет говорить о том, что её авторы задают по сути альтернативную парадигму современной лингвистической и филологической мысли.

Методологическое единство четырёх частей книги, её идейная целостность обеспечиваются общим пониманием системности, адресующим к теории Г.П. Мельникова.

Опираясь в интерпретации системного подхода на Г.П. Мельникова, исследователи актуализируют методологическую и научную ценность концепции основателя современной системной лингвистики; мыслителя, который впервые в истории науки объясняет структурные типы во взаимосвязи с материалом и функциями языковых систем: «Типологические различия языков, зафиксированные традиционной морфологической классификацией, основатель системной лингвистики

* **Абрамов Валерий Петрович** — доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка как иностранного филологического факультета Кубанского государственного университета, Заслуженный деятель науки РФ.
E-mail: abramovkubgu@mail.ru

** Проект 16-04-16001д1.

объясняет как результат адаптации языковых систем к конкретным условиям общения, типичным для коллектива, ведущего определённый образ жизни и вид хозяйственной деятельности» (с. 95).

Отметим, что сложность созданной Г.П. Мельниковым модели, требующей усилий для вхождения в неё и потому ставшей недоступной для массового воспроизведения в науке (с. 305–310), придаёт обращённой к научному наследию Г.П. Мельникова книге особую актуальность.

В первой части монографии «Развитие представлений о типологическом сходстве языков», написанной М.А. Рыбаковым, идеи системности применяются к пониманию истории лингвистической типологии и лингвистической науки в целом. В концептуальной модели М.А. Рыбакова типологические школы, часто противопоставляемые друг другу, приводятся в отношении логически обоснованного смыслового взаимодействия.

Поиск точек смыслового схождения охватывает историю типологии от идей Э. Сепира до концепции Г.П. Мельникова. М.А. Рыбаков пишет, что Э. Сепир, не удовлетворившись традиционной морфологической классификацией языков, предложил, во-первых, заменить формально-морфологическую классификацию семантико-морфологической, т.е. выделить классы языков на основе типичных для них грамматических значений; а во-вторых, заменить некую единственно правильную классификацию на многомерную, т.е. включающую несколько классификаций, построенных на основе трёх критериев: «сложность слова с различением аналитических, синтетических и максимально сложных полисинтетических (инкорпорирующих) слов-синтагм; степень спаянности элементов внутри слова при различении изоляции, агглютинации, фузии и символизма как грамматических способов выражения значения в языках; типы языковых значений и способы их выражения» (с. 30). Вопрос о том, как эти раз-

ные критерии соотносятся друг с другом, как показывает М.А. Рыбаков, в формальном аспекте рассматривается А.А. Реформатским, а системный подход к этой проблеме впервые предложен Г.П. Мельниковым.

Развиваемое М.А. Рыбаковым понимание истории лингвистической науки коррелирует с принципом взаимодополнения, применённым Г.П. Мельниковым в системной типологии языков.

Системный взгляд на историю лингвистической типологии, предложенный М.А. Рыбаковым, позволяет высоко оценить позицию Г.П. Мельникова, характеризовавшего различные аспектирующие подходы к типологии и лингвистической теории в целом как полезные, но недостаточные. Выработанный Г.П. Мельниковым синтезирующий (системный) подход даёт М.А. Рыбакову возможность ввести ещё одну характеристику типологических классификаций – описательные объяснительные классификации. Предпринятое М.А. Рыбаковым сопоставление типологических классификаций показывает, что объяснительной в отношении языковой системы в целом может быть только системно-типологическая классификация, учитывающая взаимосвязи статики и динамики языка, уровней языка, формы и содержания языковых знаков, языковой субстанции и структуры, структуры и функции, внешней и внутренней детерминант.

Обсуждая обращение типологии к грамматическому содержанию языков как наиболее сложному – по сравнению с грамматической формой – объекту рассмотрения, М.А. Рыбаков анализирует объяснительные возможности системного подхода в исследовании содержания языковых категорий на примере падежа – одной из наиболее абстрактных, а потому не поддающейся непосредственному наблюдению и, значит, особенно сложной категории с точки зрения семантического анализа. В основе системной трактовки падежа лежит понимание категории падежа как специального морфоло-

гического средства обозначения типичных ролей участников ситуации в типичной композиционной схеме ситуации, изображаемой высказыванием. М.А. Рыбаков показывает, как падежная система определённого языка «отражает структуру категорий, значимых для типичной предикативной схемы высказывания в языках данного типа, а выбор говорящим конкретной падежной формы при наличии синтаксических вариантов построения предложения отражает коммуникативный замысел говорящего, в том числе указание на актуальное членение и реальную значимость ролей участников с точки зрения говорящего» (с. 22).

Написанная В.Н. Денисенко вторая часть книги, «Моделирование системы языка», органично связана с первой частью, поскольку в ней идеи семантической типологии языков обсуждаются на уровне семантических полей. Предметом рассмотрения семантической типологии становится понятие внутренней формы, а уровень семантических полей позволяет выйти на наиболее сложный системный объект семантической типологии — языковые картины мира.

Развивая функциональную интерпретацию семантического поля, В.Н. Денисенко показывает, что последовательная иерархическая зависимость существует во всей системе единиц поля, «где каждое предшествующее звено (иерархически более высокое) может быть представлено как первичная функция по отношению к последующим, реализующим вторичные, производные функции. Эта цепочка тянется от ядра поля (его имени и инвариантного значения) к центру поля (семантическим классам разного ранга), а от него — к его периферии» (с. 153). Функциональная интерпретация семантического поля демонстрируется на примере семантического поля 'изменение', которое является тезаурусообразующим для многих языков, в том числе и для рассматриваемых В.Н. Денисенко русского и английского языков.

Разработка исчерпывающих принципов анализа семантического поля и методологии сопоставления семантических полей разных языков приводит исследователя к мысли о необходимости учитывать систему парадигматических и синтагматических параметров. Одним из центральных условий адекватного анализа семантического поля становится всесторонний учёт типологических характеристик языка. Так, например, широкую возможность образования устойчивых сочетаний с глаголом *to change* и существительным *a change* в английском языке В.Н. Денисенко видит в аналитизме: отсутствие приставочных образований с этими словами в аналитическом английском языке компенсируется их большей свободой в сочетаемости с различными лексическими группами и, как следствие, большей свободой в образовании устойчивых выражений (с. 149). В концепции В.Н. Денисенко семантическое поле предстаёт и как системное образование, входящее в языковую картину мира, и как метод системно-функционального анализа языка.

Написанная О.И. Валентиновой третья часть книги, «Системный подход к исследованию текста и стиля: обоснование причинной типологии текстов», представляет собой изложение концептуальной позиции учёного на исторические изменения литературного языка, в которой представления о тексте как о системе синтезируются с актуализацией представлений о литературном языке как о непрерывно развивающейся системе.

Обращаясь для верификации своей идеи к русскому литературному языку, исследователь сталкивается с необходимостью совместить тысячелетнюю амплитуду исторического изменения русского литературного языка и методологическую потребность удерживать в поле зрения текст как целое. Это методологическая проблема принципа отбора материала.

Кажущееся противоречие снимается за счёт трансформации линейного времени в дискретное, которая позволит раз-

личить отражённое в исторически новом принципе соотношения знака и значения исторически значимое изменение общественного сознания: «Выделение образцовых для каждого периода текстов или системы контекстов, отражающих исторически обусловленный принцип соотношения формы и содержания или, напротив, резкое изменение прежнего принципа соотношения формы и содержания, позволит реконструировать динамическую модель семантической структуры древнерусского и русского литературного языка» (с. 176). Из этого следуют выбор литургийной проповеди и жития как текстов, наиболее полно отражающих средневековый принцип соотношения формы и содержания, и позволяющая отследить формирование и изменение светского сознания актуализация представления о контексте как о категории подвижной, требующей постоянной перенастройки границ, обеспечивающих сообщение достоверного значения знаку — тексту, слову, форме, грамматической категории, конструктивному приёму, ритму.

Принципы «внеконтекстуального» системного исследования текста раскрываются О.И. Валентиновой по отношению к текстам художественным.

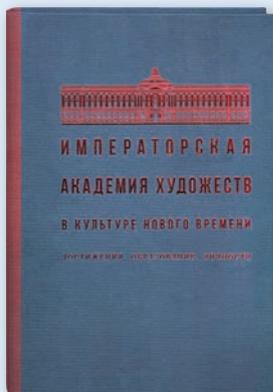
«Системный анализ стиха» — написанная С.Ю. Преображенским четвёртая, заключительная часть книги, показывает, что свойственное системной модели Г.П. Мельникова высокое обобщение принципов научного описания делает её применение эффективным в исследовании не только разных сфер языковедения, но и смежных областей.

Опираясь на введённое М.М. Кенигсбергом понятие стихемы как существующего на основе ритмической формулы сложного синтеза синтаксемы и синтагмы, С.Ю. Преображенский формулирует отличное от традиционного стиховедения понимание самого объекта стиховедения: «Репертуар стихем, подобно

репертуару фонем (“психофизических”, по Бодуэну де Куртене, единиц), определяется их различительными характеристиками. Факты сочетаемости дактилических и мужских клаузул, стихов с анакрузой и без неё при общем метрическом показателе — позиции нейтрализации дифференциальных признаков, также как и “длинные размеры”, представляют собой синтактику (синтагматику) стихем. Длина стихемы соответствует границам минимума — максимума естественной интонационной синтагмы русского языка (5–11, с учётом возможных пауз на цезуре, поскольку длина русской паузы коррелирует с длиной слога — 100 мс). Синтаксическое наполнение стихемы определяет частеречные характеристики лексем как элементов стихотворной трансформационной грамматики» (с. 319). Провозглашённые принципы понимания ритмической организации стиха С.Ю. Преображенский применяет для выявления моделей, основанных на двацентном двусловном словосочетании, особенностей их функционирования и коммуникативного заряда в контекстах разных славянских культур.

Методологическое и идейное единство книги дополнительно раскрывается в словаре концептуально значимых понятий и в составленном Н.А. Бубновой по принципу понятийных полей тематическом указателе, который даёт «представление читателю не только о структуре и общем содержании книги, но и о её «внутренней форме», системных связях и эволюции идей, понятий, смыслов» (с. 377).

Авторы книги раскрывают высокий научный потенциал системного подхода в изучении сложноорганизованных саморегулируемых систем — объектов рассмотрения филологии и в противовостоке к массовым тенденциям в современной научной жизни актуализируют научное наследие Г.П. Мельникова.

**Т.В. ИЛЬИНА,
Е.Ю. СТАНЮКОВИЧ-ДЕНИСОВА***

Императорская Академия художеств в культуре Нового времени. Достижения. Образование. Личности: К 260-летию основания Академии художеств. К 70-летию Научно-исследовательского института теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств / Отв. ред. Е.А. Тюхменёва. М.: БуксМАрт, 2016. — 432 с.: ил.**

Издание коллективной монографии в самом конце 2016 г. предвосхитило год двойного юбилея Российской Академии художеств: 260-летие со дня её основания императрицей Елизаветой Петровной при Московском университете (1757) и 70-летие учреждения Научно-исследовательского института теории и истории изобразительных искусств (1947).

Редколлегия сборника (О.В. Калугина, И.М. Марисина, А.В. Самохин, руководитель проекта и ответственный редактор Е.А. Тюхменёва) удалось сохранить дух и форму юбилейных академических изданий прошлых лет и даже столетий — времён Императорской Академии, о которой и идёт речь в книге. Оформление в твёрдом переплёте с тиснением красным золотом решено в традиции старинных фолиантов.

В трёх основных разделах монографии рассматриваются три составляющие творческой жизни и взаимодействия Академии: проекты, художественное образование и творческие

индивидуальности. Соблюдён принцип равноценности частей, каждая из которых содержит по 7–8 исследований, охватывающих период со второй половины XVIII до начала XX в.

Составителю Е.А. Тюхменёвой удалось привлечь широкий круг специалистов по русскому изобразительному искусству императорского времени из ведущих отечественных музеев, архивов и институтов Москвы и Петербурга (Третьяковская галерея, Русский музей, Эрмитаж, институты Российской академии художеств), а также Казани, Нижнего Новгорода, Рязани и Саратова.

Хорошо представлен диапазон современных научных подходов и междисциплинарных исследований, включающий, помимо искусствоведческого, историографического и иконографического анализа, обсуждение культурологических теорий, реставрационных методик, графических реконструкций.

Об изобразительном материале книги следует сказать особо. Несомненной заслугой является публикация значи-

* **Ильина Татьяна Валериановна** — доктор искусствоведения, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: t.ilina@spbu.ru

Станюкович-Денисова Екатерина Юрьевна — старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: e.stanyukovich-denisova@spbu.ru

** Проект 16-04-16114д.

тельного числа редких архивных (из различных собраний России и Великобритании) и натуральных изображений. Весь иллюстративный ряд, включающий более 400 цветных и чёрно-белых изображений высокого художественного уровня, тщательно продуман.

Открывает монографию раздел, озаглавленный «Императорская Академия художеств и проекты общегосударственного и регионального значения». Первая статья этого раздела, написанная Р.П. Блейкли, содиректором Центра по изучению русского искусства Кембриджского университета и Института Курто, посвящена выставке 1770 г. в Академии. Опираясь на теоретические модели, предложенные в исследованиях культуры такими авторами, как Э. Даймонд, В. Тернер, Р. Шехнер, М. Левитт и М. Карлсон, Блейкли предпринимает попытку реконструировать исторические особенности этой выставки, рассматривая её как своеобразный перформанс XVIII в. — конкретно-временное и неповторимое действие, продемонстрировавшее взаимоотношение искусства с официальными установками и структурами власти и ставшее точкой пересечения противоречивых тенденций.

Выработанная модель европейских художественных академий подразумевала близкую структуру, цели и задачи подобных институций, особенно созданных почти одновременно, как в случае с российской и английской академиями. В этом ключе особое значение приобретает установление регулярной переписки между ними, обмена сведениями по различным аспектам истории, структуре и деятельности в настоящем и будущем. В обширной статье И.М. Марисиной впервые комплексно анализируются лондонские публикации первой четверти XIX в. об Императорской Академии художеств, ставшие результатом инициативы секретаря лондонской Королевской академии П. Хоара издавать выпуски межакадемической (Лондон, Петербург, Вена, Берлин, Мадрид, Милан) корреспонденции «Академические Анналы».

Автор подробно исследует как носящие разрозненный характер сведения о петербургской академии, поступавшие в Англию во второй половине XVIII в., так и специальные публикации (перевод с немецкого отрывков путевых заметок Х. Миллера, выдержки из переписки лондонской академии с А.Н. Олениным, описания Академии в труде А. Гранвиля и пр.) Благодаря этим серьёзным и позитивным публикациям произошло первое знакомство английской публики с русским искусством, его создателями, ценителями и собирателями.

Важнейшим аспектом взаимодействия было формирование академических коллекций произведений европейского искусства, служивших образцами при обучении художников. Статья художника-реставратора Государственного Эрмитажа Е.М. Андреевой посвящена коллекции музея антиков Академии в 1840–1860-е гг., новым поступлениям гипсовых отливов, возникновению практики передачи экспонатов из Академии в другие собрания, а также создания новой экспозиции. Изучив архивные материалы (РГИА, РНБ) и отчёты Императорской академии, автор приходит к выводу, что к концу 1860-х гг. формирование коллекции слепков было почти завершено, по своей структуре и разнообразию оно приблизилось к типу музея классической археологии.

Новые сведения об архитектурно-проектной графике В.В. Верещагина представлены в публикации Е.В. Ким, которая вводит в общий контекст обнаруженный и атрибутированный проект дома-мастерской художника в подмосковных Нижних Котлах.

Статья «Изучение ханского дворца в Бахчисарае в конце XVIII – начале XX столетия и влияние его архитектуры на усадебное зодчество Крыма» Е.М. Коляды посвящена развитию мусульманских образов в зодчестве эпохи историзма, особенно в Тавриде, где мотивы ханского дворца определили облик дома М.С. Воронцова в Алушке, усадеб Новый Свет, Коккозы, Суук-Су и др.

Завершает первую часть блок из двух публикаций, связанных с проблемами реставрации комплексов церковной монументальной живописи. Л.С. Хасьянова исследует участие Императорской Академии художеств в реставрации росписей Храма Христа Спасителя (1885–1912), делая акцент на истории «Тайной вечери» Г. Семирадского и последовавших принципиальных для отечественной реставрационной науки решениях, принятых на всероссийских съездах художников. Автор делает вывод, что импульс к развитию реставрации живописи как науки был дан благодаря усилиям Академии в деле сохранения росписей Храма Христа Спасителя. Масштабное исследование А.В. Гамлицкого и А.А. Бурганова раскрывает особенности системы росписи Кронштадтского Морского собора 1913 г. и рассматривает проблемы авторства, программы и стиля. Кроме обзора истории создания ансамбля, авторы приводят подробные графические прорисовки расположения сюжетов воссозданных росписей и витражей, наложенные на разрезы собора, а также уникальную фотофиксацию росписей в процессе реставрации.

Второй раздел коллективной монографии, «Императорская Академия художеств и художественное образование в России», начинается статьей С.С. Акимова об Арзамасской школе живописи А.В. Ступина, ставшей первым в российской провинции частным художественным учебным заведением и примером реализации академической модели образования в условиях уездного города первой половины XIX в.

Публикуемая в книге статья Н.А. Михалёвой «Иконописная палата при Донском монастыре и её первый директор академик К.П. Степанов» является первой специальной работой (на архивных материалах РГАДА), посвящённой этой мастерской — школе, функционировавшей в Москве в 1908–1915 гг.

Элементы природы в работах русских пейзажистов эпохи классицизма (Ф. Матвеева, Сем. Щедрина, Сильв. Щедрина)

применительно к теории и практике академической пейзажной живописи проанализировала С.В. Усачёва.

Влияние А.П. Боголюбова, впитавшего ещё во время пенсионерской поездки новации французского и немецкого реалистического пейзажа, а затем надолго обосновавшегося в Париже, на русских пейзажистов второй половины XIX в. рассмотрела И.А. Ильина.

Изобразительная риторика в картине А.А. Иванова «Иосиф, толкующий сны заключённым с ним виночерпию и хлебодачу» раскрывается в статье А.Г. Сечина, где впервые публикуется её эскиз-вариант из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина.

Компаративный метод исследования источников также применила О.В. Калугина в работе «А.А. Фет и В.В. Стасов в полемике о понятии “чистого искусства”».

Обзор роли художественной литературы в творчестве приверженцев реалистической доктрины И.Н. Крамского, И.Е. Репина, В.А. Серова дан в статье А.Е. Завьяловой. Таким образом, в главе оказались отражены как традиционные, так и малоизученные аспекты академической школы: модификации её системы обучения, влияние европейского творческого метода, роль художественной критики и литературы.

Заключительный, третий, раздел посвящён исследованиям персоналий Императорской Академии художеств. Так, Е.Д. Евсеева по крупицам реконструирует творческую биографию миниатюриста Товия Водо, приехавшего из Неаполитанского королевства и работавшего первые два десятилетия XIX в. в Петербурге и Москве. Установленные детали позволяют уточнить подробности таких аспектов деятельности европейских художников в России, как оценка и торговля произведениями искусства. В монографии впервые воспроизведён выявленный автором круг произведений Водо (в том числе из частных собраний).

Недостаточная изученность творческого наследия скульптора В.П. Крейтана

восполняется исследованием О.А. Кривдиной, систематизировавшей сведения о его деятельности и отношении с Императорской Академией художеств.

Методика и опыт атрибуции портретных работ скульптора Н.А. Лаврецкого представлены в статье Е.В. Карповой. Исследователю удалось по музейным собраниям, архивным и литературным источникам установить около 40 произведений скульптора, из которых более 20 можно увидеть на страницах рецензируемого издания.

«Скульптурную» часть раздела завершает публикация уточнённых данных о работах Г.Р. Залемана, ставшая возможной после изучения писем скульптора в Архиве Академии.

Переписка стала основным источником и в исследовании Н.В. Павловой, которая вводит в научный оборот новые материалы о жизни и творчестве художника-гравёра И.П. Пожалостина.

Роль Академии в судьбе Леона Бакста от ученичества до перипетий признания раскрывается в статье Е.А. Теркель.

Имя выпускника ИАХ художника Г.В. Белашенко (1865–1931) знакомо лишь узкому кругу специалистов и любителей, тем не менее изучение его творчества важно в том числе для реконструкции многоплановости художественного фона. Д.И. Ахметова прослеживает хитросплетения судьбы художника, известного по росписи собора Новочеркаска, а после революции преподававшего живопись на Дальнем Востоке.

Роль П.М. Третьякова в художественной жизни России и Академии 1890-х гг., в момент и после передачи своей коллекции Москве анализирует Т.В. Юденкова. Автор отмечает консерватизм взглядов и неприятие Третьяковым в этот завершающий период жизни многих современных процессов, которые отразились и в его завещании сохранять галерею в неизменном виде.

Объёмное Приложение содержит четыре музейных атрибуционных сюжета, выведенных за пределы основной струк-

туры книги, чтобы не нарушать внутреннюю логику изложения.

Так, С.В. Моисеева анализирует историю бытования трёх известных парсунных портретов князей Репниных из собрания ГРМ и сложности атрибуции изображённых, предполагая определение персонажей как князя Андрея-Большого Ивановича, князя Аникиты Ивановича и князя Андрея-Меньшого Ивановича Репниных.

Архивные документы по неизвестной ранее деятельности живописца Мины Колокольникова в качестве «мастера ручного рисования», художника и преподавателя в Инженерном корпусе (1738–1741) Русской Императорской армии публикует В.И. Егоров.

Владельческий вкус и взгляды любителя и знатока искусств екатерининского времени Н.Е. Струйского раскрываются в исследовании Е.А. Тюхменёвой.

В.В. Приклонская впервые представляет интересный корпус графических листов видных и малоизвестных художников начала XX в. (С. Судейкина, М. Добужинского, А. Бенуа, Д. Митрохина, Э. Лесье, Н. Ремизова, В. Сварога и др.), приобретённых Саратовским художественным музеем из коллекции М.М. Еремеева.

Живая история Императорской Академии художеств как части необъятного художественного мира, изучаемая современными учёными, привлекающими междисциплинарные подходы, оказывается в высшей степени полезной и поучительной.

Рецензируемый труд — ещё одно доказательство позитивной и необходимой деятельности Академии и её научного института.

Издание, объединяющее около 30 авторов, не случайно названо «Императорская Академия художеств в культуре Нового времени», ибо представляет разнообразные проблемы истории искусства, культурной антропологии, атрибуции, реставрации и реконструкции, отражающие современный уровень научных исследований.

Л.Ю. ЛИМАНСКАЯ*

**Соколов Б.М. Василий Кандинский.
Эпоха Великой Духовности. Живопись.
Поэзия. Театр. Личность. М.: БуксМАрт,
2016. — 536 с.: ил.****

Борис Михайлович Соколов входит в круг историков искусства, которые начали изучать творчество В. Кандинского в 1990-е гг., т.е. в период, когда имя художника стало доступным для отечественных исследователей. Данная книга — итог многолетней работы в архивах и музеях России, Германии, Франции, США. Результаты своих исследований автор регулярно излагал на конференциях, посвящённых Кандинскому. Статьи и переводы текстов художника публиковались в периодических изданиях, таких как «Новый мир», «Венский славистический альманах», «Искусствознание» и др.

Опубликованная в 2016 г. монография Б.М. Соколова вобрала в себя опыт многолетней работы автора с архивными материалами, переводами писем, стихов, трактатов художника, ранее недоступных отечественному читателю.

Фигура Кандинского крайне сложна и требует многостороннего изучения. Автор подошёл к исследуемому материалу с позиций эпохи, стараясь восстановить по крупицам все стороны творческого наследия Кандинского

в контексте духовной жизни России и Европы начала XX в. Структура книги включает разные аспекты творчества Кандинского, её главы посвящены изучению идей о грядущей «эпохе духовности» в живописи, поэзии, театре и в самой личности художника, творца и мученика, «живущего для всех».

Многогранность подхода к исследованию отличает Б.М. Соколова от большинства зарубежных книг, посвящённых творчеству В.В. Кандинского. Зарубежные авторы мало знакомы с реалиями российской культуры, что делает их выводы о природе искусства Кандинского спорными. К таким исследованиям относятся монографии П. Вайс о шаманизме как источнике творчества художника, Е. Халь — о бытовой природе его творческих проблем, недавняя диссертация И. Аронова, в которой духовные поиски Кандинского сводятся к отношениям студенческого периода, а содержание его картин — к иллюстрации политической публицистики Мережковского. Хотя два последних исследователя являются носителями русского языка, оторванность от российской культуры не позволила им

* **Лиманская Людмила Юрьевна** — доктор искусствоведения, заведующая кафедрой Российского государственного гуманитарного университета.
E-mail: lydmila55@mail.ru

** Проект 16-04-16072д.

дать реальную картину тверских поисков и находок «синего всадника, пришедшего с Востока».

Проблема, с которой сталкиваются многие исследователи творчества Кандинского, – это малая доступность источников. П. Вайс знакомилась с дневником его путешествия на Русский Север по чужому переводу, переписка Кандинского и Габриэле Мюнтер известна только по выдержкам, опубликованным в книге сотрудницы мюнхенского музея. Огромные пласты творческого наследия Кандинского – его пьесы и стихотворения в прозе – до сих пор почти неизвестны как на Западе, так и в России. Ситуация начала меняться после того, как отечественные историки искусства получили доступ к материалам по русскому авангарду и возможность публиковать свои исследования. Начиная с ретроспективной выставки Кандинского в Москве и Ленинграде (1988) и первой отечественной конференции о его творчестве (1993), сложился круг исследователей, в который входили Д.С. Сарабьянов, В.С. Турчин и ряд более молодых исследователей. Монографии Сарабьянова и Турчина, посвящённые вопросам творческой биографии и поискам Кандинского, сыграли значительную роль в создании истории отечественного искусства XX в.

Однако в литературе о Кандинском не хватало исследований, объясняющих уникальные особенности его творчества – острую социальную направленность его идей, связь с художественной системой символизма, параллельные, но не совпадающие по результатам эксперименты в живописи, гравюре, поэзии, театре и теоретических текстах. Поэтическое наследие Кандинского не было собрано и интерпретировано. Первыми попытками предложить концепцию искусства Кандинского, связанными с его собственной концепцией, были монографии С. Рингбома и Р.-К. Воштон Лонг (1960–1970-е гг.). Они подчёркивали стремление художника создать новый миф, новую утопию ис-

кусства, ради которой искусство должно измениться. Кандинский называл это будущее «Эпохой Великой Духовности». Данный образ послужил названием для рецензируемой книги.

Главная концепция автора вытекает из интерпретации текстов и образов художника. Она заключается в том, что основой поисков Кандинского, представителя московской интеллигенции 1880-х гг., были не эстетические, а социально-философские идеи, такие как образ «Третьего Откровения», наступление которого должно подготовить новое искусство. По мысли автора, Кандинский стал живописцем (а также поэтом, драматургом и теоретиком) потому, что хотел выразить в художественной форме свои общественные, во многом утопические идеи о «духовном перевороте», преодолении грядущих катастроф, об особой, трагической и спасительной, роли России в этих событиях. С этим связан и круг тем Кандинского – разрушение мира и его погружение в пошлость, ожидание апокалипсиса, стремление героя сначала вслушиваться в «звучание» вещей, а потом прорваться к новому, «духовному» бытию, где сущности предметов будут всем доступны и очевидны. Теория «звучащего мира» и подходов художника к нему очень хорошо изложена в «Кёльнской лекции» Кандинского, которая переведена на русский язык и помещена в монографии Б.М. Соколова.

Книга открывается большим историографическим обзором исследований по Кандинскому, в котором все основные зарубежные работы анализируются подробно и достаточно жёстко. Выделены те, в которых искусство художника связано с кругом его социальных и национальных идей. Основная часть монографии состоит из четырёх глав. Первая посвящена «духовным» темам в живописи и графике Кандинского. Она построена по тематическому принципу: разбираются темы «России и Апокалипсиса», трансформации образа «матушки-

Москвы» и образов русских сказок (Кандинский с 1920-х гг. имел крепкие творческие связи с А.М. Ремизовым), место лубочной эстетики и лубочных сюжетов в живописной системе художника, а также его многолетний творческий диалог с творчеством Р. Вагнера (в одной из статей Кандинский, поборник синтэстезии, даже упрекал немецкого композитора за недостаточную последовательность в проведении идей вагнеризма).

Вторая глава посвящена поэзии Кандинского. Поскольку она претерпела существенное развитие в 1908–1914 гг., исследование строится по историческому принципу — от первых набросков до циклов «Звуки» и «Цветы без запаха» (этот комплекс текстов расшифрован и опубликован Б.М. Соколовым). Подобным образом построена и глава третья, посвящённая театру Кандинского: в ней анализируются мессианские мотивы и их смешение с темами повседневности и гротеска — от ранней «Тетралогии» до последней пьесы «Фиолетовая занавесь».

Темой четвёртой главы является образ художника нового искусства — образ, который описывает Кандинский в своих текстах, и образ художника Кандинского, который сложился у его современников. Автор показывает, что Кандинский был некой эталонной величиной художественной жизни — человеком неизменно духовным, достойным и общественно позитивным, и по отношению к нему разных людей можно судить не только о Кандинском, но и о них самих. Ярким примером такого отношения, заряженно-го собственными страстями и исканиями, в монографии служит дневник В. Степановой, где фиксируется растущая идейная неприязнь к Кандинскому со сторо-

ны группы конструктивистов во главе с А. Родченко в 1920–1921 гг., неприязнь, вылившаяся в «бунт», уход Кандинского из основанного им Института художественной культуры и в конечном счёте из отечественной художественной жизни.

Монография Б.М. Соколова имеет большой объём, потому что в ней содержатся тысячи цитат из текстов Кандинского, его современников и историков искусства, из мемуаров и архивных дел. В Приложениях помещены ключевые тексты художника, подготовленные и переведённые автором; среди них два варианта автобиографической книги «Ступени», четыре очерка Кандинского о своих картинах. Поскольку Б.М. Соколов является специалистом по истории русской народной картинки, он посвящает особый раздел увлечению Кандинского русскими и европейскими лубками и помещает в Приложениях каталог его собрания, хранящегося ныне в Мюнхене и Париже.

Книга сопровождается большим иллюстративным рядом, тщательно подобранным по темам и главам. Здесь показана эволюция стиля Кандинского, его сквозные темы, материалы русского и немецкого вариантов поэтического альбома «Звуки», все сохранившиеся эскизы художника к собственным пьесам.

Выводы автора, как он и указывает в предисловии, могут и должны вызывать дискуссию. К несомненным достоинствам книги относится её фундаментальность, обоснование выводов большими и тщательно представленными материалами. Монография Б.М. Соколова несомненно займёт значительное место в круге исследований российского и мирового искусства авангарда.

А.С. КОРШИКОВ*

**Кокарев А.И., Салыков А.Ю.
Русские и советские музыканты
в медальерном искусстве.
М.: Композитор, 2016. — 512 с.: ил.****

Как известно, нумизматика — это наука, вспомогательная историческая дисциплина, способствующая более глубокому пониманию истории, присущих ей процессов и сложных взаимосвязей. Интерес к нумизматике возник в эпоху Возрождения и не угасает до сих пор. Однако нумизматика — это не просто история чеканки монет и медалей, это ещё и вполне реальные памятники культуры, которые в совокупности составляют медальерное искусство.

Изображение на монете — дело рук мастера. Особенно это стало понятно, когда в XV в. в Европе открыли месторождения серебра и начали чеканить большие серебряные монеты — талеры, на кружкё которых можно было разместить не примитивное изображение, а целую картину. С этого момента изготовление монет — а вместе с ними и памятных медалей — превращается в искусство. Можно назвать десятки имён известнейших скульпторов и художников, работавших в медальерном жанре, к примеру, французов Давида д'Анже, Жюль-Клемана Шаплена, австрийца Антона Шарфа, рус-

ских Фёдора Толстого, Александра Васютинского, Николая Соколова, Алексея Королюка, Веру Акимушкину, Геннадия Проваторова, Андрея Забалуева. Их произведения можно смело отнести к драгоценным памятникам искусства. Именно поэтому сейчас растёт интерес к нумизматическому коллекционированию, особенно тематическому.

В уникальной книге-каталоге «Русские и советские музыканты в медальерном искусстве», вышедшей в декабре 2016 г. в издательстве «Композитор», представлены более 900 памятных предметов, посвящённых всемирно известным музыкантам, чья жизнь и творчество связаны с Россией. Это первое подобное издание в нашей стране. Литература о медальерном искусстве довольно скудна не только в России, но и вообще в мире. Вот почему выход научного труда в этой области крайне примечателен.

Авторы каталога (а это ведущий в нашей стране специалист в области медальерного искусства А.Ю. Салыков, на чьём счету уже ставший библиографической редкостью каталог «Памятная медаль советского периода 1919–

* **Коршиков Анатолий Семёнович** — директор Государственного музея-усадьбы «Остафьево» — «Русский Парнас», Заслуженный работник культуры РФ.
E-mail: parnas@ostafyevomuseum.ru

** Проект 16-04-16154д.

1991 г.», и коллекционер, Президент Фонда Тихона Хренникова А.И. Кокарев, чьё крупнейшее в мире собрание монет и медалей на музыкальную тематику легло в основу каталога) поставили перед собой цель изучить и систематизировать все возможные изделия медальерного профиля – от монет, жетонов и памятных медалей до настенных медальонов, барельефов и камей из любых материалов портретного характера, посвящённых людям, профессионально или творчески связанным с отечественным музыкальным искусством (композиторам, исполнителям, музыкальным критикам, режиссёрам музыкального театра и т.п.).

Абсолютно правильно в качестве определяющего критерия были приняты не столько географические границы Российской империи, СССР и Российской Федерации, сколько отношение этих лиц к русской культуре, их влияние на происходившие в ней процессы. Так в каталоге в особом разделе «Дополнения» оказались имена иностранцев, которые долгое время жили и работали в России, – Г. Венявский, Дж. Паизиелло и др.

К несомненным достоинствам каталога следует отнести чрезвычайно подробную информацию справочного характера по большинству из предметов, не ограниченную стандартным набором «год изготовления, размер, материал». Дотошно исследованы все известные варианты описываемых предметов, приведены любые, даже, казалось бы, самые незначительные детали, особенности, которые часто ускользают от взора даже опытного нумизмата.

В качестве примера можно привести исследование наградных медалей Международного конкурса им. П.И. Чайковского. Эта тема была связана с серьёзными трудностями, возникшими по причине многолетнего существования конкурса (с 1958 г. по сегодняшний день), различных материальных возможностей организаторов в разное время, изменений в условиях его проведения, а также слу-

чайных обстоятельств в процессе изготовления медалей.

Полнота исследования темы становится понятна, когда читатель узнаёт, что на медалях, предназначенных для награждения вокалистов и вокалисток, воспроизведены разные нотные фрагменты, соответственно из партии Германа (для мужчин) и арии Татьяны (для женщин). Причём данная традиция награждения вокалистов и вокалисток отдельными медалями была нарушена в 1994 г., когда медали вручались только в «женском» варианте.

Каталог богато иллюстрирован, и это ещё одна его положительная сторона. Авторы, где это возможно, стараются дать предметы в их натуральную величину и публикуют все (!) доступные им варианты по материалам и качеству изготовления. Таким образом, если монета была выпущена в двух вариантах – в обычном, как говорят коллекционеры «мешочном», качестве и улучшенном (так называемый пруф), то авторы приводят оба варианта, что позволяет наглядно оценить превосходство улучшенной чеканки.

Такой же подход заметен и в изображении других памятных предметов. Нередко их тиражируют в разных металлах – бронзе, серебре, золоте и проч., и, как правило, все они представлены в книге отдельными иллюстрациями.

Но обилие иллюстраций оборачивается и другой стороной (так и хочется написать: медали), демонстрируя, пожалуй, единственное уязвимое место каталога. Большинство фотографий очень высокого качества, однако среди иллюстраций попадаются тёмные и освещаемые с одного бока предметы. Понятно, что авторы стремились предъявить буквально всё, включая изображения из Интернета, поэтому им пришлось кое-где пожертвовать качеством иллюстраций. Будем надеяться, что коллекция – вещь постоянно пополняемая, и ко второму изданию каталога качество иллюстраций будет улучшено там, где это необходимо.

Очень интересно проследить в каталоге географию создания всех этих монет и медалей: США, Австрия, Венгрия, Германия, Болгария, Франция, Великобритания, Китай, Польша, Япония, Турция, Нидерланды, Италия, Португалия, Лаос и др. Такое обилие стран говорит о том, как широко по миру разошлась слава отечественной музыки, насколько высоко её ценят за рубежом, что портреты великих

русских композиторов помещают на своих собственных монетах!

Тиражи многих представленных в каталоге предметов очень малы: от нескольких десятков экземпляров до нескольких сотен. Вот почему так важны подобные книги, благодаря которым это искусство может стать доступным большему числу специалистов и ценителей прекрасного, стать достоянием народов.

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

2017, № 2 (87)

Адрес редакции: 123557, Москва, ул. Пресненский вал, д. 17.
Тел.: +7 (499) 702-85-76
E-mail: info@rfh.ru
<http://www.rfh.ru>

Оригинал-макет ООО Издательство «ЭМПРЕСС»
105082, г. Москва, Рубцовская набережная, д. 3, стр. 3
Тел.: +7 (499) 677-18-71
e-mail: info@id-empress.ru

Технический редактор А.С. Павлочева
Верстка К. Страодинский
Корректор В.В. Тихонова

Подписано в печать 24.05.2017. Формат 60×90 1/8.
Усл. печ. л. 24,9. Уч.-изд. л. 18,0.
Печать офсетная. Бумага мелованная. Тираж 300 экз.